ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

6. ПРИ 1871.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, съ пересылкою — семь рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ

„ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ."

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.

Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.

Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатирининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ". Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *М. А. Оболенскимъ*).

Procès-verbal du decès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ издателя.

....

ВТОРАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію, *Дюка де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскагó, священника *К. А. Кустодіева*.

Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*.

Семейство Разумовскихъ.—I. Графы Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка".

ПИСЬМА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ ИТАЛІЮ

ГРАФА ЖОЗЕФА ДЕ-МЕСТРА.

Графъ Жозефъ Де-Местръ (1754—1821), знаменитый противникъ Французской революціи и всѣхъ ея послѣдствій, прожилъ у насъ около 14 лѣтъ, въ качествѣ представителя Сардинскаго короля Виктора Эмануила I-го, тѣснимаго Французами и Австрійцами, удержавшаго во владѣніи своемъ одинъ только бѣдный островъ Сардинію и искавшаго спасенія въ великодушіи Русскихъ государей. Нашъ Суворовъ очистилъ королевство его отъ Французовъ; но Австрія не допустила короля утвердиться во владѣніи его предковъ, а затѣмъ побѣды Бонапарта принудили его искать убѣжища въ Римѣ, откуда потомъ онъ переселился на свой островъ, въ городокъ Кальяри. Посреди всякаго рода несчастій, графъ Местръ оставался вѣренъ королю своему и управлялъ въ Кальяри его канцеляріею. Россія народною политикою Екатерины была поставлена на такую высоту, что еще долго спустя могла тратить силы свои для внѣшнихъ цѣлей. Она являлась тогда величавою покровительницею жертвъ Французской революціи и Наполеоновскихъ завоеваній, и вотъ несчастный король отправляетъ въ Петербургъ вѣрнаго слугу своего искать нашей дипломатической обороны отъ угнетеній перваго консула. Для оцѣнки сношеній нашихъ съ Сардиніею, не мѣшаетъ припомнить, что не задолго передъ тѣмъ графъ Литта и Іезуитъ Груберъ пустили корень свой въ Петербургѣ, что политика Павла съ его Мальтійскимъ орденомъ подавала католикамъ поводы къ несбыточнымъ планамъ, и что князь Адамъ Чарторижскій, при Павлѣ, жилъ въ Кальяри нашимъ посланникомъ. Когда съ воцареніемъ Александра, онъ, (по духу, сынъ іезуитства), очутился во главѣ управленія внѣшними сношеніями Россіи, и въ тоже время Англія объявила войну Франціи, —надежды Сардинскаго короля ожили, и тутъ несмѣтныя суммы Русскихъ денегъ ушли на безполезную для насъ поддержку совершенно чужихъ выгодъ. Такъ напр., въ войну 1799 года, Русскіе корабли захватывали Французскіе суда у Сардинскихъ береговъ; король выплачивалъ за нихъ деньги республиканскому правительству Франціи и за тѣмъ съумѣлъ получить ихъ обратно отъ императора Александра Павловича. Онъ получалъ кромѣ того значительную пенсію изъ Россіи на свое содержаніе.

Итальянскій походъ Суворова познакомилъ графа Местра съ Русскими. Родной братъ его графъ Ксаверій, (впослѣдствіи женившійся на Софьѣ Ивановнѣ Загряжской) находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Суворову.

13 Мая 1803 г. графъ Местръ пріѣхалъ въ Петербургъ, откуда, въ теченіи многихъ лѣтъ, писалъ свои исполненныя тонкой наблюдательности и необыкновеннаго ума депеши и письма къ королю и его приближеннымъ. Докторъ Туринскаго университета Альбертъ Бланкъ, при содѣйствіи славнаго Кавура, издалъ эти важныя для Русской исторіи бумаги съ обширными историческими примѣчаніями. Мы пользуемся Парижскимъ изданіемъ этой книги: Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre. 2-me éd. Paris. 1859. 8°. 395 стр., и по возможности извлекаемъ изъ нея все то что касается до Русской политики, Русскаго Двора и общества.

Слава замѣчательнаго писателя уже предшествовала графу Местру. Впрочемъ, друзья-Іезуиты безъ сомнѣнія скоро познакомили его съ Петербургомъ. Въ особенности съумѣлъ онъ сблизиться съ графинею Анною Ивановною Толстою (ур. кн. Барятинскою)

супругою обергофмаршала графа Николая Александровича (который до Августа 1814 г. имѣлъ во всякое время свободный входъ къ государю); через пее узнавалъ онъ многое и этимъ путемъ достигалъ своихъ цѣлей вѣрнѣе, нежели посредствомъ оффиціальныхъ бумагъ: „Императоръ никогда не допускалъ иностранныхъ министровъ говорить съ нимъ о дѣлахъ; канцлеръ (гр А. Р. Воронцовъ) и лица, завѣдующія иностранными дѣлами, недоступны. Все дѣлалось оффиціально, нотами и торжественными аудіенціями" (стр. 78). Главнымъ лицомъ были князь Адамъ Чарторыжскій, который прикидывался, что онъ не болѣе какъ товарищъ старика-канцлера.

26 Мая графъ представлялся государю и его супругѣ. „Конечно, пишетъ онъ, въ Европѣ нѣтъ другой болѣе прекрасной царственной четы. Любезность обоихъ выше всякихъ словъ. Они любятъ скрывать свое величіе, и присутствіе ихъ ни для кого не стѣснительно. Императоръ часто гуляетъ одинъ безъ прислуги..." (стр. 77)

Въ это самое время началась война Франціи съ Англіею; и всѣ ожидали, какое положеніе приметъ Россія. Графъ Местръ писалъ въ Римъ, въ Августѣ 1803 года (стр. 94).

I.

Г-ну Габе, государственному секретарю Сардинскаго короля. Англичане, вообще отличающіеся недостаткомъ ловкости и любезности, не съумѣли съ самаго начала обойтись съ императоромъ и его министрами. Нынѣ происходитъ сближеніе. Надо дѣйствовать потихоньку, такъ какъ рѣзкость, съ которою дѣйствовалъ прежній императоръ, смѣнилась другою крайностью.—У перваго консула была бурная сцена съ Марковымъ по поводу плѣнныхъ Англичанъ; дошло до угрозъ. Англійскій посланникъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ въ присутствіи нѣкоего кавалера Оара (O'Hard), Ирландца, находящагося въ Русской службѣ. «Какъ бы хорошо было, если бы онъ далъ ему пощечину (замѣтилъ Оаръ): графъ Морковъ отвѣчалъ бы тѣмъ же.» — «Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, первый консулъ непремѣнно бы убилъ его до смерти! — «Тѣмъ лучше, воскликнулъ Ирландецъ; тѣмъ лучше, чортъ возьми!» Политически онъ совершенно правъ; жаль было бы только убіеннаго....

II (стр. 95)

Графу N. N.

Когда я цѣловалъ руку у этихъ прелестныхъ Великихъ Княженъ [1]), сердце мое творило обѣты въ пользу королевской фамиліи. Коль скоро время прояснится, сюда слѣдуетъ обратить всѣ наши виды; а если бы этимъ великимъ видамъ явилось препятствіе со стороны вѣроисповѣданія, то стоитъ вспомнить могилу княжны Бѣлосельской, данную ей съ позволенія кардинала Косты на Туринскомъ кладбищѣ. Впрочемъ никакой священникъ не имѣетъ права воспрепятствовать живой женщинѣ раздѣлить мое ложе, подъ условіемъ, что по смерти своей она будетъ положена на его кладбище. Вы весьма ошибетесь, графъ, если примите слова эти за шутку. Не нужно позволять себѣ другой мысли, и я очень желалъ бы знать, могу ли, при случаѣ, замолвить на этотъ счетъ словечко.....

Генералъ Гедувиль [2]), усердно являющійся на парады, обнаруживалъ нѣкоторую тревогу, въ послѣднее воскресенье, по причинѣ Парижской сцены съ графомъ Марковымъ. «Идите,

[1]) Маріи и Екатеринѣ. Первой шелъ тогда 18-й, а второй 16-й годъ.

[2]) Французскій посланникъ.

идите, сказалъ ему императоръ: я не поступаю такъ, какъ поступаютъ съ моими министрами въ Парижѣ». Генералъ Гедувиль очень скромно приблизился и сказалъ: «Вашему Величеству навѣрное не такъ доложили». «Я вамъ замѣтилъ это, сказалъ Императоръ, только для того, чтобъ вы не смущались; впрочемъ мнѣ не нужно никакихъ объясненій.»

III (стр. 96)

Г-ну Габе.

23 Іюня (5 Іюля) 1803.

Считаю долгомъ замѣтить вамъ относительно Русскаго императора, что Его Величеству [3]) сильно разсчитывать на него нечего. Онъ добръ, онъ прекрасенъ, онъ исполненъ человѣколюбія, но относительно силы характера онъ оставляетъ желать многаго. Одинъ изъ его камергеровъ увѣрялъ меня, что самъ слышалъ, какъ Императоръ говорилъ со смѣхомъ о дѣлахъ короля и о злодѣйствахъ Французовъ, какъ о ловкомъ фокусѣ. Все зависитъ отъ министровъ. Главнымъ образомъ, дайте ходъ всѣмъ дѣйствіямъ графа Маркова. Однако дѣла чрезвычайно далеко ушли впередъ въ теченіи мѣсяца. Когда я пріѣхалъ, холодность Кабинета сокрушала меня. Всѣ надежды на яркую вспышку личной привязанности конечно похоронены съ императоромъ Павломъ; но уже довольно и того, что надежды короля воскресли.

У графа Маркова дѣйствительно была сцена съ Бонапартомъ, но совсѣмъ не въ такомъ видѣ, какъ разсказывалъ мнѣ Англійскій посолъ, позволяющій себѣ подчасъ почерпать свои разсказы изъ газетъ. Б. самъ позвалъ Маркова, намѣреваясь воспользоваться предложеніями Русскаго императора. Марковъ безъ обиняковъ сказалъ ему: «Вы ставите Европу вверхъ дномъ, всѣ должны соединиться противъ васъ» и много другаго въ такомъ родѣ, что первый консулъ наконецъ сказалъ: «Если такъ, предаю себя въ руки Русскаго императора; пусть онъ рѣшитъ, какъ хочетъ» (Великое, великое, великое слово!) Герцогъ Серра- Капріола [4]), имѣющій наивѣрнѣйшія свѣдѣнія во всемъ дипломатическомъ корпусѣ, не сомнѣвается въ томъ, что третьяго дня курьеръ привезъ генералу Гедувилю полномочіе на соглашеніе съ Императоромъ. Теперь для Его Величества рѣчь уже идетъ не о томъ, чтобы избѣгнуть отреченія. Сердце рвется у меня изъ груди.

IV (стр. 97)

Графу N. N.

17 (29) Іюля 1803.

Россія, прянявъ положеніе болѣе угрожающее и повысивъ голосъ, легко могла бы до нѣкоторой степени возстановить равновѣсіе; но попробуйте внести такія мысли въ голову, настроенную г. Лагарпомъ! У Русскаго императора лишь два помышленія: миръ и бережливость. Знаю, что добродѣтели, доведенныя до крайности, становятся недостатками; но увѣряю васъ, графъ, что не могу воздержаться отъ обожанія этой умѣренности въ молодомъ Государѣ, окруженномъ всѣми вообразимыми искушеніями. Издержки его ограничены извѣстною

---

[3]) Королю Сардинскому.

[4]) Посолъ Неаполитанскій, женатый на дочери Екатерининскаго вельможи кн. Вяземскаго.

суммою на каждую треть года. Если къ концу этого срока у него ничего не остается, онъ серіозно говоритъ: «у меня нѣтъ болѣе денегъ», и живетъ въ долгъ. Онъ не носитъ никакихъ драгоцѣнностей, ни одного кольца, даже не носитъ часовъ. У него нѣтъ свиты. Если онъ встрѣчаетъ кого-либо на набережной, онъ не хочетъ, чтобы выходили изъ экипажа, и довольствуется поклономъ. Къ несчастію, эта простота въ обращеніи, быть можетъ умѣстная въ странахъ южныхъ, гдѣ умѣютъ цѣнить безъискусственное величіе, повидимому, не производитъ такого-же впечатлѣнія въ Россіи. Личное уваженіе очень ослабѣло. Не всякій народъ способенъ оцѣнить всякую добродѣтель. Нужно однако преклоняться передъ такою любовью къ людямъ и къ своему долгу.

V (стр. 98)

Графу Шаламберу въ Римъ.

5 Августа 1803.

Не погнѣвайтесь, если предъидущими моими письмами я причинилъ вамъ лихорадку: весь дипломатическій корпусъ испыталъ такое же потрясеніе. Въ виду чрезвычайнаго рѣшенія Бонапартова, кто могъ бы ожидать, что все войдетъ въ прежнюю колею? Русскій императоръ предлагаетъ: 1) очищеніе Голландіи, 2) также Швейцаріи и Италіи, 3) возстановленіе Ганновера, 4) полное вознагражденіе Его Величества [5]) всѣмъ тѣмъ, чего онъ лишился съ перваго трактата, 5) Русскій гарнизонъ въ Мальтѣ на десять лѣтъ. Англичане не обнаружили въ переговорахъ никакой ловкости. Прощаю имъ Аміенсъ; но эта вторичная слабость унизительна. Герцогъ Серра-Капріола настойчиво говорилъ съ Англійскимъ посланникомъ и получилъ въ отвѣтъ: «Мы не считали себя обязанными трактовать о присоединенныхъ земляхъ». Въ такомъ случаѣ Бонапартъ оплошалъ, не присоединивъ всей Европы. Есть отъ чего стонать! Тѣмъ не менѣе подумайте, что̀ мы теперь и что̀ мы были, когда я писалъ мои первыя депеши; можно и порадоваться. Русскій императоръ имѣлъ великолѣпную мысль самъ, во главѣ 50-ти тысячнаго войска, отправиться въ Германію, какъ оберегатель ея политическаго состава. Тутъ уже не Лагарпъ дѣйствуетъ. Но его не допустили до этого....

18 (30) Августа 1803.

Расходы не даютъ мнѣ покою. Я ничего не понимаю въ экономіи. Самая обыкновенная жизнь обходится здѣсь чрезвычайно дорого. Одинъ столъ разорителенъ; всѣ вины, всѣ фрукты чужихъ земель повсюду на столахъ. Я ѣлъ дыню въ 6 рублей, Французскій пирогъ въ 30, Англійскіе устрицы по 12 рублей за сотню. Однажды, за небольшимъ ужиномъ, подали бутылку шампанскаго. «Сколько она стоитъ вамъ, княгиня?» спросилъ кто-то.—«Около десяти франковъ.» Только что я хотѣлъ замѣтить, что это слишкомъ дорого, какъ сидѣвшая возлѣ меня дама воскликнула: «Какая дешевизна!» Я убѣдился, что меня сочли бы настоящимъ Савояромъ, и промолчалъ. Впрочемъ конецъ концовъ тотъ, что при несмѣтныхъ богатствахъ всѣ разорены, никто не платитъ долговъ, и взысканія нѣтъ никакого.

---

[5]) Т. е. короля Сардинскаго.

VI (стр. 100)

Кавалеру Росси въ Вѣну.

20 Сентября 1803.

Генералъ Гедувиль ѣздилъ на маневры, которыми распоряжался Императоръ. По окончаніи ихъ данъ былъ завтракъ и выпита тысяча бутылокъ шампанскаго. Тѣмъ временемъ полученъ отвѣтъ перваго консула. Гедувиль немедленно возвратился для совѣщанія съ Воронцовымъ. Покуда было чего бояться, первый консулъ готовъ былъ подписать что угодно; но теперь, видя, что одни робѣютъ, а другіе любезничаютъ, онъ тотчасъ зазнался и заговорилъ тономъ негодованія, жалуясь въ своемъ отвѣтѣ на то, что предложеніе Россіи слишкомъ пристрастно въ пользу Англіи. Воронцовъ сказалъ Гедувилю: «Видно, что первый консулъ не хочетъ мира.» Министръ графъ Бутурлинъ [6]) сказалъ мнѣ: «Увидите, мы его образумимъ.» Ну, я не ручаюсь!

VII (стр. 101)

Г-ну Габе.

17 (29) Сентября 1803.

Воронцовъ удаляется въ Москву [7]). Чарторыжскій будетъ всемогущъ. Онъ высокомѣренъ, коваренъ и производитъ впечатлѣніе, довольно отталкивающее. Сомнѣваюсь, чтобы Полякъ, имѣвшій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ Русскимъ и истиннымъ другомъ Французовъ. Притомъ не думаю, чтобы мы были близки его сердцу, и по всѣмъ этимъ причинамъ перемѣна эта мнѣ сильно не нравится. Князь молодъ; въ Петербургѣ, гдѣ генераламъ по двадцати пяти лѣтъ, надобно быть молодымъ. Онъ сказалъ кому-то: «Что̀ намъ за дѣло до Сардинскаго короля?» — Вамъ очень до него дѣло, ибо рѣчь идетъ о правѣ государей и о чести вашего въ особенности! Императоръ не умираетъ: Павелъ обѣщалъ, Александръ долженъ исполнить.

Разговаривая съ княземъ Бѣлосельскимъ, я коснулся Маркова. Князь Б. выразился о немъ самымъ жесткимъ и оскорбительнымъ образомъ.— «Однако-же», возразилъ я, чтобы вызвать его на дальнѣйшій разговоръ,— его очень цѣнитъ графъ Воронцовъ.» —«Это потому», отвѣчалъ онъ, «что между ними существуетъ связь злодѣйства, ибо самъ канцлеръ ничто иное какъ злодѣй и..... Я захотѣлъ узнать объ этомъ лицѣ мнѣніе г. Стеддинга [8]) одного изъ людей, наиболѣе мною уважаемыхъ; онъ сказалъ мнѣ, съ своимъ прекраснымъ хладнокровіемъ: «Полагаю, что онъ дѣйствительно былъ злодѣемъ прежде, чѣмъ разбогатѣлъ; но съ тѣхъ поръ полагаю, что онъ держится лучшихъ правилъ». Извольте на это положиться! Графъ Марковъ давно привязанъ къ нѣкоей г-жѣ Гюсъ, когда-то актрисѣ, отъ которой онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей, хотя она и замужемъ. Всѣ эти дѣти умерли, кромѣ одной

---

[6]) Гр. Д. П. Бутурлинъ, назначенный было посланникомъ въ Римъ.

[7]) Сколько намъ извѣстно, графъ А. Р. Воронцовъ не возвращался, но удерживая должность великаго канцлера, жилъ въ селѣ Андреевскомъ подъ Владиміромъ, гдѣ при немъ находилась цѣлая канцелярія и нѣсколько чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ продолжалъ получать депеши и отправлять курьеровъ, но направленіе дѣлъ принадлежало нераздѣльно заклятому врагу Россіи, кн. Чарторыжскому, и это направленіе привело къ Аустерлицкому погрому. Замѣчательно, что графъ Воронцовъ скончался въ тѣ самые дни, какъ получено было извѣстіе объ Аустерлицѣ. *П. Б.*

[8]) Шведскаго посла, съ которымъ графъ Местръ сблизился съ самаго своего пріѣзда.

дочери, которую Императоръ призналъ законною и удостоилъ титула графини Марковой [9]). Подобнымъ вещамъ здѣсь удивляются не болѣе, чѣмъ восходу и заходу солнца. Если графъ Марковъ вернется въ Парижъ, то наши надежды въ этомъ случаѣ по необходимости должны прицѣпиться къ юпкамъ этой женщины. Тутъ нѣтъ ничего противнаго общимъ правиламъ. Нужно предлагать всякой канцеляріи ту приманку, къ которой она падка. Коль скоро нуждаешься въ воронѣ, то что̀ дурнаго въ томъ, если предложишь ему падаль?

VIII (стр. 389).

Мы простились съ прелестною Великою Княгинею Маріею Павловною, вышедшею за мужъ за наслѣднаго принца Саксенъ-Веймарскаго. Ничего печальнѣе нельзя было себѣ представить. Дипломатическій корпусъ, мужчины и женщины, былъ расположенъ кругомъ. Бѣдняжка вышла съ такимъ выраженіемъ лица, отъ котораго у всѣхъ навертывались слезы. Она быстро обошла всѣхъ и подавала всѣмъ свою прелестную ручку, не имѣя силъ произнести ни слова. Можете себѣ представить, что и нами не было нарушено молчаніе. Всѣ были тронуты, въ особенности глядя на ея мужа, который также былъ тутъ. Это маленькій капралъ-Нѣмецъ, стольже неповоротливый, какъ его ботфорта, недалекій и имѣющій менѣе подданныхъ, чѣмъ у его зятя гренадеровъ. Онъ-то увозитъ этого прелестнаго ангела, и это въ силу какого-то суевѣрія относительно обѣщанія, даннаго, какъ говорятъ, императоромъ Павломъ. Всѣ кричали, не стѣсняясь: «Вотъ дурная-то партія!» Здѣсь надъ всѣми женщинами, отъ дворца до хижины, тяготѣетъ какая-то судьба. Всего менѣе стѣсняется Константинъ Павловичь, который прелестенъ въ своихъ выходкахъ на счетъ милаго зятя. Въ тотъ-же день, она простилась съ публикою въ театрѣ. Она была принята съ восторгомъ. По окончаніи спектакля, когда дворъ вышелъ изъ ложи, Великая Княгиня осталась одна, словно она была не въ силахъ выйти, и тутъ раздались новые крики, новыя прощанія, грустныя и шумныя. Казалось, не хотѣли ее выпустить. Припоминая печальную судьбу ея двухъ старшихъ сестеръ, ей кричали: «будьте счастливы!» Бѣдный ребенокъ плакалъ на взрыдъ. На другой день, послѣ обѣдни, она уѣхала, съ своею свѣжею юностью и своимъ невыразимымъ супругомъ.

IX (стр. 110)

Королю.

29 Марта (10 Апр.) 1804.

Вамъ уже извѣстно неслыханное злодѣйство, совершенное Бонапартомъ въ Германіи [10]). Прошу, умоляю Ваше Величество быть осторожнымъ. Энергія осталась у однихъ разбойниковъ.....

P. S. Вчера на пути къ г. герцогу [11]), я увидѣлъ Императора, верхомъ, въ сопровожденіи одного лица. Я опустилъ стекло и поклонился по обычаю. Его Величество подъѣхалъ ко мнѣ и соблаговолилъ поговорить со мною нѣкоторое время самымъ любезнымъ образомъ. Нѣтъ въ мірѣ болѣе добраго государя. Императоръ отмѣнилъ два придворныхъ

[9]) Она долго оставалась богатою невѣстою; на ней хотѣли женить Ѳедора Семеновича Уварова; и около 1820 года она вышла за князя Сергія Яковлевича Голицына.

[10]) Убійство герцога Энгіенскаго.

[11]) Серра-Капріола.

праздника для того, чтобы не принимать генерала Гедувиля. Но *благородный* Императоръ [12]) сказалъ г-у Шампаньи, на пріемѣ: «Я въ негодованіи отъ этого заговора [13]): дѣло перваго консула есть дѣло всѣхъ государей».

X.

Петербургъ 18 (30) Апрѣля 1804.

Наконецъ, бомба лопнула. Можно было предвидѣть навѣрное, что первый консулъ не уступитъ тремъ рѣшительнымъ требованіямъ России [14]); но казнь несчастнаго герцога Энгіенскаго, если не ошибаюсь, сильно ускоритъ событія. Негодованіе достигло высшихъ предѣловъ. Добрыя Императрицы прослезились. Великій Князь въ бѣшенствѣ, а Его Императорское Величество огорченъ не менѣе глубоко. Членовъ Французскаго посольства не принимаютъ, даже не говорятъ съ ними. Въ тотъ день когда получили ужасное извѣстіе, г-жа Гедувиль имѣла дерзость пріѣхать вечеромъ къ кн. Бѣлосельскому, у котораго собралось болѣе шестидесяти человѣкъ. Пріемъ былъ ледяной: ее оставили одну съ кузиною (живущею у нея) на отдаленномъ диванѣ, къ которому никто не подходилъ. Это было назидательное зрѣлище. Наконецъ послѣ долгаго сидѣнія она поднялась, слишкомъ часъ до ужина, проговоря: «Уѣдемъ, видно мы зачумленныя». Онѣ уѣхали, не дождавшись ни слова отъ кого-бы то ни было. Императоръ облекся въ трауръ, и повѣстки о семидневномъ траурѣ были разосланы всему дипломатическому корпусу, генералу Гедувилю какъ и прочимъ. Сегодня заупокойная служба въ католической церкви. На нее отправляются многія здѣшнія дамы, также какъ и *Англійскій посолъ.* Никогда не видалъ я мнѣнія, столь единодушно и рѣзко выраженнаго.

Его Императорское Величество еще разъ сдѣлалъ мнѣ честь остановить меня и говорить со мною на главной улицѣ города. Отъ всего сердца желалъ-бы я, чтобы вы могли поглядѣть изъ окна, какъ мы разговаривали. Бесѣда шла довольно долго.—«Какъ удалось вамъ такъ скоро освоиться у насъ»?—«Государь, въ теплицахъ Вашего Величества всѣмъ растеніямъ міра кажется, что они дома». Затѣмъ мы заговорили о Невѣ, которая должна была скоро вскрыться. Императоръ сказалъ мнѣ, что полиція уже не дозволяетъ переѣзжать черезъ нее. «Иначе», прибавилъ онъ, найдутся смѣльчаки, которые подверглись-бы опасности». Я отвѣчалъ: «Государь, Вашимъ подданнымъ вода, какъ и огонь, ни по чемъ». Все обошлось прекрасно, увѣряю васъ. Всѣ прохожіе останавливались и созерцали насъ, снявъ шляпы, *et beatissimum praedicabant* [15]). Они страшно заблуждались.

XI (стр. 119)

25 Февр. (9 Марта) 1805.

.....Графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, только что обнародовалъ свой отчетъ и передалъ его г. Шторху, для перевода и напечатанія въ его повременномъ изданіи, оза-

[12]) Австрійскій.
[13]) Жоржа Кадудаля противъ Наполеона.
[14]) Свобода Германіи, очищеніе Неаполитанскаго королевства и полное вознагражденіе Сардинскаго короля.
[15]) И предвѣщали всякія блага.

главленномъ: «Россія при Александрѣ 1-мъ». Это документъ, единственный въ своемъ родѣ. Все въ немъ раскрыто: и хорошее, и дурное, даже небольшія, частныя возмущенія, вызванныя неудовольствіемъ; все въ немъ выставлено на чистоту. Въ то-же время министръ издаетъ Русскій журналъ, въ которомъ печатаетъ всѣ записки, представленныя Императору касательно разныхъ отраслей внутренняго управленія, и всѣ письма Его Величества ко всѣмъ губернаторамъ, которые точь въ точь то-же, чѣмъ были сатрапы въ Персіи. Для того, чтобы поставить на ноги этотъ журналъ, Государь назначилъ 6000 рублей. На слѣдующій годъ, журналъ не только окупился, но далъ 13000 р. прибыли. Такимъ-то образомъ Государь, окруженный министрами, раздѣляющими его взгляды, неутомимо преслѣдуетъ свои два любимые проэкта: распространеніе просвѣщенія и освобожденіе народа. При Екатеринѣ II (не далѣе) когда эта Государыня пожелала обнародовать самую невинную записку о статистикѣ одной изъ своихъ областей, князь Вяземскій, тогда генералъ-прокуроръ, поспѣшилъ къ Императрицѣ и объявилъ, что если эта записка увидитъ свѣтъ, ему невозможно остаться при должности. Императрица уступила. Ваше Величество видите, какъ быстро здѣсь подвинулись. Едва-ли есть человѣкъ, который могъ-бы навѣрняка обсудить послѣдствія всего этого. Одно лишь неоспоримо: *такъ или иначе* царствованіе Александра останется на всегда достопамятнымъ.

*

Наполеонъ отклонилъ посредничество Россіи, и вслѣдствіе того, политика императора Александра въ 1805 г. приняла новое направленіе. По словамъ издателя Местровыхъ депешъ (стр. 174), направленіе это выработалось подъ вліяніемъ записки, представленной Государю бывшимъ наставникомъ князя Адама Чарторыжскаго, нѣкіемъ аббатомъ Піатоли, проживавшимъ когда-то при дворѣ Станислава Понятовскаго. Россію соблазнили мыслію о возможности пріобрѣсти нравственное господство надъ Европою, но въ тоже время она должна была возстановить Піемонтъ съ присоединеніемъ къ нему Венеціи, Милана и Генуи и добиться независимости Италіи. Но Австрія, разумѣется, стала помѣхою.

XII (стр. 359)

1805.

При видѣ этого Двора, столь Азіатскаго, этого Императора, столь неограниченно властвующаго надъ своими подданными, кто-бы не подумалъ, Государь, что Ваше Величество не найдете въ немъ самую твердую опору самого неограниченнаго самодержавія? Ничуть не бывало. Императоръ-философъ и, если смѣю такъ выразиться, слишкомъ философъ. Лагарпъ произвелъ на его юное сердца неизгладимое впечатлѣніе, и изъ этого вышло нѣчто совершенно-непонятное для тѣхъ, кто не изучалъ этого явленія на мѣстѣ. Все что окружаетъ Императора, все что пользуется его довѣріемъ, также расположено къ новымъ идеямъ. Отсюда та знаменитая конституція, которую Ваше Величество могли прочесть, три года тому назадъ, во всѣхъ газетахъ. Правда, что сами авторы были принуждены отступиться отъ своего созданія; но если-бы народъ дозрѣлъ до подобнаго образа правленія, Императоръ охотно бы его установилъ. И такъ, если мы доживемъ до минуты (дай Богъ, чтобы она настала скорѣе!) когда Ваше Величество будетъ призваны царство-

вать надъ обновленнымъ народомъ, и лица говорящія за этотъ народъ будутъ требовать, чтобы Ваше Величество согласились на то или другое представительство, на ту или другую привилегію, то будьте увѣрены, что первымъ словомъ Императора будетъ: «Прекрасно. Совершенно справедливо!»

XIII (стр. 363)

1805.

Графъ Никита Петровичъ Панинъ посѣтилъ Сардинскаго короля въ Римѣ и сообщилъ ему благопріятныя наблюденія свои о состояніи умовъ въ Піемонтѣ. Опровергая показанія его, гр. Местръ пишетъ между прочимъ:

Путешествія свои графъ Панинъ хотѣлъ начать со Швеціи; но на границѣ Шведскій король воспретилъ ему въѣздъ, и онъ принужденъ былъ вернуться назадъ. Панинъ приносилъ здѣсь горькія жалобы, но Дворъ не внялъ онымъ. Бонапартъ, этотъ великій защитникъ государскихъ правъ, не позволилъ ему оставаться въ Швейцаріи и даже велѣлъ солдатамъ выпроводить его до границы. Наконецъ, когда онъ прибылъ сюда съ цѣлью поселиться здѣсь и даже нанялъ домъ, ему дано знать, чтобъ онъ уѣзжалъ въ Москву, гдѣ онъ теперь и находится. Я хорошо знакомъ съ его сестрою г-жею Тутолминой, которая путешествовала все время съ нимъ. Она ничего не видала въ Піемонтѣ; она не слыхала ни слова о томъ, что̀ братъ ея разсказывалъ въ Римѣ.

XIV.

Письмо къ королю объ Аустерлицкомъ событіи.

Начато въ исходѣ Декабря 1805, кончено 19 (31 Янв.) 1806.

Вопреки всѣмъ правиламъ благоразумія и политики, Австрійцы, въ первыхъ числахъ Октября, захотѣли вступить въ Баварію. Было нарочное соглашеніе о томъ, чтобы до прибытія Русскихъ они не переходили рѣки Инна; и по своей трусливости, съ самаго начала переговоровъ, они сами безпрестанно просили, чтобъ не понуждать ихъ ни къ какому движенія до соединенія съ Русскими. Гордость, алчность, слѣпое честолюбіе взяли верхъ надъ политикою, здравымъ смысломъ и надъ самою трусостью. Чтобы сбыть свои банковые билеты, чтобъ насладиться обладаніемъ этой столь желаемой Баваріи и угнести *по Австрійскому обряду* ея жителей, они вступили въ Баварію и, что̀ удивительно, дѣйствія ихъ, военныя и политическія, тотчасъ пошли вопреки намѣреніемъ, которыя выражалъ государь ихъ въ извѣстной конечно Вашему Величеству частной перепискѣ съ Баварскимъ курфирстомъ. Вотъ новое доказательство, что добрый и правдолюбивый монархъ ровно ничего не значитъ, коль скоро намѣренія его, всегда прямыя и почтенныя, постоянно подчинены направленію его министерства и его народа. Пропускаю роковыя Октябрьскія событія: Ваше Величество слишкомъ ихъ знаете. Военная исторія не представляетъ ничего подобнаго. Генералъ Кутузовъ черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Браунау, на Иннъ и вслѣдствіе этихъ невѣроятныхъ пораженій очутился безъ прикрытія. Пришлось помышлять объ отступленіи, и онъ пошелъ назадъ, около сорока дней сряду, въ наилучшемъ порядкѣ, постоянно тревожимый Французами и постоянно отбивавшійся. Наконецъ онъ прибылъ въ Брюннъ, гдѣ и могъ соединиться съ подоспѣвшими первыми Русскими колоннами. Во время этого отступленія генералъ Кутузовъ далъ пять замѣчательныхъ сраженій: пер-

вое на Эмсѣ 16 Октября, второе на Ламбахѣ 19-го; третье между Штренбергомъ и Альтестеномъ 24-го; четвертое у Кремса на Дунаѣ 12 Ноября, и пятое 15 числа того же мѣсяца, на пути отъ Кремса въ Брюннъ. Два послѣднія были самыя значительныя. Въ Кремсѣ генералъ Кутузовъ истребилъ Французскую колонну, которая подвергала его величайшей опасности; а въ сраженіи 15 Ноября князь Багратіонъ съ 4500 человѣкъ, окруженный 30 тысячами непріятелей и по распоряженію главнокомандующаго обреченный на гибель для спасенія остальной арміи, пробился штыками и успѣлъ соединиться съ Кутузовымъ, потерявъ убитыми полторы тысячи человѣкъ. Ваше Величество вѣрно узнаете невѣроятный анекдотъ объ Австрійскомъ генералѣ Ностицѣ, который не сталъ драться по простому письму маршала Сульта, написавшаго, будто заключено перемиріе. Передъ этимъ, князь Ауерспергъ, которому поручено было разрушить мосты въ Вѣнѣ, далъ себя одурачить Мюрату на главномъ изъ этихъ мостовъ посреди свезенныхъ для истребленія моста зажигательныхъ веществъ: покуда Мюратъ толковалъ ему о перемиріи и о мирѣ, Французы перешли Дунай ниже этого моста и устремились занять мѣсто между Кутузовымъ и Багратіономъ. Тогда Русскій корпусъ въ 4500 человѣкъ очутился со всѣхъ сторонъ окруженнымъ, и Мюратъ предложилъ князю Багратіону почетную капитуляцію. Тотъ послалъ предложенія своему главнокомандующему, который въ свою очередь отправилъ во Французскій станъ адъютанта Его Имп. Величества барона Винцингероде для подписанія капитуляціи, sub spe rati, что и было сдѣлано; а Мюратъ, съ своей стороны, выговорилъ, что условіе будетъ принято его шуриномъ[16]). Русскій корпусъ, подъ начальствомъ Суворовскаго генерала, полагающій оружіе передъ Французами, представлялъ собою слишкомъ дорогое зрѣлище, чтобы владыка Франціи не насладился имъ. По извѣщенію Мюрата, Бонапартъ поскакалъ опрометью принять шпагу отъ князя Багратіона; но Кутузовъ, выигравъ между тѣмъ двадцать часовъ времени, успѣлъ перевести Русскую армію на прикрытое мѣсто, и за тѣмъ положилъ капитуляцію съ карманъ. Французы, видя, что время уходитъ, назначили князю Багратіону четыре часа для капитуляціи. Въ это время прибылъ Бонапартъ и, въ бѣшенствѣ отъ неисполненія ожиданій своихъ, велѣлъ наступать до истеченія срока. Но доблесть Русскихъ выручила ихъ. Графъ Галате, подданный Вашего Величества, отличился при Эмсѣ и Альстетенѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ штыкомъ и самъ получилъ рану въ голову; случайно, почти чудомъ, жизнь его была спасена. Императоръ, встрѣтившій его въ Ольмюцѣ, пожалъ ему руку. Въ противность здѣшнему обычаю, Галате сталъ на колѣно, чтобы поцаловать государеву руку. Императоръ поднялъ его и поцаловалъ при всѣхъ. Здѣсь очень восхваляли эти подробности отступленія, и (тайкомъ сообщу Вашему Величеству) восхваляли до того, что почти смѣшно было слушать.

Послѣ битвы 2 Декабря намъ не до веселья. Это несчастіе, какъ и всѣ другія, было пріуготовлено Австрійскимъ кабинетомъ. Русскій императоръ—сама доброта. Въ его характерѣ вовсе нѣтъ рѣзкости и гордаго

---

[16]) Т. е. Наполеономъ.

самомнѣнія, чтобы всегда занимать первое мѣсто и оттѣснять другихъ. Кромѣ того, по своему чрезвычайному благоразумію, онъ ни минуты не упускалъ изъ виду опасности показаться Австрійцамъ ихъ учителемъ и, чтобы не ослабить союза, предоставлялъ имъ свободу дѣйствій. А тѣ обрадовались возможности дать просторъ всѣмъ врожденнымъ порокамъ своимъ, завладѣли ходомъ войны и во всемъ поступали по своему произволу. «Мы хотимъ столько-то солдатъ, больше мы не хотимъ; помѣстите ихъ тамъ-то, а отнюдь не въ другомъ мѣстѣ; намъ ихъ не нужно въ Италіи; намъ не нужно козаковъ и пр.» [17]) Они удержали за собою составленіе плановъ; планы эти переводились по-русски и разсылались лишь за нѣсколько часовъ до того, какъ надлежало приводить ихъ въ исполненіе. Генералъ фонъ Сухтеленъ и все его вѣдомство, отъ досады и огорченія, принимали участіе въ планѣ кампаніи столько же, какъ и я. Ваше Величество не можете себѣ вообразить, какой скверный духъ господствовалъ въ Австрійской арміи. Солдатъ былъ недоволенъ своими офицерами, офицеры генералами, между генералами шла разнаголосица. Всѣ однако согласны были въ одномъ: никому не хотѣлось воевать. Еще не покидая Вѣны, всѣ генералы протестовали противъ рѣшенія Императора и просили во что̀ бы ни стало заключить миръ подъ стѣнами столицы. Народъ, раздраженный множествомъ податей и въ особенности послѣднимъ поборомъ, взимавшимъ пятую долю со всѣхъ капиталовъ, возненавидѣлъ войну. Сама армія содержала въ себѣ всѣ возможные залоги разложенія: ненависть партій, ненависть сердецъ, ненависть состояній, ненависть національностей. Могъ ли одинъ человѣкъ, правда справедливый и крайне почтенный, но слабый, робкій и постоянно смущаемый вліяніемъ женщины, соединить и привести къ общему движенію столь недружные элементы? Первый знакъ великой катастрофы обнаружился при Ульмѣ, гдѣ, какъ вѣроятно извѣстно Вашему Величеству, вовсе не было главнаго начальника или было ихъ два, что̀ выходитъ одно и тоже. Одинъ имѣлъ право уйти, другой остаться. Ясно до очевидности, что Дворъ не былъ въ силѣ разграничить полномочій эрцгерцога Фердинанда и генерала Мака, такъ что каждый изъ нихъ имѣлъ полное право почитать себя начальникомъ другаго.—Графъ Разумовскій, сколько мнѣ кажется, будетъ неминуемо въ опалѣ, ибо въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ онъ сдѣлалъ двѣ, по видимому, неизвинительныя ошибки. Во первыхъ, онъ не увѣдомилъ своего Двора о внутреннемъ состояніи Австріи вообще и арміи въ особенности, и поступилъ еще хуже, не позаботившись протестовать противъ перехода на другой берегъ Инна, что̀ было сдѣлано преждевременно и въ противность условію, опредѣлительно выраженному въ союзномъ трактатѣ двухъ державъ. Принимаю смѣлость на минуту остановить вниманіе Вашего Величества на одномъ изъ тѣхъ удивительныхъ противорѣчій, каковыя встрѣчаются какъ въ народахъ, такъ и въ частныхъ лицахъ. Нѣтъ Двора, который бы въ политикѣ былъ

[17]) Даже и при Павлѣ Русскіе не испытывали такой наглости. Австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ былъ тогда графъ Стадіонъ (см. Р. Арх. 1868, стр. 387—516), и при немъ злосчастной для Россіи памяти графъ Меттернихъ, занимавшійся въ Петербургѣ еще только любовными шашнями (Местръ, стр. 84).

ревнивѣе и подозрительнѣе Русскаго: онъ разузнаётъ всѣ наши движенія; онъ распечатываетъ всѣ наши письма; онъ имѣетъ явную охоту отстранять насъ отъ себя; если кто либо изъ чиновниковъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ вздумаетъ навѣщать насъ, онъ неминуемо пропалъ. И этотъ же самый Дворъ допускаетъ, что его министры старѣются при иностранныхъ Дворахъ, становятся тамъ собственниками, женятся, долги ихъ (это курьезно) выплачиваются чужимъ государемъ, и они вполнѣ и совершенно освоиваются въ чужой землѣ. Графъ Разумовскій издержалъ милліоны на недвижимую собственность въ Вѣнѣ; наконецъ онъ на свой счетъ выстроилъ мостъ черезъ Дунай. Нечего сказать, хорошій наблюдатель слабости, ошибокъ и макіавелистическихъ продѣлокъ Австріи! Тоже самое въ Берлинѣ и Лондонѣ, хотя на сію пору, съ меньшею опасностью. Не знаю, когда этотъ Дворъ увидитъ, сколь опасна подобная система. — Возвращаюсь къ Ольмюцу.

Генералъ Кутузовъ, отправившись на берега Инна съ 50 тысячами человѣкъ *на бумагѣ*, т. е, не болѣе какъ съ 45-ю на самомъ дѣлѣ, растерялъ или оставилъ позади себя по меньшей мѣрѣ до 2 тысячь. Благоволите, Ваше Величество, принять въ разсчетъ, что, въ теченіи 40 дней лишеній и боевыхъ схватокъ, онъ прошелъ назадъ около 90 Французскихъ миль и долженъ былъ рѣшиться на пожертвованіе княземъ Багратіономъ для спасенія остальной арміи, и Вамъ будетъ понятно, что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ привелъ въ Брюннъ можетъ быть только 25 т. годныхъ къ бою.

Какъ бы то ни было, но прибытіе первыхъ Русскихъ колоннъ, принадлежащихъ къ корпусу генерала Буксгевдена, усилило армію до 45 тысячь. У Австрійцевъ было 30 тысячь: это по крайней мѣрѣ наиболѣе точное показаніе, какое я могъ добыть; знающіе навѣрное конечно не сказываютъ. Тѣ же самыя свидѣтельства опредѣляютъ число Французовъ въ 96 тысячь. Я склоненъ думать, что въ сущности ихъ было меньше, а союзниковъ больше, такъ что силы можно полагать почти что равными. Многія соображенія воспрещали дать битву, въ особенности то обстоятельство, что ждали навѣрное подкрѣпленія въ 15 тысячь, находившихся въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ. Генералъ Кутузовъ отнюдь не желалъ битвы, но ея желали Австрійцы и принудили ея желать. Русскіе въ особенности были убѣждаемы страхомъ голода: дошло до того, что для Русскаго императора и двадцати человѣкъ его свиты подавали одного гуся, а солдаты Русскіе не ѣли два дня, въ то время какъ рѣшено дать битву.

Лошади отощали еще больше людей; они не двигались съ мѣста безъ удара. Австрійцы объявили Русскимъ, что надо брать непріятельскіе магазины или мереть съ голоду. Можетъ быть, примѣшивалось и другое вліяніе [18]). Наконецъ *что написано, то написано*. Битва началась 2 Декабря, около 6 часовъ утра, и продолжалась слишкомъ 13 часовъ. Я называю ее битвою при Ольмюцѣ, покамѣстъ Французамъ угодно будетъ дать ей другое имя. Русскіе дрались съ обыкновенною ихъ неустрашимостью; но со стороны знанія и опытности все на-

[18]) Намекъ на молодую и прекрасную Прусскую королеву, которая любила Александра и внушила ему къ себѣ рыцарское обожаніе во время свиданія ихъ въ Мемелѣ. *Примѣчаніе Альберта Бланка.*

клоняетъ меня думать, что борьба была весьма неровная, и что здѣсь также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, еще нѣтъ или не является человѣка, котораго можно бы поставить противъ Бонапарта. Сколько я могу понять, Русскіе, напавъ, по своему обычаю, на Французовъ, были разстроены тѣмъ, что сіи послѣдніе начали какъ мухи пропадать то на правой, то на лѣвой сторонѣ, раскрывая этимъ умышленнымъ бѣгствомъ путь для своихъ батарей т. е. для разгромленія Русскихъ и возвращаясь на прежнее мѣсто, какъ скоро Русскіе приходили въ безпорядокъ. Впрочемъ никакая доблесть не могла принести пользы, коль скоро Австрійцы, вмѣсто того чтобы помогать, дѣлали все на перекоръ. Они встрѣтили Французовъ почти безъ сопротивленія, на всѣхъ мѣстахъ очистили поле, побросали орудія, и наконецъ сами стали стрѣлять по Русскимъ. Это покажется Вашему Величеству баснею; но происшествіе это подтверждается единогласно всѣми; прибавляютъ, что полкъ гвардейскихъ егерей, приведенный въ негодованіе такою подлостью, бросился на гвардейскій отрядъ, откуда были эти выстрѣлы, и разгромилъ его. Весьма уважаемыя начальственныя лица свидѣтельствуютъ и объ этомъ; но взаимная народная ненависть внушаетъ мнѣ величайшее недовѣріе, и я полагаю, что можно сомнѣваться. Коль скоро такъ, то я думаю это первый примѣръ союза, въ которомъ союзники дерутся между собою на полѣ битвы. Здѣсь всѣ увѣрены, что Наполеону былъ доставленъ планъ сраженія. Чувствую, что и тутъ нельзя давать полной вѣры народнымъ предубѣжденіямъ; но въ письмѣ одного иностраннаго офицера, весьма свѣдующаго и вполнѣ надежнаго, я прочелъ слѣдующія подлинныя слова: «Рѣдко имѣются прямыя доказательства измѣны; тѣмъ не менѣе надо признаться, что все происходило какъ будто именно вслѣдствіе измѣны».

Многія указанія подтверждаютъ это мнѣніе, которому вторитъ и народный голосъ. Кажется, что цѣлью Австрійцевъ было: неудачами понудить благороднаго Императора къ миру. Ваше Величество придете въ величайшее негодованіе, когда узнаете, что въ 4 или 5 миляхъ отъ поля битвы нашлись обильные запасы продовольствія для всей отступившей арміи. Молодой и храбрый Императоръ въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ не только все то, что ему слѣдовало, но можетъ быть болѣе, нежели позволяло ему его достоинство[19]). Онъ подвергался такой опасности, что при одной мысли мы еще дрожимъ за него; граната ранила стоявшаго возлѣ него офицера; не одинъ разъ бросался онъ къ Австрійцамъ, думая одушевить и соединить ихъ; но всѣ его усилія доставили ему одну лишь славу; онъ съ горестью видѣлъ, какъ они, во мгновеніе ока, побросали оружіе, каски, перевязи и протянули руки Французамъ, прося пощады. Пришлось уступить, хотя,

---

[19]) Государь, котораго смута битвы разлучила съ его друзьями кн. Чарторыжскимъ, гр. Строгановымъ и Новосильцовымъ, принужденъ былъ больной остановиться въ селеніи Уржицѣ, въ крестьянской избѣ, гдѣ для успокоенія его не было ничего кромѣ соломы. Голова его горѣла, и въ немъ оказались признаки болѣзни, называемой холериною. Пріемъ ромашки и 30 капель опіума успокоилъ Государя. Онъ заснулъ. Ему необходимо было достать вина, за которымъ послали въ домъ священника, гдѣ остановился императоръ Францъ. Вина не дали, и уже потомъ наконецъ купили его у одного Венгерскаго офицера. (Мих. Дан. Опис. войны 1805 г. Спб. 1844, стр. 221.)

говоря правду, нельзя сказать, чтобы Русскіе были побѣждены. Великимъ бѣдствіемъ была гибель артиллеріи, впрочемъ не по винѣ Французовъ. Мостъ, наведенный неискусно или съ умышленною оплошностью (тутъ тоже видятъ какую-то загадку) обрушился подъ первою пушкою и погубилъ всѣ остальныя орудія. Ваше Величество замѣтите, что во Французскихъ газетахъ будетъ обо всемъ разсказано, только не объ этомъ мостѣ. Императоръ немедленно возвратился въ Петербургъ, нигдѣ не останавливаясь. Чего не говорили по поводу этого возвращенія! Правда, что такимъ поступкомъ онъ какъ будто сознавался въ своемъ пораженіи, бросалъ все дѣло и огорчалъ армію. Тѣмъ не менѣе, если бы даже мнѣ было возможно хотя на минуту подавить въ себѣ то уваженіе, которое питаю я къ его особѣ, я не въ силахъ порицать его. Будь онъ старше возрастомъ, будь привычнѣе къ человѣческимъ злодѣйствамъ и къ зрѣлищу кровопролитія, онъ конечно бы не уѣхалъ. Ваше Величество благоволите представить себѣ государя, чрезвычайно добраго, человѣколюбиваго и сострадательнаго, въ первый разъ видѣвшаго войну и очутившагося посреди множества труповъ; въ добавокъ обманутаго въ благотворнѣйшихъ надеждахъ своихъ и справедливо раздраженнаго зрѣлищемъ подлости и измѣны; я убѣжденъ, что вы поймете, что въ первомъ припадкѣ негодованія онъ поспѣшилъ прочь. Однако передъ отъѣздомъ онъ обо всемъ озаботился, приказавъ брату своему, въ сопровожденіи князя Долгорукаго, ѣхать въ Берлинъ, и графу Павлу Строганову въ Лондонъ. Нужна была особенная предосторожность относительно Пруссіи, такъ какъ король начиналъ тревожиться: онъ посылалъ своихъ адъютантовъ и удивился, что миръ или перемиріе заключены безъ него, въ противность обязательствамъ, сообща заключеннымъ въ Берлинѣ. Онъ подозрѣвалъ, что Русскій императоръ подпишетъ соглашеніе съ Бонапартомъ, и ошибся: его подписалъ одинъ императоръ Австрійскій. Совершенно растерявшись, Францъ II-й явился въ самый день битвы къ Русскому императору и въ буквальномъ смыслѣ умолялъ его не препятствовать ему во что бы то ни стало примириться съ побѣдителемъ. Александръ сказалъ ему: «Дѣлайте какъ знаете; но я отнюдь въ это не вхожу». Бонапартъ потребовалъ, чтобы несчастный монархъ прибылъ къ нему на бесѣду; Францъ II-й счелъ необходимымъ повиноваться. Какія продиктованы ему условія, я еще не знаю въ эту минуту.

Бонапарту, еще до битвы, чрезвычайно хотѣлось побесѣдовать и съ императоромъ Александромъ. Послѣ битвы, его адъютантъ Савари вторично пріѣхалъ просить свиданія. Императоръ не счелъ удобнымъ принять предложеніе; онъ сказалъ Савари, что посылаетъ кн. Петра Долгорукова, съ которымъ «глава Французскаго народа» можетъ объясниться какъ бы съ нимъ самимъ. Бонапартъ принялъ князя посреди стана, окруженный гвардіей. Когда князь приблизился, Наполеонъ сдѣлалъ повелительный знакъ, чтобы гвардія его удалилась. Начался разговоръ. Князь сказалъ, что государь его не понимаетъ, какая можетъ быть цѣль предложеннаго свиданія. «Эта цѣль—миръ, отвѣчалъ Бонапартъ; я не понимаю, за чѣмъ государь вашъ не хочетъ сговориться со мною; я хочу только его видѣть и подать ему чистый листъ, на которомъ будетъ

подписано *Наполеонъ* и на которомъ онъ самъ изложитъ условія мира.»

Къ этимъ любезностямъ примѣшались нѣкоторыя крупицы хвастовства. Онъ сказалъ: «хотя, можетъ быть, побѣдителю подобаетъ предписывать законы, но впрочемъ» и т. д. Князь Долгоруковъ возразилъ, что какъ намѣренія Его Императорскаго Величества извѣстны, то нѣтъ и надобности въ свиданіи. Нѣкоторые думали, что все это со стороны Бонапарта было уловкою, чтобы вызвать Русскаго императора на какую либо скоропоспѣшную мѣру, а самому получить удовольствіе пропечатать во Французскихъ газетахъ, что «Русскій Императоръ сдѣлалъ посѣщеніе Французскому.» Я тоже увѣренъ, что цѣлью Бонапарта было такъ или иначе извлечь себѣ выгоду отъ этого свиданія, и это очень естественно; но я полагаю также, что если бы это свиданіе состоялось, онъ былъ бы податливѣе, нежели думаютъ, относительно условій, которыя бы ему предложили, и что въ особенности онъ не настаивалъ бы на Puntiglio [20]. Для меня несомнѣнно, что онъ самъ отправился бы къ Русскому императору или бы охотно согласился съѣхаться на полпути. Этотъ парадъ входилъ въ его намѣренія, и навѣрное ему хотѣлось завершить дѣло надежнымъ и почетнымъ способомъ. Кончилось тѣмъ, что Императоръ не захотѣлъ ни съ нимъ видѣться, ни заявить въ этомъ случаѣ другое предложеніе. А между тѣмъ нѣтъ другаго государя, которому бы удобнѣе было войти въ сношеніе съ счастливымъ хищникомъ. Ни въ ихъ характерахъ, ни въ обстоятельствахъ, ни въ ихъ народахъ не имѣется ничего взаимно ожесточающаго. Могущество Александра, его личныя доблести, правота его поступковъ располагаютъ въ его пользу Французовъ и въ особенности Бонапарта, который относительно его даже надѣваетъ маску рыцарства. Послѣ битвы, Савари наговорилъ любезностей Императору и между прочимъ сказалъ, что «Французы постоянно слѣдили за нимъ во время сраженія и видѣли, какъ онъ два раза перемѣнялъ коня и что въ такую-то минуту и въ такомъ-то мѣстѣ подъ нимъ былъ гнѣдой конь». (Такъ, или не такъ, но пріятнѣе этаго нельзя было ничего сказать). Вечеромъ Императоръ повстрѣчалъ на дорогѣ семерыхъ Французскихъ офицеровъ, которыхъ вели въ плѣнъ; онъ немедленно приказалъ дать имъ свободу, а подзадоренный этимъ Бонапартъ отпустилъ на волю всѣхъ плѣнныхъ. Не знаю, простерлась ли любезность и на солдатъ, но что офицеры получили свободу, это вѣрно. —Оказалось, что только гвардейскіе офицеры [21]).

Въ Германіи уже называютъ Ольмюцкую или Аустерлицкую битву битвою императоровъ, Kaiserschlacht. Жаль, что тотъ, чей жребій рѣшался въ этомъ знаменитомъ бою, участвовалъ въ немъ только для счету. Я желалъ бы сообщить Вашему Величеству что либо вѣрное о количествѣ убыли на обѣихъ сторонахъ; но это чрезвычайно трудно. Берлинская газета, которая ближе всѣхъ имѣетъ возможность узнать истину, опредѣлительно говоритъ, что битва эта «самая кровавая изо всѣхъ упоминаемыхъ въ исторіи», и что вообще мертвыхъ и раненыхъ слишкомъ 36 тысячь человѣкъ. Здѣсь никто изъ свѣдующихъ людей не называлъ мнѣ цыфры уби-

[20]) ?

[21]) Писано нѣсколько дней спустя.

тыхъ менѣе какъ отъ 8 до 9 тысячь; цифра эта предполагаетъ тройное количество раненыхъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ одну треть надо считать погибшими для государства. Судя по признанію самихъ плѣнныхъ Французовъ, кажется, что ихъ потеря несравненно многочисленнѣе. Ваше Величество можете представить, какова была рѣзня. Для России это—капля крови; но политическія послѣдствія битвы неисчислимы. Знаменитый Австрійскій Домъ ниспровергнутъ и на всегда. Послѣ страшной, трехвѣковой борьбы, геній Франціи пересилилъ окончательно. Многіе тѣшатъ себя мыслію о Пруссіи, которая осталась еще неприкосновенною; но, признаюсь Вашему Величеству, я мало полагаюсь на эту державу. Характеръ государя, правила его кабинета, самый духъ народа, повидимому, не подаютъ надежды на что либо значительное. Пруссія второй разъ погубитъ Европу, посылая къ Бонапарту своихъ несчастныхъ ораторовъ вмѣсто того, чтобы двинуть армію. «Мы не готовы, говорятъ Пруссаки; нужно время»; очень хорошо, но когда не на чемъ выѣхать, то къ чему же безпрестанно твердить Европѣ о трехъ стахъ тысячь человѣкъ, готовыхъ къ выступленію? И въ настоящихъ обстоятельствахъ Пруссія виновата, не имѣя 50 т. человѣкъ для немедленнаго похода. Впрочемъ, государь, я ничего не утверждаю; но думаю, что мои опасенія основательны. Императоръ ничего не упустилъ для того, чтобы привлечь къ себѣ Пруссію и внушить ей чувства, которыя онъ самъ питаетъ. 26 числа этого мѣсяца онъ далъ весьма продолжительную аудіенцію министру этой державы и выразилъ ему убѣжденіе, что миръ съ Бонапартомъ, т. е. миръ надежный, невозможенъ, развѣ его добыть оружіемъ. Онъ обѣщалъ Пруссіи неограниченную и немедленную помощь. Все это чудесно и вполнѣ достойно Его Императорскаго Величества.

Я довелъ до этого мѣста мою депешу, когда пріѣздъ одного значительнаго лица[22]) далъ мнѣ возможность собрать новыя свѣдѣнія. Ваше Величество благоволите прочесть нижеслѣдующія дополненія и поправки:

1. Бонапартъ просилъ свиданія не послѣ, а гораздо прежде битвы. Кажется, что князь Петръ Долгоруковъ не умѣлъ какъ слѣдуетъ выполнить данное ему порученіе и что онъ, что называется, пересолилъ[23]).

Кончая разговоръ, безъ сомнѣнія весьма живой, Бонапартъ сказалъ: «И такъ... мы станемъ драться; подать мнѣ коня!» Тѣмъ не менѣе, сколько мнѣ кажется, вѣрно и то, что послѣ битвы Савари снова являлся къ Императору. Во время разговора Бонапартъ сказалъ князю: «Я знаю, что Русскіе и Англичане высадились въ Неаполитанскомъ королевствѣ; я посылаю 30 тысячь человѣкъ, чтобы побить ихъ.»

2. Несомнѣнно, что этотъ же князь Долгоруковъ чрезвычайно много содѣйствовалъ къ тому, что было рѣшено дать битву: молодой и доблестный Государь слишкомъ соблазненъ былъ приманкою блистательной побѣды.

---

[22]) Графъ П. А. Толстой.

[23]) Впослѣдствіи князь оправдывался въ очень любопытномъ письмѣ, которое было напечатано въ Берлинѣ; но я не могу его послать. Я говорилъ съ нимъ самимъ. Не правда, будто онъ просилъ Италіянской короны для Вашего Величества, о чемъ печатали въ Парижѣ. Даже и названіе Піемонта не было ни разу произнесено; говорилось только о возмѣщеніи. 19 Февраля. *Примѣчаніе графа Местра.*

Австрійскій императоръ также подогрѣвалъ его, говоря: «Войска ваши превосходны, надо дать битву!» Австрійскіе офицеры поддержали это направленіе и дѣлали всѣ приготовленія. Планъ принадлежитъ начальнику ихъ главнаго штаба Вейротеру, пустой, говорятъ, головѣ. Добрый генералъ Сухтеленъ пріѣхалъ въ то самое время, какъ все было рѣшено безъ соучастія его; онъ удивился и огорчился. Главнокомандующій и другіе высшіе чины тоже были противъ битвы, и тѣмъ не менѣе она была дана!

Въ довершенія несчастія, не было извѣстно, что Бернадотъ прибылъ съ своимъ корпусомъ и что съ другой стороны приближался Русскій корпусъ генерала Ессена.

3. Теперь я могу навѣрное сказать Вашему Величеству, что армія, возвращаясь въ Россію, не досчитывалась всего 15 тысячь, т. е. въ самомъ сраженіи погибло по крайней мѣрѣ 10 тысячь.

4. Возвращенные плѣнники суть только офицеры гвардейскаго полка. Это одинъ изъ тѣхъ дорогихъ полковъ, которыхъ притязанія превышаютъ ихъ стоимость. Родственники офицеровъ не допускаютъ мысли, что бы можно было дозволить ихъ убивать, и я думаю, что ихъ призовутъ назадъ въ столицу, чтобы только замолкло вытье дамъ.

5. Битва была дана безразчетно, ибо присоединившаяся къ коалиціи Пруссія посылала сто тысячъ человѣкъ къ границамъ Богеміи.

6. Австрійскія войска были самаго дурнаго качества и состояли по большей части изъ молодыхъ необученныхъ рекрутъ.

Такъ какъ перемиріе съ императоромъ Австрійскимъ было невозможно или безполезно, покамѣстъ Русскій не прекращалъ военныхъ дѣйствій, то Бонапартъ написалъ къ сему послѣднему второе письмо, послѣ битвы. Письмо это, которое привезъ опять Савари, не было оглашено; но позволительно узнавать содержаніе его въ начавшемся немедленно движеніи Русскихъ войскъ въ Венгрію.

8. То что написано выше о мостѣ, принадлежитъ къ числу басенъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ не оберешься. Артиллерія была оставлена позади арміи со стороны Вишнау, по видимому для того, что ея не считали нужною. Она даже не была запряжена, и Французы преспокойно забрали ее послѣ битвы, въ то время какъ Русскіе удалялись вправо къ сторонѣ Венгріи. Тутъ было 50 пушекъ, въ которыя и не попробовали выстрѣлить. Однимъ словомъ, государь, кажется, что битву эту можно назвать *великимъ самоубійствомъ*. Отъ генерала Кутузова вздумали было спрашивать реляціи; онъ отвѣчалъ, что не желаетъ писать реляцію о битвѣ, которая произошла вопреки ему и что пусть спрашиваютъ у Австрійцахъ, которые ее дали,

Все погибло при Аустерлицѣ. Когда я думаю объ этой битвѣ, мнѣ безпрестанно вспоминается знаменитое выраженіе Тацита: «Никогда не было такъ очевидно, что боги, не пекущіеся о нашемъ счастіи, пекутся только о томъ, чтобы отмстить за себя». Это волшебство, это чудо! Какимъ образомъ государь самый благоразумный, самый недовѣрчивый къ собственнымъ познаніямъ (это-то въ особенности и странно), какъ, говорю я, такой государь рѣшился дать сраженіе вопреки мнѣнію всѣхъ своихъ генераловъ и внявъ нѣсколькимъ молодымъ царедворцамъ! Въ

небольшомъ разстояніи позади его была шедшая къ нему на соединеніе армія, и въ нѣсколькихъ верстахъ продовольствіе. Весь выигрышъ былъ въ томъ, чтобы обождать; но нѣтъ, нужно драться. *Что̀ мною написано, то написано.* Вотъ и дерутся; вы знаете, съ какимъ успѣхомъ. Черезъ два дня одинъ изъ эрцгерцоговъ одержалъ побѣду въ Богеміи, а другой прибылъ изъ Вѣны съ 60 тысячами человѣкъ. Есть отъ чего сойти съ ума! То что̀ послѣдовало за битвою еще непонятнѣе самой битвы. Если бы Императоръ оставался твердо хоть бы на границѣ, если бы онъ явился въ свою Сибирскую армію, чтобы поддержать общее мнѣніе и Пруссію, еще можно было бы поправить бѣду. . Но, какъ бы то ни было, никогда не перестану я любить его. Народъ оцѣнилъ его побужденіе и принялъ его, можно сказать, съ любовью. Впрочемъ, что̀ же такое для Россіи битва, проигранная внѣ ея предѣловъ!

Въ шифрахъ. Говорятъ, что два болѣе прекрасныхъ глаза ...... играли тутъ нѣкоторую роль. Это могло случиться безъ его вѣдома; сердце — потемки [24]).

Изъ шифрованной ноты, не вполнѣ разобранной въ Сардинской канцеляріи.

XV (стр. 208)

15 (27) Февраля 1806.

Если бы Императоръ не находился при арміи, Бонапартъ навѣрное бы очутился въ бѣдѣ и можетъ быть погибъ бы. — Онъ и Прусская королева, тотъ и другая на своемъ мѣстѣ, суть достоуважаемыя царственныя особы. Когда они сходятся, это молодой человѣкъ и молодая любезная женщина. Наканунѣ битвы, NN, который долженъ былъ ѣхать въ полдень по волѣ Русскаго императора, несчастнымъ образомъ рѣшившагося драться, пришелъ къ обергофмаршалу Толстому и просилъ его употребить все свое вліяніе на Государя, чтобы отклонить его отъ битвы, которая дурно кончится. Толстой разсердился, сказавъ, что его дѣло пулярдки, вина, а война дѣло генераловъ....

Для Россіи Аустерлицкая битва— ударъ по головѣ человѣку могучаго сложенія, ударъ, лишь на минуту ошеломляющій.

Англійскій Дворъ спрашивалъ у здѣшняго, намѣренъ ли онъ дѣйствовать или нѣтъ. Императоръ остается въ нерѣшимости. Увы! онъ пораженъ сильнѣе чѣмъ его армія подъ Аустерлицемъ. Ему рѣшились сказать: «Государь, вашими парадами вы губите себя, Россію и Европу». Но Императоръ не внялъ этому; онъ лично ексерсируетъ свою гвардію; изобрѣли новый барабанъ, производящій страшную трескотню; всѣ смѣются, и въ особенности офицеры, и это великое зло. Если это военное педантство, (вполнѣ противное Русскому духу) не прекратится, никто не поручится за армію; надобно знать народъ! Въ гвардіи начинаютъ нуждаться въ офицерахъ; одни выходятъ въ отставку, другіе не возвращаются на службу. — Императоръ считаетъ себя безполезнымъ для своего народа, потому будто бы, что онъ не въ состояніи командовать войсками, что̀ его чрезвычайно огорчаетъ. Это похоже на то, если бы онъ вздумалъ плакать объ томъ, что онъ не астро-

---

[24]) ?

номъ. Выше всѣхъ талантовъ — талантъ правленія; онъ орудуетъ всѣми талантами и всѣ ихъ превосходитъ. Филиппъ II и Людовикъ XIV, надѣюсь, не были автоматами; но вскорѣ мы увидимъ, что король Англійскій станетъ лично командовать своими флотами изъ опасенія прослыть безполезнымъ.

Императрица беременна, а первая Петербургская красавица [25]) разнемоглась и уѣхала на воды въ Германію. Я надѣюсь, что она вылечится.

*

Усилія императора Александра вознаградить короля Сардинскаго за потерю его владѣній на материкѣ Европы не увѣнчались успѣхомъ. Онъ предлагалъ ему поселиться въ Одессѣ; тоже совѣтовалъ и графъ Местръ; но король не согласился. Въ 1804 г. онъ просилъ у Александра дать ему командованіе арміею; на это послѣдовалъ отказъ.

Царская фамилія оказывала графу Местру особенное вниманіе. Онъ заслуживалъ общее уваженіе не только отмѣнными способностями, но въ особенности своею удивительною преданностью королю, который не только не ласкалъ его, но, при нищенскомъ содержаніи, наносилъ ему оскорбленія. Разлученный съ семьею, осыпаемый упреками своего капризнаго повелителя, бѣдно одѣтый и едва имѣющій чѣмъ жить, графъ Местръ дѣйствовалъ единственно силою таланта и непреклонностью убѣжденій. Живя у насъ, написалъ онъ свои знаменитые Петербургскіе вечера (Les soirées de St. Pétersbourg), гдѣ однимъ изъ бесѣдующихъ лицъ является Тамара, старый дипломатъ Безбородкинской школы. Александръ поручалъ графу Местру писать записки по разнымъ предметамъ и неоднократно приглашалъ на свою службу. „Я хочу выпросить васъ у вашего государя", говаривалъ онъ. Графъ всегда отклонялъ эти предложенія. Впослѣдствіи сынъ его, графъ Рудольфъ, поступилъ въ кавалергарды и участвовалъ въ тогдашнихъ походахъ нашихъ.

[25]) Марья Антоновна Нарышкина.

XVI (стр. 244)

3 Января 1807.

Фельдмаршалъ Каменскій не оправдалъ ожиданій. Онъ сбился съ толку, или его сбили съ толку; ибо на извѣстнаго рода фокусы всѣ мы дѣти въ сравненіи съ Русскими. Какъ бы то ни было, кажется, что, благодаря фельдмаршалу, дѣла затянулись вмѣсто того, чтобы ускориться. Бонапартъ перешелъ Вислу въ Торнѣ и Плоцкѣ и перенесъ свою главную квартиру въ Плонскъ. Генералъ расположился двумя линіями при Пултускѣ. Бонапартъ хотѣлъ пробраться къ Гроднѣ, гдѣ находятся Русскіе магазины.—11, 12 и 13 (23, 24 и 25) Декабря онъ атаковалъ Русскихъ болѣе или менѣе съ успѣхомъ и взялъ у нихъ 5 пушекъ. 14 (26) онъ зажегъ деревню, дабы Русскіе не замѣтили его движеній вслѣдствіе дыма, который разстилался въ ихъ сторону, и приготовился по своему обыкновенію къ рѣшительному натиску; но генералъ Бенигсенъ, пользуясь тѣмъ же дымомъ, внезапно сомкнулъ въ колонну свою вторую линію и устремился въ центръ Французовъ, между тѣмъ какъ его первая линія, дѣйствуя фронтомъ, громила его бока. Французы смялись, и въ первый разъ со времени Сенъ-Жанъ д'Акры самъ Бонапартъ принужденъ былъ отступить. Русскіе преслѣдовали Французовъ на пространствѣ отъ 12 до 15 верстъ, послѣ чего обѣ стороны заняли вновь свои мѣста. Генералъ Бенигсенъ громко утверждалъ, что онъ выигралъ бы

полную побѣду, если бы не задержалъ его фельдмаршалъ. Дѣйствительно сей послѣдній остался въ бездѣйствіи и пробылъ въ Одалинскѣ. Но онъ боленъ. Онъ написалъ Императору странное и даже неприличное письмо. У него грыжа, которая отъ верховой ѣзды становится еще мучительнѣе. Въ письмѣ своемъ онъ пускается въ топографическое описаніе своего недуга, и съ пера его, въ письмѣ, писанномъ къ Императору, сорвались странныя междометія. Наконецъ фельдмаршалъ уволенъ за болѣзнію; Буксгевденъ также. Умершій и похороненный Багратіонъ воскресъ и командуетъ съ графомъ Толстымъ, подъ главнымъ начальствомъ Бенигсена.

Кутузовъ въ немилости за то, что разыгралъ изъ себя царедворца, вмѣсто того чтобы оставаться генераломъ 1-го Декабря 1805. Это обвиненіе очень выходитъ странно, когда оно предъявляется властію самодержавною. Накануне Аустерлицкой битвы, въ два часа утра, получивъ послѣднія приказанія Императора, Кутузовъ пришелъ въ комнату обергофмаршала Толстаго (онъ братъ генералу Толстому) и сказалъ ему: «Вы должны отговорить Императора, потому что мы проиграемъ битву навѣрное». Пылкій обергофмаршалъ вышелъ изъ себя. «Мое дѣло, сказалъ онъ, соусы и жаркія; а ваше дѣло—война, занимайтесь-же ею» и пр. Теперь генералъ терпитъ за то, что не осмѣлился заявить правду.

Императоръ собираетъ 612 тысячъ войска противъ Франціи.

Наконецъ и Св. Синодъ тутъ замѣшался и издалъ возваніе ко всему христіанскому народу. Это возваніе въ сущности есть охристіаненный манифестъ, такъ какъ Императоръ есть патріархъ, а епископы—рабы въ митрахъ.

XVII (стр. 246)

Февраль 1807.

Бенигсенъ расположился въ Вартенбургѣ со всею своею арміею, до ста тысячъ человѣкъ. Бонапартъ двинулся на него чрезъ Алленштейнъ, имѣя почти равное число и призвавъ къ себѣ всѣхъ своихъ генераловъ, Мортье, Массену, Ожеро и др. Находясь въ мѣстности неровной, неудобной для конницы (которой у него было больше чѣмъ у Бонапарта) Бенигсенъ отступилъ и противопоставилъ Французамъ только арріергардъ въ 10 т. человѣкъ, подъ командою князя Багратіона и генерала Барклая де Толли. Оба они дѣйствовали чудесно и выдерживали напоръ 40 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ Бенигсенъ вывелъ свою армію изъ дефилей и какъ нельзя лучше размѣстилъ ее по равнинѣ Ейлау. Бонапартъ пошелъ за нимъ туда и 26 Янв. (7 Февр.), около 3 часовъ по полудни, завязалось сраженіе. Дрались съ крайнимъ ожесточеніемъ, и дѣло, прерванное наступленіемъ ночи, возобновилось съ новымъ пыломъ въ 3 часа утра и продолжалось до ночи. Двѣсти тысячъ человѣкъ сражались двое сутокъ; наконецъ Русскіе одолѣли, и поле битвы осталось за ними. Французы, нѣсколько дней питавшіеся однимъ картофелемъ, коченѣвшіе отъ холода, плохо одѣтые, дрались за своего хищника, приведшаго ихъ на бойню, точно какъ будто за доброе дѣло. Впрочемъ, къ концу битвы, солдаты отказывались идти впередъ. Разъяренный Бонапартъ самъ принялъ команду надъ отборными войсками; его окружали первые его генералы Даву, Ожеро, Сультъ, Ней и Бессіеръ, предводительствовавшій гвардіею. Отъ знаменитаго полка, именуемаго гренаде-

рами императорской гвардіи, осталось только 13 человѣкъ и одинъ офицеръ. Императоръ, который есть сама доброта, сожалѣлъ о гибели этихъ гвардейцевъ; но надлежало отплатить за Аустерлицкій мостъ, а Русскіе признательны.

XVIII (стр. 247).

Кавалеру Росси, въ Кальяри.

Спб. Мартъ 1807.

Есть два рода важныхъ сраженій: одни важны тѣмъ что̀ они производятъ, другіе тѣмъ что̀ они устраняютъ. Битва Прейсишъ-Эйлауская принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Такого рода битвы не слишкомъ поражаютъ воображеніе, но это не умаляетъ ихъ существеннаго значенія. Дѣло шло о чести и, быть можетъ, о существованіи Россіи, о возможности постыдно оставить столицу Имперіи и т. д. При Пултускѣ звѣзда Бонапарта начала меркнуть; она значительно потускнѣла при Прейсишъ-Эйлау. Вы знаете, что нескоро развѣдаешь подробности великаго сраженія и даже никогда не узнаешь ихъ вполнѣ. Послѣдній разъ что̀ я писалъ къ вамъ, мнѣ, какъ и всѣмъ, были мало извѣстны подробности этого великаго событія. По истинѣ это битва *историческая.* Я говорилъ вамъ о 8 тысячахъ убитыми съ одной стороны и о 12-ти съ другой; помножьте на двое, и все таки будетъ мало. Я не сомнѣваюсь, что страшная битва стоила жизни 50 тысячамъ людей, изъ коихъ до 30 тысячь пришлось на долю Французовъ: они оставили 8 тысячь лошадиныхъ труповъ; по этой цифрѣ судите объ остальномъ. Вотъ какъ происходило дѣло. Во первыхъ, Бонапартъ обнаружилъ тутъ весь блескъ своего смѣлаго шарлатанства. Онъ сказалъ солдатамъ, что предстоящая битва будетъ послѣдняя, что участникамъ ея онъ раздастъ сто милліоновъ, что онъ отдастъ имъ Кенигсбергъ на разграбленіе въ теченіи четырехъ часовъ, «съ тѣмъ однако, чтобы не разорять города, такъ какъ онъ намѣренъ провести въ немъ зиму». Послѣ такихъ посуловъ, 7 Февраля, онъ двинулся въ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ находились Русскіе, и сраженіе началось. Эйлау было взято Французами, отнято Русскими и снова взято Французами, которые тамъ и утвердились. Дрались въ улицахъ, даже въ домахъ; напослѣдокъ прекрасная деревня эта, въ которой считалось 800 домовъ, совершенно была уничтожена. На утро Французы возобновили дѣло (ибо всякій разъ нападали не Русскіе, а они). Бенигсенъ разставилъ свой армейскій корпусъ уступами (эшелонами), спиною къ Кенигсбергу. Между линіями у него была страшная артиллерія, а конница разсыпана была по обоимъ крыльямъ. Шелъ густой снѣгъ, который относило вѣтромъ въ лице Русскимъ, къ выгодѣ Французовъ, и обѣ стороны, находясь близко, не различали другъ друга. Между четырьми и пятью часами утра, лѣвое Русское крыло принуждено было подвинуться назадъ; но генералъ Бенигсенъ послалъ туда свѣжіе отряды, и бой возстановился. Самая страшная рѣзня происходила съ 10 часовъ утра до 3 часовъ по полудни. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали чудесно, но поле битвы осталось за Русскими. Не трудно представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Дѣйствительно, Французы не были ни *разбиты,* ни *побѣждены.* Не одно и тоже *отразить* и *побѣдить.* Впрочемъ, такъ какъ черезъ два дня по-

слѣ сраженія Бенигсенъ отступилъ къ Кенигсбергу, а Французы, оставивъ поле битвы въ порядкѣ и не потерявъ ни одной пушки, снова заняли оное, то съ перваго взгляда не знаешь что̀ подумать; но при внимательномъ обсужденіи оказывается, что Бонапартъ потерпѣлъ страшный ударъ. Во первыхъ потеря людьми страшная [26]): онъ началъ эту войну по крайней мѣрѣ съ 200 т. человѣкъ, и у него остается едва 80 тысячь (такъ по крайней мѣрѣ говорятъ; я же считаю до 90 т.) Онъ боролся противъ четырехъ элементовъ, противъ оружія и противъ побѣговъ, которые происходятъ толпами....

Три раза сряду Бонапартъ просилъ у Бенигсена перемирія и получалъ отказъ; наконецъ, около 12 Февраля, онъ двинулся (не умѣю въ сію минуту сказать вамъ, куда именно), покинувъ больныхъ и полторы тысячи лошадей, которыя почти издыхали отъ голода и изъ которыхъ Русскіе выбрали 60 годныхъ въ дѣло; остальныя были пристрѣлены или отданы крестьянамъ. Не знали какъ быть съ трупами людскими и лошадиными. Русскіе имѣютъ предразсудокъ противъ сожиганія; да и откуда взять дровъ? Хоронить затруднительно, потому что земля замерзла. Прибрали кое-какъ; но теперь наступила оттепель, трупы гніютъ, торча изъ земли. Представьте, что приходится ихъ снова выкапывать, чтобы схоронить глубже. Какова работа! Опасаются заразы. Вотъ «права человѣчества», столь прекрасно изложенныя Парижскими адвокатами 1790 года и подтвержденныя въ Прусской Польшѣ и въ другихъ земляхъ. Платовъ съ козаками своими преслѣдуетъ Французовъ и наноситъ имъ много вреда; но Бенигсенъ стоялъ смирно у Кенигсберга и двинулся лишь 22 Февраля. Много толковали объ этомъ промедленіи; но я полагаю, что тутъ есть основательныя причины. Даже дѣти знаютъ, что въ настоящую минуту положеніе Русскихъ незавидно во всѣхъ отношеніяхъ; у нихъ мало людей, магазиновъ и въ особенности оружія (какой стыдъ!) Шведскій король предлагалъ 200 пушекъ и 150 тысячь ружей; но ихъ, вѣроятно изъ гордости, не приняли.

Скажу вамъ мимоходомъ, что послѣ того, какъ Императоръ вздумалъ давать награды (даже почетныя) директорамъ нѣкоторыхъ кассъ, которыя представили сбереженія издержекъ, тотчасъ всѣ принялись за этотъ легкій способъ добывать чины и ордена, производя экономію даже въ необходимомъ. Тоже распространилось и на вооруженіе, и вотъ какъ здравая мысль монарха была обращена противъ него-же. Порядокъ этой страны—это безпорядокъ, и верхъ искусства государственныхъ людей заключается въ томъ, чтобы опредѣлить степень безпорядка, какая можетъ быть допущена. Возвращаюсь къ предмету. Бенигсенъ знаетъ размѣръ своихъ потерь; онъ знаетъ число своихъ солдатъ, которое намъ неизвѣстно. Онъ не хочетъ вступать въ битву, не имѣя за собою резервнаго войска; онъ знаетъ, что время—смертельный врагъ Французовъ; онъ хочетъ *томить* Бонапарта.

Не слѣдуетъ спѣшить порицаніемъ подобныхъ идей. Лучшее доказательство недостатка въ людяхъ, это выступленіе гвардіи (la troupe sacrée) и

[26]) По сравненію съ тѣмъ, что̀ переживается въ наши дни, нужно сознаться, что такъ называемая Европейская цивилизація, со временъ графа Местра, сдѣлала большіе успѣхи —въ человѣкоистребленіи. *П. Б.*

быстрота ея похода: она дѣлаетъ пятьдесять верстъ въ день на телѣгахъ и въ саняхъ. Выступленіе гвардіи, какъ мнѣ говорили, было прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ. Что до меня, оно слишкомъ меня трогаетъ, и я сидѣлъ дома. Но говорятъ еще о другомъ: лучшіе люди Имперіи, лучшія одѣянія, лучшія оружія! Императоръ проѣзжался по рядамъ. «Братцы, говорилъ онъ солдатамъ, прощайте, не осрамитесь!» Въ отвѣтъ послышался страшный крикъ, произведшій сильное впечатлѣніе: «Сдѣлаемъ все что можно; прощайте, Ваше Величество!» Строго воспрещены всякіе обозы, т. е. всякій корнетъ долженъ довольствоваться тремя лошадьми, и остальные въ той-же пропорціи, и на трехъ офицеровъ полагается одна повозка. Запрещеніе это во всякомъ случаѣ полезно для сдержки Русскихъ желаній, которыя, по природѣ своей, не имѣютъ границъ. Въ Шведскую войну, при Екатеринѣ II, забыли ограничить обозы, и гвардейскіе офицеры, между прочими военными принадлежностями, повезли съ собою попугаевъ и канареекъ въ клѣткахъ. Нынѣ нѣтъ ни попугаевъ, ни канареекъ; но такъ какъ люди постоянно совершенствуются, то гр. Станиславъ Потоцкій повезъ съ собою пятьдесятъ индѣекъ, пятьдесятъ пулярокъ, восемьдесятъ килограммовъ бульона въ плиточкахъ, огромную бутыль бордо, и т. д. Говорятъ, что индѣйки были живы, и что онѣ очень отличались, крича стольже громко, какъ и солдаты, вѣроятно «здравья желаемъ!» Теперь, г. кавалеръ, эти баловни Фортуны могутъ спокойно веселиться, благодаря сорока тысячамъ труповъ, покрывающимъ поля Пултуска и Прейсишъ-Эйлау. Семеновскій полкъ въ особенности дорогъ Ея Величеству Императрицѣ-матери, потому что ея августѣйшій сынъ былъ въ немъ полковникомъ. Офицеры имѣли честь проститься съ нею передъ отъѣздомъ и были допущены къ рукѣ. Замѣтьте мимоходомъ, что нѣтъ женщины въ Петербургѣ, отъ Императрицы до послѣдней швеи, которая могла бы допустить, чтобы какой либо гвардейскій офицеръ былъ убитъ непріятелемъ: это неприличіе, котораго онѣ не могутъ себѣ представить.—Отсюда вышло около 25 тысячъ человѣкъ. Говорятъ, что гвардія будетъ стоять лагеремъ у Риги. Если она пойдетъ далѣе, то это ясно докажетъ, что Императоръ долженъ ѣхать, и что у него большія надежды. Кто знаетъ, что готовится? Сюда пріѣхало таинственное лицо, принявшее имя Митридата. Прибывъ гласно 12 Февраля, онъ явился къ министру внутреннихъ дѣлъ (гр. Кочубею) и просилъ свиданія съ Императоромъ. Когда ему сказали, что это невозможно, онъ написалъ письмо, которое произвело очень благопріятное впечатлѣніе. Онъ живетъ у оберъ-полиціймейстера и никого не видитъ. Съ другой стороны, считаю вѣрнымъ, что Французскій генералъ Ферье, жестоко и безъ малѣйшаго повода оскорбленный Бонапартомъ, бѣжалъ въ Россію. Числа совпадаютъ; не одно-ли и тоже это лице? Другіе увѣряютъ, что этотъ Митридатъ просто тотъ Французъ, который представлялся въ Вѣнѣ графу Разумовскому и о которомъ вѣроятно говорилъ вамъ кавалеръ Ганьеръ. Наконецъ кто нибудь да онъ есть; но самое явное доказательство тому, что затѣвается нѣчто, это то, что наконецъ начинаютъ обращать вниманіе на Французскаго короля. Съ графомъ Блакасомъ обращаются совершенно, какъ съ министромъ. Къ нему обратились для задержки или

высылки Французовъ, сообразно съ указомъ, присланнымъ Вамъ мною. Наконецъ, онъ на дняхъ приложилъ печати къ имуществу нѣкоего кавалера Ватрувиля, который скончался; такъ что онъ признанъ, а государь его не признанъ, что довольно любопытно. Послушать Прусаковъ, битва при Эйлау рѣшена или почти рѣшена ими. То правда, что генералъ Лестокъ, имѣя 15 тысячь человѣкъ, 8 числа, присоединился къ Русской арміи съ правой стороны и дрался съ Французами; но въ которомъ часу и съ какимъ успѣхомъ? Объ этомъ повѣствуютъ различно. Прусаки изображаютъ это движеніе въ величавыхъ выраженіяхъ, такъ что подумаешь будто успѣхъ дѣла главнымъ образомъ принадлежитъ имъ. Русскіе напротивъ (я слышалъ отъ самаго министра) увѣряютъ, что Лестокъ, перейдя съ правой стороны на лѣвую, заставилъ ихъ выдержать трудную схватку съ Бернадотомъ, что онъ прибылъ только въ 5 часовъ вечера, когда выигрышъ сраженія былъ уже обезпеченъ, и что онъ ограничился нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Императоръ, изъ дружбы къ Прусскому королю, съ удовольствіемъ преувеличивалъ услуги, оказанныя Прусаками. По полученіи извѣстія, увидавъ при Дворѣ графа Гольца, онъ его обнялъ. Сей послѣдній заплакалъ отъ радости. Тѣмъ не менѣе довольно громко хохочутъ надъ *непобѣдимыми Прусаками*. Въ Кенигсбергской газетѣ постоянно твердится о *соединенныхъ арміяхъ*, выраженіе, внушающее здѣсь чувство жалости, коимъ подавляютъ чувство гнѣва. Но Прусское чванство дозволило себѣ глупость, которая превзошла всякую мѣру. Въ заключеніи декларацiи своей объ отказѣ на предложеніе Франціи мириться, Прусскій король сказалъ, что «онъ рѣшился неизмѣнно пребыть въ связи съ великимъ другомъ своимъ, Русскимъ Императоромъ, съ нимъ побѣдить или погибнуть.» Эти слова были опущены въ правительственной Петербургской газетѣ: показалось стыдно приводить ихъ. Однако будемъ справедливы: Прусакамъ обязаны безконечно и можетъ быть обязаны всѣмъ, а именно—хлѣбомъ. Вы себѣ не можете составить понятіе о Русской небрежности и непредусмотрительности. Они двинутъ впередъ сто-двѣсти тысячь человѣкъ и, придя къ мѣсту, нанесутъ страшный ударъ, вотъ и все. Затѣмъ, какъ кормить и одѣвать этихъ людей, объ этомъ они вовсе не безпокоятся и, сказать правду, мало въ этомъ смыслятъ. А Бонапартъ смыслитъ; отъ того-то онъ такъ упорно добивался быть въ Кенигсбергѣ. Добудь онъ себѣ хлѣба, боюсь думать что бы произошло. Въ эту минуту онъ былъ бы въ Мемелѣ; Французскій король былъ бы прогнанъ изъ Митавы гнуснымъ своимъ противникомъ и т. д. Но какое испытываешь чувство, находясь на мѣстѣ дѣйствія и видя, на чемъ все держалось, и до какой степени судьбы Европы зависѣли отъ интригъ! Бенигсенъ иностранецъ—это проклятіе, тяготѣющее надъ нимъ. Nec tecum possum vivere, nec sine te [27]). Я Вамъ говорилъ это, кажется, относительно народа менѣе важнаго для міра; но тутъ разница только въ размѣрахъ. Нѣкій генералъ Кноррингъ вздумалъ не слушаться Бенигсена, потому что онъ его старше. Этотъ Кноррингъ инженеръ; еще въ прошломъ году, онъ чуть не сло-

---

[27]) Это самое выраженіе Местръ приводитъ въ письмѣ къ кн. Козловскому, характеризуя отношеніе Россіи къ Западной Европѣ. См. Р. Арх. 1866, стр. 1496.

милъ шею доброму генералу Сухтелену; впрочемъ, за нимъ, какъ за большинствомъ интригановъ, неизвѣстно никакихъ особенныхъ заслугъ. Дѣло дошло до того, что оба генерала полѣзли на ножи и что былъ назначенъ день для дуэли. Съ другой стороны, графъ Петръ Толстой, бывшій при арміи, не могъ простить иностранцу успѣховъ, которымъ было суждено прогремѣть по всей Европѣ. Баронъ Бенкендорфъ, зять графа Ливена, вдругъ пріѣзжаетъ сюда курьеромъ изъ арміи дня четыре или дней пять послѣ битвы, и всѣмъ извѣстно, что онъ посланъ не барономъ Бенигсеномъ. Въ Митавѣ, онъ выражается о битвѣ такъ пренебрежительно, что по словамъ его можно ее принять за пораженіе. Французскій король встревоженъ и пишетъ сюда, къ своему министру. Бенкендорфъ пріѣзжаетъ въ столицу, и всѣ смотрятъ на него, какъ на посланнаго графомъ Петромъ. Онъ говоритъ въ самыхъ невыгодныхъ выраженіяхъ и о генералѣ, и о битвѣ. Наконецъ приближалась минута, въ которую Бенигсену готовилась гибель за то, что онъ спасъ честь Россіи. Къ счастію, Императоръ взглянулъ на дѣло съ хорошей стороны. Мнѣ говорили, что такъ какъ Его Императорскому Величеству исключительно принадлежитъ выборъ Бенигсена, то онъ счелъ нападки на генерала за дерзость противъ самаго себя. Какъ бы то ни было, б-ъ Бенкендорфъ былъ очень дурно принятъ. Императоръ сказалъ ему буквально: «Вы взяли на себя скверное порученіе». Онъ отослалъ его въ армію съ Андреевскою лѐнтою и пенсіею въ 12000 р. для Бенигсена, что не помѣшало Бенкендорфу получить чинъ, къ немалому удивленію многихъ.

Графъ Петръ Толстой переведенъ въ армію Ессена, гдѣ онъ командуетъ значительнымъ корпусомъ (онъ былъ дежурнымъ генераломъ при Бенигсенѣ).

Этотъ Ессенъ также человѣкъ очень посредственный, и про него говорятъ, что онъ ослушался барона Бенигсена; онъ однако одержалъ или, точнѣе сказать, часть его воска подъ командою князя Волконскаго, одержала 5 (17) Февраля, весьма значительный успѣхъ надъ Французами. Русскіе побили у нихъ 3000 человѣкъ; они забрали въ плѣнъ 500 человѣкъ, и подвинулись отъ Остроленки на Наревѣ, гдѣ происходило дѣло, до Пултуска, который они взяли приступомъ, и тамъ засѣли. Но посудите о нашемъ удивленіи, когда это дѣло было совершенно замято и пройдено молчаніемъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Вскорѣ люди смышленые поняли причину этого молчанія: 1-е, Ессенъ прежними своими военными распоряженіями навлекъ на себя неудовольствіе. 2-е, Онъ снова навлекъ на себя неудовольствіе тѣмъ, что донесъ о своихъ успѣхахъ прямо, а не черезъ главнокомандующаго. 3-е, Графъ Петръ Толстой сильно замѣшанъ въ это дѣло; его обвиняютъ въ томъ, что онъ ослушался и тѣмъ подвелъ князя Волконскаго, подвергнувъ его опасности быть взятымъ въ плѣнъ съ 5000 войска. Но великая милость, которою пользуются Толстые, не позволяетъ, чтобы говорили открыто объ этихъ ошибкахъ. Отъ этого имъ однако не легче. Вы видите, какъ идутъ дѣла и какъ все держится на воздухѣ [28]. Впрочемъ, пока

[28]) Надѣемся, что потомки людей, которыхъ гр. Местръ изображаетъ здѣсь съ своей (очевидно односторонней) точки зрѣнія,

будутъ существовать люди, будутъ дѣлаться ошибки; тѣмъ не менѣе кажется, что счастіе начинаетъ совершать оборотъ. Бонапартъ потерялъ по крайней мѣрѣ 80, 000 человѣкъ съ начала кампаніи; кѣмъ замѣнитъ онъ ихъ? Сенатъ его очень низокъ, и Французы его очень терпѣливы; однакоже, только что потребовавъ и добившись преждевременнаго набора въ 80, 000 человѣкъ, какъ предлагать новый?

Впрочемъ, сообразивъ все только что прочитанное Вами и другія свѣдѣнія дошедшія до меня въ послѣдствіи, считаю вѣрнымъ, что съ этой стороны есть большія надежды и даже *начало обращенія*. Тому есть множество признаковъ, и прежде другихъ Сѣверный Журналъ (Journal du Nord) о которомъ помышляли цѣлые вѣка, все откладывая изъ боязни, и два первые номера котораго наконецъ увидѣли свѣтъ. Издателемъ его назначили маркиза Мермона, бывшаго бригадира, очень близкаго мнѣ человѣка. Но цензоръ, директоръ, глава этого изданія, есть графъ Иванъ Потоцкій, состоящій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ по Азіатскимъ дѣламъ, человѣкъ весьма преданный наукамъ. Объявленіе и два первые номера принадлежатъ его перу. Бонапартъ тутъ просто Бонапартъ: издѣваются открыто надъ нимъ, надъ его рожденіемъ, его принцами, и т. д. Немало смѣялись фразѣ: «Когда онъ говоритъ моя династія—онъ напоминаетъ человѣка, сажающаго жолуди и говорящаго: мой лѣсъ.» Конечно этихъ остротъ себѣ не позволили бъ, еслибы не думали, что колоссъ начинаетъ шататься. При томъ я знаю и знаю несомнѣнно, что письмо, отправленное изъ средоточія Вандеи и подписанное однимъ изъ ея главныхъ руководителей, очутилось, неизвѣстно какъ, на письменномъ столѣ Его Императорскаго Величества. Сперва хотѣли отвѣчать путемъ газетъ; однако этого не сдѣлали. Не знаю, какой оборотъ приняло дѣло. Но другія лица нашли средство довести до свѣдѣнія писавшаго, что письмо дошло по назначенію. Присовокупите къ этому неслыханныя до сихъ поръ сношенія съ его христіаннѣйшимъ величествомъ, и вы согласитесь, что готовится нѣчто важное. Я, въ своей скромной сферѣ, не пренебрегалъ ничѣмъ для подкрѣпленія добрыхъ началъ, и тому не разъ представлялся случай.

22 Февраля изъ арміи генерала Бенигсена прибылъ князь Багратіонъ и, повидавшись съ нимъ, Императоръ выказалъ необычайную радость. Зачѣмъ пріѣзжало такое значительное лицо? Если дѣло шло лишь объ извѣстіяхъ, было бы достаточно молодаго адъютанта. Четыре или пять дней передъ тѣмъ г. Новосильцовъ уѣхалъ съ тайнымъ порученіемъ. Онъ долженъ былъ высадиться въ Мемелѣ; но порученіе, повидимому, должно быть исполнено въ Кенигсбергѣ — новый признакъ, что подготовляется нѣчто важное. Теперь, говорятъ что г. Новосильцовъ замедлилъ *своимъ* отъѣздомъ, чтобы дождаться отъѣзда Императора; но я этому не вѣрю; впрочемъ это было-бы напрасно, ибо отъ-

---

не только не посѣтуютъ за напечатаніе этихъ отзывовъ, но дадутъ себѣ трудъ опровергнуть ихъ хранящимися у нихъ бумагами. Богатые архивы графовъ Толстыхъ ждутъ разработки и обнародованія. Въ числѣ силъ Западной Европы немалый вѣсъ имѣетъ то, что тамъ ближайшая исторія закрѣплена и удержана типографическимъ станкомъ и оттого знакома большинству людей грамотныхъ. Держась же поговорки: „шито да крыто“, далеко не уйдешь. *П. Б.*

ѣздъ этотъ рѣшенъ вчера, 8 Марта (24 Февр.) Противъ этого путешествія существуетъ страшная оппозиція; Императрица-мать въ особенности, какъ говорятъ, не можетъ съ нимъ помириться. Конечно, мы не грѣшимъ противъ уваженія, коимъ мы обязаны государямъ, замѣчая, что Дворы суть средоточія интригъ; это въ природѣ вещей, и невозможно, чтобы вокругъ власти не сосредоточивались и не волновались человѣческія страсти. Если это средоточіе интригъ переносится въ армію, она тотчасъ разстроивается и значительно ослабляется. Къ счастію обыкновенно бываетъ, что эти придворныя операціи производятся съ обѣихъ сторонъ, такъ что, въ окончатетельномъ итогѣ, все обращается къ благу человѣческаго рода; ибо дурно веденная война — великое благо, только бы ее вели дурно съ обѣихъ сторонъ. Но если, съ одной стороны законный государь съ его Дворомъ, а съ другой—всемогущій сорванецъ, искатель приключеній, у котораго много лакеевъ, но нѣтъ Двора, человѣкъ ни отъ кого не зависящій, никого не слушающій и соединяющій безусловную власть съ опьяненіемъ успѣха и съ тѣмъ практическимъ знаніемъ людей и вещей, которое возможно лишь для частнаго лица: то скажу, что государь, идущій на поединокъ съ такимъ человѣкомъ, совершаетъ самоубійство. Это простыя истины, и я высказалъ-бы ихъ самому Императору, если-бы онъ меня на то вызвалъ. Но съ другой стороны, почему мы знаемъ, что Его Императорское Величество ѣдетъ именно *воевать*? Не имѣется-ли въ виду иное? Развѣ не бываетъ случаевъ, гдѣ особа государя необходима, гдѣ имя его должно являться какъ знамя во главѣ армій?.... Кто знаетъ, что сдѣлаетъ Императоръ? Если бы, напримѣръ, дѣло шло о томъ, чтобы выслушать нѣкорыя предложенія, представить лишеннаго престола короля его подданнымъ и т. д.: я сказалъ бы, что онъ будетъ на своемъ мѣстѣ; но ни одинъ благоразумный человѣкъ неприсовѣтуетъ ему войти въ сношенія съ гг. Массеною, Ланномъ и компаніею; это было бы величайшимъ несчастіемъ для него и для Европы. Покамѣстъ идутъ разсужденія, 25 тысячъ человѣкъ, покинувъ здѣшнюю столицу, спѣшатъ на «кровавую арену.» Гвардію везутъ на почтовыхъ, на каждой станціи по 1700 лошадей, и сынъ мой мнѣ пишетъ, что конная гвардія проѣзжаетъ до 40 верстъ въ сутки. — 13 (25) Февраля Новосильцовъ возвратился изъ арміи и разсказываетъ объ ней «чудеса.» Нѣкоторыя лица подозрѣваютъ, что цѣлью его поѣздки было примиреніе генераловъ. И дѣйствительно, «миръ и дружба» господствуютъ у Бенигсена съ Толстымъ. Первый изъ нихъ по прежнему недвижимъ и вовсе не желаетъ битвы... Когда пріѣхалъ сюда кн. Багратіонъ, всѣ были поражены тѣмъ, что такое значительное лицо покинуло армію; но онъ говорилъ, что «въ теченіи двухъ недѣль ничего не произойдетъ.»—Нынче 16 Марта (н. с.), а новаго ничего. Бонапартъ всячески старается о мирѣ или покрайней мѣрѣ о перемиріи, но Русскіе постоянно отказываются. Когда къ нему явился по дѣлу о размѣнѣ плѣнныхъ Прусскій генералъ Клейстъ, онъ послалъ съ нимъ весьма коварныя предложенія. Въ особенности желаетъ онъ конгресса, на который бы явились уполномоченные его, Россіи, Англіи, Швеціи, Пруссіи, Турціи, но не Австріи, такъ какъ эта держава не воюетъ. О Его Величествѣ и о королѣ Обѣихъ

Сицилій нѣтъ и помину, какъ бы ихъ не было на свѣтѣ. Повидимому, Пруссія не пошла на эту удочку; но такъ какъ ея репутація не изъ лучшихъ, то приняты мѣры: Императоръ требуетъ, чтобы предложенія, дѣлаемыя Пруссіи, были немедленно сообщаемы Дворамъ Петербургскому, Лондонскому и Вѣнскому. Я увѣренъ что Его Величество тревожится, какъ и вся Европа, бездѣйствіемъ Австріи. Справедливость требуетъ признаться, что это опасеніе имѣетъ довольно основаній. Вы знаете, что я вовсе не расположенъ видѣть дурное въ странѣ, въ которой меня такъ ласкаютъ; но если бы вы знали, до какой степени здѣшніе люди стоятъ не въ уровень съ нынѣшними великими и страшными обстоятельствами. Ужъ если я это говорю, значитъ, что такъ. Австрія, какъ вы чувствуете, выжидаетъ, и конечно права. Не въ томъ дѣло, чтобы начать войну; нужно знать, какъ она пойдетъ, какъ кончится. Въ 1807 году не забытъ 1805 г. Послѣ Аустерлицкой битвы ничто бы не погибло, если бы Русскіе остались, и всѣ согласны, что это было бы очень легко. Какой-то несчастный струсилъ и сказалъ Императору: «Кто знаетъ что̀ въ эту минуту дѣлается въ Петербургѣ», и Государь пустился какъ стрѣла. Императ. Францъ посылалъ сказать Кутузову, что если онъ останется, то на завтра онъ возобновитъ войну. Генералъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ промедлить ни минуты. Онъ уводитъ армію, и покинутый монархъ принужденъ былъ подписать роковой Пресбургскій трактатъ. Вамъ извѣстно, пристрастенъ ли я къ этой державѣ; но надо сознаться, что подобныя воспоминанія могутъ служить извиненіемъ ея промедленію.

...Вотъ уже нѣсколько дней, какъ генералъ Будбергъ [29]) боленъ; и я не увѣренъ, чтобы онъ прочно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Князь Чарторыжскій все еще имѣетъ довольно замѣтное, хотя и тщательно скрываемое, вліяніе, и я не могу сомнѣваться въ томъ, что если-бы онъ захотѣлъ, онъ-бы снова уже занялъ прежній свой постъ; но онъ не хочетъ насиловать общественное мнѣніе; быть можетъ, онъ хочетъ покорить его, убѣдивъ публику, временемъ и опытомъ, что кромѣ него, на это мѣсто никого не придумаешь. Дѣйствительно, никогда не было видано такого недостатка въ людяхъ способныхъ. Если-бы меня спросили: *кого вы желаете*? я не зналъ-бы, что̀ отвѣчать. Если-бы князь, съ его именемъ, его богатствомъ и обстоятельствами, ему благопріятствующими, имѣлъ въ своей груди огонь, одушевлявшій Потемкиныхъ и Орловыхъ, онъ былъ-бы царемъ Россіи; но ничто не можетъ его оживить. Когда съ нимъ говорятъ, онъ остается холоденъ, какъ ледяная сосулька. Онъ не умѣетъ ни согрѣвать людей, ни нравиться имъ. Никогда не собиралъ онъ у себя дипломатическаго корпуса; обѣдъ у него былъ рѣдкостію. Онъ избѣгалъ разговоровъ, онъ никогда не отвѣчалъ на письма, и т. д. [30]) Этотъ, напротивъ, который былъ посломъ [31]) и помнитъ старый Дворъ, старается во всемъ *екатеринствовать* [32]). Онъ поддерживаетъ старинныя формы; каждый четвергъ онъ даетъ намъ обѣды, и мы можемъ пользоваться этимъ случаемъ, чтобы

---

[29]) Тогдашній нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

[30]) Совершенно въ томъ же родѣ, какъ позднѣйшіе агитаторы Польскаго дѣла. *П. Б.*

[31]) Въ Швеціи; говорится про Будберга.

[32]) Catariner en tout.

говорить съ нимъ о дѣлахъ; онъ выслушиваетъ насъ съ крайнею внимательностію и отвѣчаетъ на малѣйшую нашу записку съ аккуратностію, чрезвычано для насъ пріятною. Относительно того, что называютъ il trattare (вести дѣла) Будбергъ несравненно удобнѣе; но если порыться и дойти до самаго характера, тогда дѣло иное: полагаю, что князь лучше. Онъ пропитанъ новыми идеями; это очень жаль. Вы не забыли его изрѣченія: «*мнѣ кажется, что слѣдуетъ довольствоваться тѣмъ, что царствуешь, какъ Англійскій король.*» Другіе два тріумвира (Строгановъ и Новосильцовъ) таковы-же, но послѣдній головою выше своихъ двухъ товарищей. Онъ знаетъ Францію наизусть, и сверхъ всего этого, онъ хватилъ немалую дозу Нѣмецкаго яду, и вслѣдствіи всего этого, такъ какъ онъ вмѣшивается во все, я не сомнѣваюсь, что при намѣреніяхъ прекрасныхъ и при сильной привязанности къ особѣ своего Государя, онъ надѣлаетъ кучу зла. Да и какъ намъ удивляться его мнѣніямъ, видя, какъ высоко они проникли?

Императоръ одѣвается, говоритъ и дѣйствуетъ, какъ частное лицо. Дипломатическій корпусъ болѣе не приглашаютъ на большіе парадные обѣды, ибо въ этихъ случаяхъ Императоръ долженъ былъ-бы сидѣть на возвышенныхъ креслахъ и выступать въ качествѣ государя. Онъ предпочитаетъ свой стулъ и нарочно ставитъ его въ ряду многихъ. Пообѣдавши, онъ извиняется передъ камергеромъ, который ему прислуживалъ, *въ безпокойствѣ, которое онъ ему причинилъ*, между тѣмъ какъ камергеру слѣдовало бы мѣсяцевъ шесть добиваться этой чести. На дняхъ вышелъ указъ, въ которомъ Его Императорское Величество благодарить *сыновъ Отечества* за высокіе подвиги, совершенные въ пользу онаго, при чемъ опредѣлительно дается знать, что благодарность государя основана на услугахъ, оказенныхъ *Отечеству*. Слово *Отечество* повторено до четырехъ или пяти разъ въ четырехъ или пяти строкахъ; Императоръ упоминается лишь мимоходомъ. Конечно Отечество что нибудь да значитъ; но если-бы я имѣлъ честь быть приближеннымъ къ этому любезному Государю, льщу себя надеждою, что я объяснилъ-бы ему убѣдительно (не проповѣдуя ему деспотизма, коего онъ страшится и коего никто не любитъ) что въ монархической странѣ, служба Отечеству не есть служба Государю; но что, на оборотъ, служба Государю есть служба Отечеству. Странно сказать, но я убѣжденъ въ слѣдующемъ: Его Императорское Величество, во глубинѣ души, уважаетъ республиканскій образъ правленія и, по всей вѣроятности считаетъ его болѣе законнымъ, чѣмъ тотъ, къ коему онъ признанъ рожденіемъ. Вѣрно то, что онъ очень любитъ и ласкаетъ Американцевъ, въ настоящее время единственныхъ республиканцевъ въ мірѣ. Здѣсь проживаетъ теперь одинъ изъ этихъ господъ, по имени Понсетъ. Это просто негоціантъ изъ Бостона, которому и въ голову не пришло-бы представляться въ нашихъ хорошихъ Туринскихъ домахъ. Здѣсь онъ очень часто обѣдаетъ при Дворѣ, а кто-то на дняхъ замѣтилъ, что во все время пребыванія здѣсь графа Меерфельда [33]), въ качествѣ простаго частнаго лица, ему ни разу не оказали этой чести. Видно, воспитаніе Его Величества оставило въ немъ неизгладимые слѣды,

---

[33]) Австрійскаго посла.

Къ этому привилась Прусская система, такъ что царскій орелъ исчезъ въ странѣ, которая всего менѣе можетъ безъ него обойтись. Если-бы Императоръ могъ слышать то, что говорятъ о немъ въ то время, когда онъ производитъ на площади ученіе войску, если-бы онъ имѣлъ около себя Боссюэта, который сказалъ-бы ему, какъ Людовику XIV по поводу комедіи: «Государь, есть великіе примѣры *въ пользу*, и великіе доводы *противъ*»,—скажу болѣе, если-бы честный писатель высказался открыто, но разумно [34]) объ этихъ ложныхъ взглядахъ, съ нѣкоторою почтительною свободою, несвойственною ни злобѣ, ни заносчивости, и если-бы книга его попала въ руки Его Императорскаго Величества,—не сомнѣваюсь, что онъ рѣшился-бы играть роль Императора; быть можетъ, даже вошелъ-бы въ эту роль. По природѣ, нельзя представить себѣ ничего прямѣе и честнѣе его души.

Къ несчастію, его подданные гораздо охотнѣе порицаютъ его, чѣмъ раскрываютъ ему глаза. Люди, какъ мы, возвеличили бы его до небесъ; здѣсь забавляются тѣмъ, что топчутъ его въ грязь. Увѣряю васъ, что онъ по истинѣ болѣе любимъ находящимися здѣсь подданными короля, чѣмъ своими собственными. Что до меня, не могу выразить вамъ, сколь я къ нему привязанъ, независимо отъ всякихъ побужденій личной благодарности. Вы не можете себѣ представить, какія онъ принимаетъ предосторожности для того, чтобы не быть обманутымъ и чтобы не увлечься страстями людей, служащихъ ему орудіями. Когда я подумаю, что онъ былъ воспитанъ учителемъ, который училъ его лишь философіи 18-го вѣка и отцомъ, который училъ его только фронтовой службѣ, и когда подумаю, чѣмъ онъ сдѣлался, мнѣ хочется обнять его колѣна и провозгласить его *Отцемъ Отечества* (если уже безъ отечества нельзя).

Такъ какъ вліяніе г. Новосильцова каждый день усиливается, а вліяніе князя Чарторыжскаго нисколько не уменьшилось, то считаю тріумвиратъ возстановленнымъ (третій Павелъ Строгановъ; но онъ—Лепидъ). Всякія слишкомъ частыя перемѣны въ министерствѣ имѣютъ великія неудобства, и я не могу сомнѣваться въ томъ, что паденіе Пруссіи и всѣ бѣдствія 1805 года были слѣдствіемъ увольненія князя Чарторыжскаго [35]). Если онъ сядетъ у кормила правленія съ тѣмъ, чтобы управлять имъ постоянно, тѣмъ лучше; но если г. Будбергъ будетъ замѣщенъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ князя, то это будетъ большое несчастіе: ибо около престола ощущается великій недостатокъ въ способностяхъ.

Вотъ и 21 Марта (н. ст.) Бонапартъ все еще въ Остерродѣ, а Бенигсенъ въ Аллештейнѣ. Крылья обѣихъ армій простираются до Фришгафа и до Нарева. Они буквально сидятъ другъ у друга на носу. Между тѣмъ ничего новаго: гвардія двигается. Императоръ ни съ мѣста. Что значитъ этотъ покой? Легко предположить, что боятся другъ друга; но не могу воздержаться отъ иныхъ предположеній. Никогда не соблюда-

---

[34]) Черезъ четыре года высказался Карамзинъ, но совершенно келейнымъ способомъ. *П. Б.*

[35]) Не ошибается ли пылкій Итальянецъ, котораго (какъ уже замѣтили читатели) нерѣдко увлекаетъ его южное воображеніе. Не была ли самая война 1805 г. тайнымъ дѣломъ Чарторыжскаго, который, все приготовивъ, для виду устранился отъ дѣлъ? *П. Б.*

лось такой глубокой тайны; подозрѣваю, что Новосильцовъ лишь прикидывается больнымъ для того, чтобы не показываться; ибо мнѣ извѣстно, что болѣзнь не мѣшаетъ ему работать. Я въ крайнемъ недоумѣніи, тѣмъ болѣе, что на многихъ лицахъ я замѣчаю страхъ.

Я имѣлъ честь сказать вамъ, что генералу Бенигсену пятьдесятъ пять лѣтъ: это клевета, ему шестьдесятъ пять, какъ увѣряютъ меня самымъ положительнымъ образомъ. Совершенная правда, что его третья или четвертая жена, которую онъ любитъ страстно, родила ему сына въ день битвы при Прейсишъ-Эйлау; присовокупляютъ, что онъ отлично вальсируетъ. Прекрасно! Если счастье его не оставитъ, мы увидимъ любопытныя вещи. Онъ явится сюда и сдѣлается кумиромъ Двора; онъ будетъ принятъ съ распростертыми объятіями..... Сама вдовствующая Императрица должна будетъ казаться довольною...

Полагаю, что въ настоящую минуту эти свѣдѣнія, которыя я могу переслать путемъ совершенно вѣрнымъ, не будутъ лишены интереса для Его Величества. Внутреннее чувство, быть можетъ и обманчивое, говоритъ мнѣ, что не Бенигсену суждено быть спасителемъ Европы.

Исполинское предпріятіе шестисотътысячнаго ополченія по необходимости должно было видоизмѣниться. *Удовольствовались* двумя стами тысячами, но сдѣлали изъ нихъ солдатъ. Набрали также пятьдесятъ тысячъ изъ ветерановъ и пятьдесятъ тысячъ изъ священническихъ дѣтей: это нѣкотораго рода скотъ (bétail), занимающій середину между крѣпостными и вольными людьми. Въ цѣломъ, выставитъ Россія въ теченіи 1807 г. болѣе 400 тысячъ войска. По поводу всего этого могу только сказать: *ad populum phaleras* [36]). Эффектъ значительно превышаетъ дѣйствительность; сила націй прямо пропорціональна населенію и обратно протяженію территоріи. На что мнѣ, находящемуся въ Ингріи, солдатъ, стоящій въ Камчаткѣ? Я вижу, что Россіи стóитъ неимовѣрнаго труда собрать на одномъ пунктѣ двѣсти тысячъ человѣкъ; горе ей, если-бы Франція, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, коснулась ея. Тогда меня бы тутъ не было, а былъ-бы тутъ Бонапартъ. Онъ дерзко ведетъ войну за Вислою. Могла-ли-бы Россія вести ее за Рейномъ? *Nemmeno per ombra* [37]). Если-бы даже Французы были вынуждены отступить, все таки осталось-бы доказаннымъ, что они не имѣютъ равныхъ въ Европѣ. Надѣюсь, что они отступятъ; увѣренъ, что они измѣнятся; но сомнѣваюсь, чтобы они были усмирены....

Графъ Меерфельдъ предложилъ посредничество своего Двора; вчера отвѣчали ему, что не видать еще основаній для такого посредничества. Съ этой стороны опасенія не миновали.

XIX (стр. 271)

7 Апрѣля 1807.

Свиданіе произошло въ Митавѣ, 18-го (30-го) прошлаго мѣсяца, и длилось отъ семи до десяти часовъ

[36]) Для показу.
[37]) Ни даже тѣни, ни малѣйше.

вечера. Это все, чего только могъ пожелать Французскій король, и такъ какъ онъ очень уменъ, говоритъ превосходно и обладаетъ въ высшей степени искусствомъ направлять умы, то нѣтъ сомнѣнія, что это свиданіе будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія.

Вышла въ свѣтъ очень хорошо написанная исторія Вандейской войны. У графа Блакаса здѣсь былъ экземпляръ этой книги, весь испещренный его собственноручными замѣтками. Онъ далъ его прочесть князю Чарторыжскому. Книга, а быть можетъ еще болѣе замѣтки, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на умъ (не знаю, сказать ли министра, или ex-министра), и это до того, что онъ представилъ своему Государю записку объ этомъ важномъ пунктѣ; и онъ и его партія только и думаютъ, что о высадкѣ въ Вандею. Это не все. Вамъ извѣстна власть аббата Піатоли надъ умомъ князя: дѣло въ томъ, что герцогъ Серра-Капріола и графъ Блакасъ совершенно обратили аббата въ пользу Французскаго короля и его декларацiи; они даже предприняли поселить его въ Митавѣ, у принцесы Курляндской, съ которою онъ друженъ, между тѣмъ какъ князь останется на своемъ постѣ, при Императорѣ. Такимъ образомъ онъ будетъ подъ руками короля, который съумѣетъ извлечь изъ него пользу. Къ тому же, во Франціи очень недовольны. Роялисты выжидаютъ лишь случая, чтобы возстать. Одинъ изъ Вандейскихъ вождей скрывается въ Германіи, выжидая событій.

XX (стр. 272)

Іюнь 1807.

Во время Тильзитскихъ совѣщаній, Императоръ часто обѣдалъ у Бонапарта и приходилъ къ нему безъ стражи. Сей послѣдній, напротивъ того, ни разу не преломилъ хлѣба съ Александромъ, и всякій разъ приходилъ окруженный многочисленными тѣлохранителями. Каждый день онъ проводилъ вечеръ у Императора и ни разу не являлся въ мундирѣ, всегда въ простомъ фракѣ и въ черной трехъ-угольной шляпѣ. Между Наполеономъ и королемъ Прусскимъ происходили сильныя и личныя сцены. Одинъ разъ, между прочимъ, они до того возвысили голосъ, что Русскій императоръ былъ вынужденъ стать между ними, и это буквально.

Бонапартъ однажды вдругъ спросилъ короля Прусскаго: «Вы все еще занимаетесь тактикой?» Король, приложивъ палецъ къ шляпѣ, какъ гренадеръ, отдающій честь, отвѣчалъ: «Да, государь!»

XXI.

28 Ноября (10 Декабря) 1807.

.... Вамъ конечно извѣстно, какъ Французскій императоръ обходится съ Русскимъ посломъ (графомъ Толстымъ, моимъ близкимъ знакомцемъ).—«Мюратъ, чего тебѣ стоитъ твой отель, на улицѣ «Серутти?— «400, 000 фран-

ковъ».—«Но я говорю не о четырехъ стѣнахъ, я разумѣю отель во всѣмъ тѣмъ что̀ въ немъ находится, съ мебелью, посудою и т. д.»—«Въ такомъ случаѣ онъ обошелся мнѣ въ милліонъ».—«Завтра тебѣ выплатятъ эту сумму. Это отель Русскаго посла.»—Здѣсь мы ожидали Лофорета, когда узнали, что ѣдетъ Коленкуръ. У него 500,000 франковъ содержанія, и нельзя-же, говоритъ онъ, Императору не купить ему отеля. Насмотримся мы всякихъ эффектовъ!

XXII (стр. 299)

1808.

Его Императорское Величество счелъ умѣстнымъ повелѣть, что-бы былъ воздвигнутъ памятникъ, бронзовый или мраморный, въ честь князя Пожарскаго и нѣкоего мясника, по имени Минина, которые, въ первыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія, спасли чудеснымъ образомъ Россію отъ ига иноплеменниковъ. Планы для этого памятника находятся во множествѣ у княгини Куракиной, жены кн. Алексѣя, министра внутреннихъ дѣлъ[38]). Въ одно прекрасное утро, княгиня, у которой я наканунѣ ужиналъ, прислала мнѣ огромный свертокъ этихъ плановъ, испрашивая моего мнѣнія запискою. Я тотчасъ догадался, откуда это порученіе и кому доставится мой отвѣтъ, но не показалъ виду. По внимательномъ разсмотрѣніи плановъ, я послалъ княгинѣ отвѣтъ, въ сущности подкрѣпленный весьма серьезными доводами, но по формѣ написанный для дамы. Вскорѣ послѣ того, былъ обѣдъ на шестьдесятъ кувертовъ у графа Строгонова, въ день его имянинъ. Старый графъ, предсѣдатель Академіи художествъ, сказалъ намъ послѣ обѣда: «Господа, Его Императорское Величество счелъ умѣстнымъ воздвигнуть памятникъ. Ему представили множество проэктовъ: вотъ тотъ, который онъ предпочелъ и только что прислалъ мнѣ для исполненія». И онъ вынулъ изъ стола выбранный мною планъ. И такъ, Его Величество да вѣдаетъ *da perpetuam rei memoriam*[39]), что его министръ рѣшилъ выборъ памятника гг. Пожарскому и Минину, мужамъ знаменитымъ, имена которыхъ я узналъ лишь въ нынѣшнемъ году.

[38]) Кн. Наталья Ивановна, тетка гр. С. С. Уварова.

XXIII (стр. 301)

Январь 1808.

Среди военной олигархіи любимцовъ вдругъ выросъ изъ земли, безъ всякихъ предварительныхъ знаменій, генералъ Аракчеевъ, здѣшній губернатора при Павлѣ до пресловутаго Палена, и съ нѣкотораго времени начальникъ артиллеріи (весьма свѣдующіе судьи увѣряютъ, что онъ едва-ли съумѣлъ-бы прицѣлить пушку). Этотъ человѣкъ, на прежнемъ своемъ постѣ, заставлялъ дрожать Россію Онъ жестокъ, строгъ, непоколебимъ; но, какъ говорятъ, нельзя назвать его злымъ. При Павлѣ онъ подвергался обычному чередованію гнѣва и милости. Прихоть удалила его въ концѣ царствованія; другая прихоть возвратила его въ Петербургъ, куда онъ прибылъ 11-го Марта 1801 года....

[39]) На вѣчное воспоминаніе объ этомъ.

Онъ сдѣлался военнымъ министромъ и облеченъ неслыханною властію. Онъ потребовалъ попеременныхъ карауловъ изъ всѣхъ стоящихъ здѣсь полковъ. Великій Князь Константинъ, въ качествѣ начальника всей кавалеріи, хотѣлъ тому воспротивиться, но долженъ былъ уступить. Великій Князь, въ уваженіе службы, военныхъ познаній и своего рожденія, достигъ чина генералъ-лейтенанта; но отсюда до званія полнаго генерала и инспектора главной арміи еще далеко. Поэтому Аракчеевъ безъ обиняковъ сказалъ Его Императорскову Высочеству: «Завтра отправлюсь смотрѣть ваши два полка; постарайтесь, чтобы все было въ порядкѣ.» На другой день, Великій Князь явился къ своему начальнику; но послѣдній вынулъ часы: было поздно, и онъ отпустилъ Великаго Князя, не выслушавъ его, какъ и слѣдовало ожидать.....

Подъ конецъ царствованія Екатерины II-й, Павелъ, которому нельзя было устроить свою кордегардію у нея подъ бокомъ, помѣстилъ ее въ Гатчинѣ. Тамъ онъ составилъ себѣ войско изо всего, что̀ попало ему подъ руки и на свободѣ производилъ, утромъ и вечеромъ, ученіе. Гатчинскіе воины были предметомъ насмѣшекъ всей Имперіи; ихъ называли les Gatchinois (Гатчинцы). Но по неволѣ пришлось измѣнить тонъ на другой день послѣ смерти Императрицы, когда эти господа съ тріумфомъ въѣхали въ Петербургъ, стали пачкать своими крестьянскими подошвами паркеты Екатерины и замѣнили благоуханіе ея покоевъ запахомъ трубки и конюшни. Аракчеевъ былъ однимъ изъ нихъ. Нѣкоторыя лица (какъ я уже вамъ говорилъ) увѣряли меня, что онъ не золъ, но вамъ извѣстна пословица: Benedicere de patre priore [40]) Тутъ всѣ хвалятъ того, котораго боятся. Я считаю его очень злымъ. Впрочемъ это не значитъ, чтобы я охуждалъ это назначеніе, ибо въ настоящую минуту, порядокъ можетъ быть возстановленъ лишь человѣкомъ подобнаго закала. Остается объяснить, какъ рѣшился Его Императорское Величество завести себѣ визиря: ничто не можетъ быть противнѣе его характеру и его системамъ. Основное его правило состояло въ томъ, что-бы каждому изъ своихъ помощниковъ удѣлять лишь ограниченную долю довѣрія. Полагаю, что онъ захотѣлъ поставить рядомъ съ собою пугало пострашнѣе, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго. Аракчеевъ имѣетъ противъ себя лишь обѣихъ Императрицъ, графа Ливена, генерала Уварова, Толстыхъ, словомъ, все то, что̀ здѣсь имѣетъ вѣсъ. Онъ все давитъ; передъ нимъ изчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія. Одинъ высокопоставленный военный человѣкъ говорилъ мнѣ намедни, что дѣло можетъ кончиться страшнымъ ударомъ со стороны кого-либо изъ обиженныхъ. Но у Русскихъ слишкомъ твердыя правила для того, чтобы убивать министровъ.

Я еще долженъ поговорить съ вами о министрѣ, очень выдающемся въ настоящую минуту. Это адмиралъ Чичаговъ, морской министръ. Онъ сынъ другаго адмирала того-же имени, одержавшаго, при Екатеринѣ II, большую морскую побѣду надъ Шве-

---

[40]) Хорошо отзываться объ отцѣ-пріорѣ.

дами и мраморный бюстъ котораго стоитъ въ Эрмитажѣ. Не могу сказать вамъ, чтобы онъ былъ еще живъ; но онъ еще не похороненъ. Ему девяносто лѣтъ; сынъ его — одна изъ замѣчательнѣйшихъ головъ въ этой странѣ. Онъ былъ воспитанъ въ Англіи, гдѣ выучился преимущественно презирать свою родину и все то, что́ въ ней происходитъ. Рѣчи его отличаются смѣлостію, которую можно было бы назвать инымъ именемъ. Такъ какъ онъ очень уменъ и самобытенъ, то его тонкія и меткія остроты уязвляютъ глубоко. Онъ считается рѣшительнымъ сторонникомъ Франціи; но это не такъ вѣрно, какъ думаютъ, ибо несомнѣнно, что онъ вынесъ изъ Англіи весьма замѣтное уваженіе къ этой странѣ. Полагаю, что у него въ головѣ немало Французскихъ идей; но трудно въ этомъ убѣдиться, ибо онъ всему противорѣчитъ, единственно для забавы. Иногда я называю его *джентельменомъ противоположнаго берега*, чтобы смѣшить его жену: она Англичанка, и онъ страстно ее любитъ. Его приключенія съ Павломъ I-мъ прелестны. Однажды я спросилъ его: гдѣ были вы въ предъидущее царствованіе? Онъ отвѣчалъ мнѣ:—«То въ Кронштатѣ, то въ крѣпости. — Однажды послѣ страшной сцены между нимъ и императоромъ, Павелъ сказалъ ему, что въ немъ нѣтъ больше надобности, и что онъ уволенъ. Адмиралъ тотчасъ раздѣлся при государѣ и оставилъ Дворъ въ рубашкѣ. Согласитесь, что это нагло и могло произойти только здѣсь. Его боятся, потому что онъ настаиваетъ на порядкѣ, и ненавидятъ его, потому что онъ не позволяетъ, чтобы крали въ его вѣдомствѣ. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ молва ежедневно пророчитъ ему отставку, и между тѣмъ онъ постоянно завоевываетъ себѣ почву, смѣясь надо всѣмъ. Императоръ знаетъ слова и мнѣнія министра не хуже пишущаго эти строки; однако-же онъ удерживаетъ его и постоянно возвышаетъ. Мнѣ сдается, что онъ вѣритъ въ его безкорыстіе и считаетъ полезною для дѣла его горячую голову. Хотя можетъ быть въ Петербургѣ нѣтъ дома, въ который проникнуть было бы труднѣе какъ къ нему; но я проникъ въ него безъ обиняковъ, не знаю какъ, словно вода въ губку, и я въ немъ на дружеской ногѣ. Это послужило въ пользу подданнымъ короля, но въ особенности моему брату. Я ему обязанъ многимъ, и мнѣ было-бы непростительно когда-либо это забыть. Теперь онъ въ столкновеніи съ Аракчеевымъ: словно двѣ бомбы, встрѣтившіяся на лету. Считаютъ неизбѣжнымъ, что одинъ изъ нихъ раздавитъ другаго.

(Нѣсколькими днями позже).

... Аракчеевъ и Чичаговъ не столкнулись, и оба живы и здоровы. Второй изъ нихъ для меня неразрѣшимая нравственная загадка, и я не встрѣчалъ никого, кто бы могъ мнѣ ее разъяснить. Онъ другъ Французовъ, бюстъ Бонапарта стоитъ на его бюро, онъ цѣлый день злословитъ Англичанъ, и нѣтъ здѣсь Англичанина, который-бы ему не представлялся. Французы, напротивъ того, къ нему ни ногой, развѣ по служебной надобности. Fiat lux [41]). Вотъ скоро семь лѣтъ, какъ я слышу его безконечныя насмѣшки надъ Англіею, и никогда его жена (Англичанка до мозга костей), не отвѣчала на нихъ ничѣмъ кромѣ улыбки, которая часто, казалось мнѣ, выражала: «говори, говори, другъ мой; вѣдь я знаю, въ чемъ дѣло».

[41]) Да будетъ свѣтъ.

XXIV (стр. 309)

23 Янв. (3 Февр.) 1808.

Война съ Швеціею почти рѣшена. Уже войска направляются къ Финляндіи, и это-то называется оккупаціею. Этимъ словомъ всемогущіе здѣсь Французы обольщаютъ Императора, который въ Имперіи своей самый честный человѣкъ. Война противъ свояка, противъ рыцаря между государями и государя между рыцарями, который въ самые критическія минуты отвергъ чрезвычайныя выгоды, не согласившись на отдѣльный миръ изъ желанія соблюсти свои обязательства передъ коалиціею и въ особенности передъ Императоромъ. Не онъ ли, по первому извѣстію, спѣшилъ послать въ Россію свою артиллерію и опустошить свои арсеналы для нуждавшагося въ оружіи Императора? И это самое оружіе обратятъ теперь противъ него!

Въ 1781 г. Екатерина провозгласила нейтралитетъ и свободу Балтійскаго моря. Другія обстоятельства и въ особенности коалиція и союзъ съ Англіею сдѣлали недѣйствительными эти прекрасныя правила. Нынѣ хотятъ, чтобы Шведскій король возвратился къ нимъ. Онъ очень разсудительно отвѣчалъ: «Я не могу разорвать съ Англіею. Съ тѣхъ поръ какъ въ Даніи нѣтъ флота, и у васъ его болѣе не имѣется, а берега Балтійскаго моря отъ Стральзунда до Мемиля заняты Французами, можетъ ли быть рѣчь о вооруженномъ неутралитетѣ и морской свободѣ?» Король Шведскій писалъ Его Императорскому Величеству: «У меня нѣтъ ни одного солдата въ Финляндіи; прошлый годъ я истощилъ свои силы за васъ. Неужели достанетъ у васъ духу погубить самаго вѣрнаго вашего союзника?»

XXV (стр. 313)

Апрѣль 1808.

Знаменитая актриса, г-жа Жоржъ, наконецъ появилась на столичномъ театрѣ. Побуждаемый ея славою и обстоятельствами, я два раза былъ на ея представленіяхъ что̀ для меня большая шалость. Мнѣ, признаюсь, до смерти хотѣлось увидѣть эту царицу театра; но мнѣ пришлось значительно понизить то мнѣніе, которое я составилъ себѣ о ней. Я нашелъ ее хорошею, не болѣе того, иногда плохою и никогда высокою. Общій тонъ ея декламаціи показался мнѣ фальшивымъ и натянутымъ какъ все, что̀ приходитъ къ намъ изъ Парижа, отъ закона до водевиля. Что̀ касается до ея наружности, то тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній: она великолѣпна. Мы еще не знаемъ, что̀ она намѣрена съ нею сдѣлать.

(*Шифровано*). Принцесса Амалія сказала одной моей близкой знакомой, что сестра ея найдетъ счастіе лишь въ могилѣ. Какъ-же надѣяться на счастливую перемѣну? Парижская машина, повидимому, дѣйствуетъ не сильнѣе законнаго чувства.....

XXVI (стр. 314)

Г-у кавалеру Росси въ Кальари.

10 (22) Ноября 1808.

Я запечаталъ мой кувертъ № 52 прежде, чѣмъ могъ извѣстить Васъ о бракѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгомъ, младшимъ въ домѣ Голштейнъ-Ольденбургскомъ. Сегодня этотъ бракъ уже внѣ сомнѣнія, хотя о немъ и не извѣщено оффиціально. Происхожденіе жениха са-

мое почетное, ибо онъ, какъ и Императоръ, принадлежитъ къ Гольштинскому Дому. Въ прочихъ отношеніяхъ, бракъ этотъ неравный, но тѣмъ не менѣе благоразумный и достойный Великой Княжны, которая стольже благоразумна, какъ и любезна. Во первыхъ, всякая принцесса, семейство которой пользуется страшною дружбою Наполеона, поступаетъ весьма дѣльно, выходя замужъ даже нѣсколько скромнѣе, чѣмъ имѣла-бы право ожидать; ибо кто можетъ поручиться за все то, что̀ можетъ онъ забрать въ свою чудну́ю голову? Къ тому-же, Великая Княжна конечно помнитъ о несчастной судьбѣ своихъ старшихъ сестеръ, послѣдовавшихъ за своими мужьями въ чужія страны и скончавшихся во цвѣтѣ лѣтъ; не удивительно, что первое ея желаніе заключается въ томъ, чтобы не оставлять своей семьи и милой ей Россіи, ибо принцъ поселяется здѣсь, и вы можете себѣ представить, какая ожидадаетъ его блестящая судьба. Наконецъ, полагаю, что принцессѣ, достойной своего званія, нѣтъ никакой охоты вступить въ Рейнскій союзъ, выходя за мужъ за какого-либо принца, подчиненнаго великому владычеству. Вотъ что̀ мнѣ представляется, и я не думаю, чтобы я ошибался. Ничто̀ не сравнится съ добротою и привѣтливостію Великой Княжны. Если-бы я былъ живописцемъ, я послалъ бы вамъ изображеніе ея глазъ. Вы бы увидѣли, сколько природа заключила въ нихъ доброты и ума. Что̀ касается до принца, то здѣшнія дѣвицы не находятъ его достаточно любезнымъ для его августѣйшей невѣсты; но такъ какъ быть таковымъ трудно, то можно согласиться съ дѣвицами, сохраняя уваженіе къ принцу. По двумъ разговорамъ, коихъ онъ меня удостоилъ, онъ показался мнѣ исполненнымъ здраваго смысла и познаній. Онъ уже обратилъ на себя вниманіе въ качествѣ Ревельскаго генералъ-губернатора; онъ всѣми силами старается усвоить себѣ Русскій языкъ, и по всему видно, что главная его забота—снискать благорасположеніе своей новой родины. Какая судьба въ сравненіи съ судьбою многихъ принцовъ! Счастливъ онъ, что онъ младшій!

Третьяго дни, при Дворѣ былъ большой пріемъ по случаю дня рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Коленкуръ, только что получившій извѣстіе о смерти своего отца, отсутствовалъ. Случай оказалъ ему услугу, ибо извѣстія изъ Испаніи заставляли всѣхъ перешептываться, и мнѣ даже кажется, что это было замѣчено Французскимъ посольствомъ. До насъ (т. е. публики) до сихъ поръ однакоже не дошло ничего оффиціяльнаго; но, соображаясь со многими обстоятельствами и въ особенности *прислушиваясь къ молчанію*, считаю слишкомъ вѣроятнымъ, что, съ 18-го до 22-го Октября, Испанцы одержали какой-либо рѣшительный успѣхъ. Люди благоразумные, какъ вы легко можете себѣ представить, воздерживаются отъ гласнаго обсужденія этого обстоятельства; но такъ какъ у всякого есть свои довѣренныя лица и свой кружокъ, то въ сущности ни о чемъ иномъ и не говорятъ. Никогда никакой народъ не представлялъ міру столь великаго зрѣлища. Не могу скрыть отъ васъ, что въ настоящую минуту отъ министровъ, враждебныхъ господствующему владычеству, отдѣлываются молчаніемъ; но я нахожу, что нечего тревожиться этими наружными де-

монстраціями, которыя суть лишь последствія принятой системы и въ которыхъ Государь никому не обязанъ отчетомъ. Кому лучше его извѣстно его положеніе и то, что всего болѣе приличествуетъ настоящей минутѣ? Въ политикѣ есть свои наружныя правила и формулы, не имѣющія ничего общаго съ внутренними чувствами. Никогда я не принужу себя повѣрить, чтобы нашъ добрый Императоръ, который и ребенка не заставитъ плакать безъ причины, дѣйствительно былъ другомъ лица, способнаго, для удовлетворенія своихъ страстей, истребить цѣлый народъ какъ одного человѣка, а человѣка раздавить, какъ муху.

XXVII (стр. 316)

16(28) Декабря 1803.

На балѣ, данномъ Его Императорскому Величеству гвардіею, балѣ возмутительномъ, стоившемъ 60,000 рублей и отличавшемся только многолюдствомъ и скукою, царствующая Императрица подошла ко мнѣ (какъ это часто дѣлаетъ и ея свекровь) и въ заключеніе разговора освѣдомилась о герцогѣ. Она сказала мнѣ своимъ кроткимъ, ангельскимъ голосомъ: «онъ теперь проводитъ много времени дома».—Государыня, онъ дома никогда не одинъ, у него много друзей! — «Конечно, это лучшее и отраднѣйшее утѣшеніе, какое можно пожелать ему въ настоящую минуту». Этотъ разговоръ возбудилъ много толковъ въ Петербургѣ.

Мы ожидаемъ Прусскія Величества къ 22 Декабрю (4 Янв.) Избавляю васъ отъ всякихъ толковъ о красотѣ королевы, о томъ какъ восхищается ею Императоръ, и т. д. Благодарность вещь хорошая, но не вижу, какая надобность ѣхать изъ Кенигсберга въ Петербургъ, чтобы выразить свою благодарность другу, съ которымъ видѣлись три мѣсяца тому назадъ. Посудите при томъ, насколько нѣжное сердце, нынѣ бьющееся въ Бургосѣ [42]), повѣритъ въ эту благодарность. Онъ будетъ подозрѣвать то, что будетъ подозрѣвать всякій государственный человѣкъ, а именно, что любезная королева, *inviperita* [43]), что слишкомъ естественно и, зная свои силы, пріѣхала испробовать ихъ для *обращенія* кое-кого. Одно это подозрѣніе (а оно неизбѣжно) сдѣлаетъ это путешествіе непріятнымъ для Наполеона. Увидимъ, что выйдетъ изъ этаго посѣщенія. Въ исторіи еще болѣе чѣмъ въ баснѣ, Марса водитъ на помочахъ другое божество, нѣсколько менѣе свирѣпое. Часто отъ этого происходятъ великія бѣдствія, но слѣдуетъ быть справедливымъ: часто происходитъ и совершенно противное.

Вотъ что оченъ удивитъ Васъ: Нарышкина въ бѣшенствѣ отъ этого путешествія; но мнѣ извѣстно, что Императрица имъ очень довольна. Мнѣ кажется, что эта радость объяснима лишь политическими соображеніями; т. е. что эта несравненная женщина, покорившись судьбѣ относительно извѣстнаго пункта, видитъ въ ожидаемомъ событіи лишь средство для того, чтобы вырвать Государя изъ рукъ партіи, ей ненавистной. Но Государь повидимому еще сильно приверженъ къ этой партіи, по крайней мѣрѣ изъ системы. Мы всѣ крайне боялись путешествія въ Эрфуртъ по причинамъ, оказавшимся въ по-

---

[42]) Т. е. Наполеонъ, находившійся тогда въ Испаніи.

[43]) Уязвленная.

слѣдствіи неосновательными; но никто, быть можетъ, не видѣлъ, гдѣ истинная опасность и истинное горе. *Дурные совѣты и охота къ подражанію.* Мнѣ слышатся слова: *„управляйте сами—пусть министры болтаютъ"* и т. д. Въ сущности, гдѣ эти министры? Гдѣ способности всякаго рода? Это въ настоящее время сильнѣйшій недугъ Россіи. Страннѣе всего то, что главное заинтересованное лицо, вполнѣ сознающее этотъ недугъ и ссылающееся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на отсутствіе дарованій, ничего не боится такъ сильно, какъ дарованія, не отъискиваетъ его вдали и не терпитъ его при себѣ.

Въ припадкѣ этой страшной болѣзни, было принято рѣшеніе, которое ужаснетъ васъ: было рѣшено уничтожить Швецію. Четыре генерала, къ которымъ обращались за совѣтомъ, были противнаго мнѣнія; но тѣмъ не менѣе упорствуютъ. Это Эрфуртскія вліянія: *великій государь долженъ царствовать самъ по себѣ.* Два главныя подстрекателя этого предпріятія: Французскій посолъ и Датскій министръ.

Перваго я вполнѣ понимаю; но кто пойметъ ослѣпленіе Его Императорскаго Величества, который старается привести Французовъ въ Стокгольмъ, т. е. въ Петербургъ? Что̀ касается до короля Датскаго, то это ослѣпленіе иного рода, объяснимое лишь страстію, объясняющею все. Очень боюсь также, чтобы тутъ не замѣшались личности. Императоръ не любитъ короля Шведскаго: между этими двумя государями въ характерахъ есть противоположность; быть можетъ, есть и кое что̀ другое. Между отвратительными свойствами сердца человѣческаго, въ особенности замѣчательно слѣдующее: когда человѣкъ знаетъ, что онъ тяжко оскорбилъ общественное мнѣніе, вмѣсто того, чтобы уступить, онъ упорствуетъ. Боюсь, чтобы такъ не было и въ настоящемъ случаѣ. Императоръ знаетъ, что онъ всѣмъ не понутру, и онъ окруженъ совѣтниками, которые говорятъ ему, будто его обвиняютъ въ безхарактерности. Такія внушенія—величайшая глупость и величайшее преступленіе. Ихъ достаточно, чтобы обезпечить осуществленіе самыхъ гибельныхъ плановъ. Присовокупите къ этому неуваженіе къ собственному народу, глубоко укоренившееся въ сердцѣ Его Величества, и вы согласитесь, что нельзя представить себѣ положенія дѣлъ, болѣе опаснаго... Что̀ до меня, то я не сомнѣваюсь, что вторженіе въ Финляндію будетъ источникомъ великихъ бѣдствій для Россіи; но не развиваю моихъ пророчествъ въ частностяхъ. Говорятъ иногда, что беззаконные захваты удаются. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе. Посмотрите, какъ поздоровалось державамъ, участницамъ раздѣла Польши; посмотрите, какую славную птицу добыли себѣ Французы изъ Корсики, какъ только захватили этотъ великолѣпный островъ!

Вотъ еще два Эрфуртскихъ анекдота, имѣющіе свою цѣну. Графъ Петръ Толстой (тогда посолъ) сказалъ своему брату Николаю, обергофмейстеру, о которомъ я много вамъ писалъ: «Роспорядись такъ, что-бы графъ Румянцевъ [44]) не попался мнѣ подъ руку, ибо я чувствую себя способнымъ ударить его кулакомъ въ лицо». А въ другомъ случаѣ: «Послушай, братъ, Императоръ строитъ

[44]) Гр. Румянцевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ авторомъ Французско-русской политической системы. *Примѣчаніе подлинника.*

много церквей; посовѣтуй ему построить одну во имя Испанской Божьей Матери *del soccorso* [45]) ибо если она за него не заступится, имперія его погибла». Дѣйствительно, если нынѣ еще есть спасеніе, то отъ Испаніи.

XXVIII (стр. 321)

1809.

Коленкуръ далъ великолѣпный ужинъ, на которомъ было семь грушъ въ 300 франковъ каждая. Бутылка бордо стоитъ до осьми рублей [46]). У себя я пью лишь пиво, довольно плохое, и за дессертомъ рюмочку портвейна въ видѣ ликёра. Въ самыхъ даже богатыхъ домахъ, пью лишь съ чрезвычайною осторожностію: въ винахъ начинаетъ чувствоваться подделка. Мнѣ теперь пригодилась особенность моего темперамента, требующаго такъ мало крѣпкихъ напитковъ, что я почти могъ-бы безъ нихъ обойтися. Всѣ цѣны безумны. Среди этого всеобщаго бѣдствія, роскошь идетъ своимъ чередомъ: вина, лошади, экипажи, балы, фейерверки, и т. д. Въ Новой Деревнѣ, гдѣ стоятъ кавалергарды, поселился трактирщикъ Французъ. Онъ нанялъ домъ, и эти господа обѣдаютъ у него по три рубля съ персоны, безъ вина. Это даромъ! На столѣ лежитъ красивая книга in folio съ надписью: Crédit de campagne [47]) Есть ундеръ-офицеры, имѣющіе по 8000 рублей годоваго дохода, и офицеры, не имѣющіе ничего. Всѣ одинаково сорятъ деньгами.

Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ корнетъ, товарищъ моего сына по службѣ, далъ обѣдъ въ 400 рублей, не имѣя и рубля въ карманѣ. Объ уплатѣ нѣтъ и рѣчи: никто объ этомъ и не думаетъ. Платятъ лишь Петербургскимъ дѣвицамъ, приглашаемымъ на эти философскіе пиры.

Среди этого безумія, есть зрѣлище, заслуживающее вниманія: это маленькая группа молодыхъ людей, чуждыхъ военной службѣ, которые, вслѣдствіе хорошаго воспитанія и совершеннаго отчужденія отъ всеобщей испорченности, вызванной обстоятельствами, ведутъ себя благоразумно, веселятся лишь между собою и въ лучшемъ обществѣ, и питаютъ отвращеніе къ излишествамъ, происходящимъ вокругъ нихъ. Что то будетъ изъ этой молодежи?

XXIX.

5 (17) Января 1809.

26 Декабря, на второй день Рождества, король и королева Прусскіе прибыли въ Петербургъ [48]). Имъ былъ сдѣланъ пріемъ великолѣпный и исполненный самыхъ дружескихъ вниманій. Болѣе тысячи войска было подъ ружьемъ. Кавалергарды раздѣлились на два отряда. Одинъ поджидалъ августѣйшихъ путешественниковъ у Петергофской заставы, другой у подъѣзда дворца. Императоръ и Великій Князь также были верхами. Сей послѣдній, принявшій тогда команду надъ войсками, на этотъ разъ

[45]) Богоматери-Способницы.

[46]) Бумажный рубль стоилъ тогда 35 Французскихъ су. Эти рубли, бывшіе почти исключительно въ обращеніи, первоначально представляли собою рубли серебрянные и стоили по 3 франка; но цѣнность ихъ подымалась и падала соотвѣтственно кредиту; въ 1812 году они упали ниже франка. *Примѣчаніе подлинника.*

[47]) Долговая книга лагерной жизни.

[48]) Посвидѣтельству Вигеля, неумѣренность дошла до того, что по случаю этого пріѣзда звонили въ Петербургѣ въ колокола.

былъ очень любезенъ. Онъ позволилъ кавалеріи ѣхать рысью, что въ сильные холода большое облегченіе; далѣе, онъ позволилъ пѣхотѣ быть въ шинеляхъ и велѣлъ зажечь на дворцовой площади большіе костры, около которыхъ всѣ могли грѣться поочередно. Было всего лишь десять градусовъ мороза, что здѣсь бездѣлица. Но такъ какъ характеру нельзя отъ времени до времени не высказаться, то одного несчастнаго кучера, оказавшагося не на своемъ мѣстѣ, Великій Князь при всѣхъ наказалъ саблею, по самой императорской ливреѣ, въ назиданіе многочисленнымъ зрителямъ.

Коленкуръ не поцеремонился въ выраженіи своего неудовольствія......

Въ день сговора Великой Княжны Екатерины Павловны съ принцомъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ, Французскаго посла толкнулъ одинъ офицеръ, что въ толпѣ неудивительно. Коленкуръ обернулся и сказалъ офицеру: «...... я не люблю, чтобы меня такъ толкали!» Если до слуха Его Величества когда либо доходилъ голосъ пьянаго лакея, онъ можетъ пополнить то что я означаю толчками. И это въ дворцовой церкви, среди всего, что должно внушать уваженіе и благоговѣніе! Слыхано-ли что-либо подобное?

Чтобы покончить съ этою важною особою, сообщу вамъ еще, что, въ день пріѣзда Прусскаго Двора, онъ отказался освѣтить свой отель, въ чемъ болѣе оскорбленія для Его Императорскаго Величества, чѣмъ для Прусскихъ гостей. Я думалъ, что съ нимъ покончилъ; ошибаюсь: на парадномъ балѣ, который происходилъ въ дворцѣ въ день сговора, онъ, въ качествѣ Французскаго герцога, заявилъ притязаніе танцовать съ принцами Вильгельмомъ и Августомъ Прусскими, которые находились возлѣ Государей. Таково постоянное притязаніе Наполеона, и оно было уважено въ Эрфуртѣ, гдѣ герцогамъ, которыхъ онъ создалъ, былъ данъ шагъ впереди находившихся тамъ Нѣмецкихъ принцевъ. Тутъ однакоже Императоръ не уступилъ, и Коленкуръ отказался отъ танцевъ. Онъ небрежно сѣлъ играть въ карты съ вдовствующею Императрицею, говоря, что у него болитъ нога [49]).

Королева нашла въ своей комнатѣ баулъ съ двѣнадцатью Турецкими шалями. Говорятъ также о платьѣ, вышитомъ жемчугами. Не могу сомнѣваться въ томъ, что королева меня знаетъ, ибо графиня Гольцъ (вернувшаяся въ Кенигсбергъ и принадлежащая къ ея кружку), прочла ей нѣкоторыя изъ моихъ писемъ; но она избѣгала всякаго разговора подъ глазами Коленкура, который первый насмѣялся бы надъ этою боязливостію, если-бы онъ о ней узналъ.

Королева Прусская еще красива, хотя родила уже девять разъ. Ее часто сравнивали съ царствующею Императрицею. Королева, быть можетъ красивѣе, но красота Императрицы царственнѣе. Между нами будь сказано, я нашелъ, что первая одѣвается не совсѣмъ скромно.

XXX (стр. 325)

10 (22) Авг. 1809.

Я долго думалъ, что народъ, въ особенности-же купцы, настроены

---

[49]) Притязаніе Французскаго посла было основательно, ибо посолъ, и особенно посолъ чрезвычайный, имѣетъ шагъ впереди иностранныхъ принцевъ крови. Но санъ Французскаго герцога не давалъ сего преимущества. Если Эрфуртскій анекдотъ справедливъ, то вѣроятно Наполеонъ предъявилъ другіе доводы. *Примѣчаніе издателя подлинныхъ депешъ гр. Местра.*

враждебно противъ Французовъ; я даже собралъ нѣсколько чертъ, характеристическихъ въ этомъ отношеніи; но начинаю думать, что я могъ быть обманутъ, и что въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ изъявленіяхъ, на которыя обратили мое вниманіе — много лицемѣрія. Общее настроеніе вѣка, склонное къ независимости, сношенія съ иностранцами, чтеніе вредныхъ книгъ и неосторожность правительства, всѣми силами поощрявшаго вредную систему воспитанія, возъимѣютъ свое естественное дѣйствіе. Въ сердцѣ Императора таится презрѣніе къ нынѣшнему устройству его имперіи, и это чувство сильно благопріятствуетъ духу нововведеній. Предполагаю въ немъ нѣкоторое желаніе учредить среднее сословіе—tiers état; не думаю также, чтобы онъ былъ усерднымъ сторонникомъ великой системы чиновъ. Это внушаетъ сильныя опасенія, тѣмъ болѣе, что тутъ нѣтъ никакихъ нравственныхъ началъ, которыя могли-бы служить подспорьемъ и дополненіемъ для законовъ. Императоръ чрезвычайно человѣколюбивъ и добръ; онъ боится огорчить или опечалить кого-бы то ни было; онъ способенъ прощать личныя обиды, доказательства которыхъ въ его рукахъ. Онъ не любитъ великолѣпія, быть можетъ, слишкомъ его боится; онъ однакожъ охотникъ до полезныхъ издержекъ, даже щедръ при случаѣ, особенно цѣнитъ честность идущую прямымъ путемъ и не знающую интригъ; притомъ проникнутъ великими правилами всеобщей правды; но когда дѣло доходитъ до приложенія этихъ правилъ, и ему приходится дѣйствовать, то ему не счастливится, ибо на всѣхъ дѣлахъ тяготѣетъ какое-то проклятіе. Его обвиняютъ въ недовѣрчивости, и дѣйствительно онъ недовѣрчивъ до крайности; но онъ окруженъ людьми, не заслуживающими его довѣрія. Вотъ анекдотъ, мало извѣстный.

Одинъ дворянинъ Харьковской губерніи, неслужащій [50]), принялся писать къ Его Императорскому Величеству письма, въ которыхъ онъ безъ обиняковъ высчитываетъ ему злоупотребленія администраціи, предупреждая его, что все еще можетъ быть поправлено; но что если онъ станетъ дремать, то можно ожидать всего, даже личныхъ бѣдствій, которыя предсказываются безъ прикрасъ. По полученіи нѣсколькихъ писемъ, ему дали знать, чтобы онъ болѣе не писалъ. Но провинціальный Наѳанъ явился въ столицу и отсюда написалъ Государю письмо еще болѣе подробное, въ коемъ предупреждаетъ его между прочимъ, чтобы онъ *не слѣдовалъ, въ дѣлахъ вѣры и нравственности, Фридриху II-му, Іосифу II-му и Екатеринѣ II-й, погубившимъ свѣтъ*. Ничто не можетъ быть справедливѣе; но вы согласитесь, что въ странѣ деспотизма такое письмо составляетъ документъ довольно любопытный. Вы конечно спросите, что̀ изъ этого послѣдовало. Послѣдовало то, что переписываютъ на бѣло извлеченія изъ этого громаднаго письма, чтобы представить ихъ на усмотрѣніе Государя и что авторъ преспокойно проживаетъ здѣсь. Нѣтъ страны, гдѣ бы встрѣчались бо̀льшія противуположности. Вы найдете тутъ рядомъ крайнее порабощеніе и крайнюю свободу. Я часто говорилъ (и считаю это важною истиною) что людей огорчаютъ и выводятъ изъ терпѣнія не отдѣльные удары саблею, но безпрестанные уколы булавкою. Здѣсь нѣтъ булавоч-

---

[50]) Василій Назарьевичъ Каразинъ.

ныхъ уколовъ. Русскій, ненавидящій мелочи и мелочныя стѣсненія, даже узаконенія слишкомъ точныя, поступаетъ съ другими, какъ онъ любитъ чтобы съ нимъ поступали. Никогда, въ обиходной жизни, не наталкиваешься на власть. *Дѣлай что хочешь*: вотъ всеобщій основный законъ Петербурга.

XXXI (стр. 327)

Августъ 1809.

Хотя г-жа Нарышкина не пригласила Французскаго посла на свой праздникъ, но онъ пригласилъ ее на свой, на которомъ, какъ мнѣ говорили, было всего сто человѣкъ. Ей даже было суждено на немъ представить любопытное зрѣлище. Великій Князь Константинъ Павловичъ танцовалъ съ длинными шпорами, какъ подобаетъ тактику. И вотъ, во время энергической аттаки, случилось, что, взявъ Марью Антоновну подъ бока, онъ до того запуталъ свои шпоры въ ея шлейфъ, что, не смотря на самый отчаянный отпоръ, воюющія стороны пали вмѣстѣ самымъ живописнымъ образомъ на полѣ битвы. Сія эволюція, заслужившая одобреніе самыхъ опытныхъ военныхъ, была единственною вещью, оживившею этотъ праздникъ, который былъ холоденъ: общественное мнѣніе непобѣдимо.

Такъ какъ эта красавица у меня подъ перомъ, я долженъ сказать вамъ, что вы впали бы въ большую ошибку, если бы стали смотрѣть на нее какъ на большинство женщинъ, отличавшихся *въ ея званіи*. Она не интригантка, никому не дѣлаетъ зла, не мстительна. Она не Помпадурша, она не Монтеспанша, она скорѣе Лавальерша, съ тою разницею, что она не хромаетъ и никогда не пойдетъ въ монастырь.

XXXII (стр. 328)

Сентябрь 1809 г.

Князь Чарторижскій пріѣхалъ. Онъ остановился на дачѣ графа Строганова, гдѣ и живетъ, хотя у него и есть домъ въ городѣ. Эта дача, впрочемъ, очень близко отсюда. Государь принялъ его самымъ радушнымъ образомъ и даже оказалъ ему честь обѣдать съ нимъ вдвоемъ на другой день по его пріѣздѣ. Я поспѣшилъ повидаться съ нимъ, и онъ принялъ меня весьма дружелюбно. Я имѣю поводы думать, что Императоръ все еще жалѣетъ о немъ; отъ самого князя даже зависѣло бы снова вступить въ министерство. Но онъ очень хорошо чувствуетъ, что не теперь на то удобная минута (или точнѣе *чувствовалъ*, ибо дѣло идетъ не о настоящей минутѣ); многія лица думаютъ, что въ политической системѣ предстоитъ измѣненіе.

Въ прошлое воскресенье, 3 Сентября, у Нарышкиной на дачѣ былъ великолѣпный праздникъ: балъ пышный, фейерверкъ на рѣкѣ и ужинъ на двѣсти кувертовъ. Къ немалому нашему удивленію, тутъ не было ни Французскаго посла, ни кого либо изъ Французовъ. Апартаменты были открыты и освѣщены. Въ кабинетѣ красавицы, убранномъ съ самою изящною роскошью, мы увидѣли надъ диваномъ, угадайте, что? Портретъ князя Шварценберга. Всѣ толкали другъ друга въ локоть: *пойдите, взгляните*. Я уже болѣе года не ѣздилъ въ этотъ домъ, и до меня дошло, что меня за это хвалятъ, какъ за политическую уловку; ибо подумали, что я удалялся, съ цѣлью не подать

вида, что я интригую и нуждаюсь въ этомъ якорѣ, чтобы держаться твердо. Этими предположеніями мнѣ оказывали слишкомъ много чести. Я ничего не смыслю въ подобной тактикѣ. Я пересталъ ѣздить изъ лѣни, а также потому, что кое-что въ этомъ домѣ мнѣ не понравилось. На этотъ разъ я былъ приглашенъ лично хозяиномъ дома. «Но, милостивый государь, вы будете такъ добры, что представите меня снова вашей супругѣ, въ качествѣ новопріѣзжаго», что подало поводъ къ любезнымъ шуткамъ, когда я вошелъ. Прелестная Марья Антоновна принимала своихъ гостей въ бѣломъ платьѣ, увѣнчанна ясвоими черными волосами; ни бриліантовъ, ни жемчугу, ни цвѣтовъ: она очень хорошо знаетъ, что это ей не нужно. Le negligenze sue sono artefici [51]). Время словно скользитъ по этой женщинѣ, какъ вода по клеенкѣ. Съ каждымъ днемъ онъ какъ будто хорошѣетъ. Понимаю, что мудрость могла-бы избѣгнуть этихъ сѣтей; но какъ могла-бы она изъ нихъ выпутаться, не понимаю. Впрочемъ она, повидимому, вполнѣ постигла великую тайну своего положенія: *не обращать вниманія на минутныя увлеченія*. Благодаря этому правилу, я считаю ее непобѣдимою, или, если хотите непоколебимою. Воображали и то и другое; но все это разошлось, какъ дымъ.

Ни одинъ изъ министровъ *семейства* или *Союза* не былъ приглашенъ, за исключеніемъ графа Шенка, Виртенбергскаго посла; но этотъ извѣстенъ, какъ очень дурной товарищъ и, какъ таковой, не разъ получалъ выговоры отъ Французскаго посла. Онъ даже былъ нѣкоторымъ образомъ героемъ празднества, ибо онъ предложилъ г-жѣ Нарышкиной фейерверкъ на рѣкѣ. Все остальное было прибавлено ея мужемъ.

Въ то время, какъ я писалъ это письмо, въ Фридрихсгамѣ былъ подписанъ миръ между Россіею и Швеціею. Извѣстіе о томъ пришло въ понедѣльникъ вечеромъ 6-го (18-го), и тотчасъ на другой день былъ назначенъ молебенъ и большой парадъ. Трудно изобразить вамъ, что я испыталъ во время этой церемоніи: я не могъ свести глазъ съ бѣдной царствующей императрицы.

Условія мира чрезвычайно жестоки для Швеціи. Финляндія уступлена до Торнео исключительно. Сверхъ того, Аландскіе острова уступлены съ правомъ укрѣплять ихъ. Вотъ еще одна нація вычеркнута съ лица земли; но надо быть слѣпымъ, чтобы не видать, что скопленіе несправедливостей, подобное тому, которое къ несчастію происходитъ въ наши дни, ведетъ лишь къ тому, чтобы разбросать по всюду сѣмяна бѣдствій и возмущеній.

Баронъ Стеддингъ, весьма слабый, больной и едва стоящій на ногахъ, подписалъ этотъ трактатъ съ другимъ Шведомъ, принадлежащимъ къ революціонной партіи. Онъ всячески хлопоталъ передъ отрѣшеннымъ и новымъ королемъ, чтобы ему позволили удалиться отъ дѣлъ, но безъ всякаго успѣха. Онъ еще пробудетъ здѣсь нѣсколько мѣсяцовъ резидентомъ. Почти всѣ порицаютъ его за то, что онъ уступилъ; но въ дни революцій, легко людямъ, сидящимъ на берегу моря, порицать маневры мореплавателей, борящихся съ вѣтрами и волнами. Если-бы они были на ихъ мѣстѣ, они бы нѣсколько измѣнили тонъ. Я еще не видѣлъ этого несчастнаго человѣка, который, должно быть, прі-

[51]) Ея небрежность художественна.

ѣхалъ, если не умеръ дорогою. Онъ даже не былъ въ силахъ войти въ залу конференцій, чтобы подписать миръ; онъ подписалъ въ своей комнатѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ Николай Румянцевъ былъ произведенъ въ канцлеры Имперіи. Это nec plus ultra Русскаго величія по статской службѣ: дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса. Равными такому лицу считаются лишь иностранные послы, маршалы и дамы, имѣющія портретъ. Все это ужинаетъ въ Эрмитажѣ, за круглымъ столомъ императорской фамиліи. Рядомъ съ этимъ столомъ стоитъ другой круглый столъ. назначенный для министровъ втораго разряда, женъ, дочерей и сестеръ и представленныхъ иностранцевъ. За всѣ другіе столы, наполняющіе залу (а ихъ поставлено по крайней мѣрѣ на 400 человѣкъ) садятся какъ попало. *Haec incidenter* [52]).

Продолжаютъ толковать много о графѣ Николаѣ, который идетъ своею дорогою. Обладая громаднымъ состояніемъ и занимая самую высокую должность въ имперіи, онъ можетъ пренебрегать толками. Нынѣшнія обстоятельства опять принесутъ ему громадныя суммы. Вскорѣ будетъ выставлена для публики библіотека избранныхъ книгъ, подаренная ему Наполеономъ. Говорятъ, что его путешествіе въ Парижъ стоитъ Императору болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей. Впрочемъ этотъ министръ, какъ и всякій другой, и не былъ обязанъ путешествовать на собственный счетъ; но если-бы онъ былъ къ тому обязанъ, онъ бы не пожалѣлъ своихъ денегъ. По состоянію своему и характеру, онъ выше всякихъ денежныхъ расчетовъ; по безкорыстію, онъ выше даже всякого подозрѣнія. Что̀ касается до его политической дѣятельности, то она, какъ и многое другое, будетъ оцѣнена по послѣдствіямъ. Припоминаю времена 1799 года, когда меня въ Туринѣ *обвиняли* въ перепискѣ съ главою дома Бурбоновъ (*nefas!*) и когда министръ писалъ къ лицу, принимавшему во мнѣ участіе: «Правительство имѣетъ доказательства тому и т. д.», хотя конечно у него не было никакихъ доказательствъ, ибо я никогда не посылалъ строки къ этому почтенному и несчастному Двору. Когда я нахожу всѣ эти прекрасныя вещи на днѣ моего портфеля, чувствую, что ничто такъ не походитъ на старую исторію какъ исторія новѣйшая, и почерпаю отсюда глубокое снисхожденіе ко всему происходящему. Если бы мы остались на своихъ мѣстахъ, министръ сказалъ бы мнѣ: «*Ну что-же, г. теоретикъ, гдѣ-же ваша теорія, по которой наша судьба зависитъ отъ судьбы Бурбоновъ?* Если Россія погибнетъ во всеобщемъ бѣдствіи, графа Румянцева побьютъ каменьями; если она выпутается, онъ насмѣется надъ порицателями. Такъ дѣлается на свѣтѣ. Верховная власть имѣетъ лишь одинъ законъ—свое сохраненіе. О средствахъ проповѣдывать напрасно.

Каждый день говорятъ, что отцовъ семейства не слѣдуетъ порицать слишкомъ строго за ихъ поведеніе относительно своихъ дѣтей; ибо имъ извѣстны вещи, которыхъ они не могутъ сказать. Мнѣ кажется, что государи имѣютъ право, по крайней мѣрѣ, на такое же снисхожденіе.

Что̀ до меня, хотя я и не изъ семьи, однако я вижу довольно, чтобы слишкомъ понимать побужденія *отца семейства*.

[52]) Это между прочимъ.

Впрочемъ, какъ политика не знаетъ ненависти, такъ она не знаетъ и дружбы. Не нужно поддаваться обману минутной дружбы. И не такія дружбы кончались. Сила вещей по необходимости произведетъ большія перемѣны. Или вы думаете, что Русскій Императоръ не знаетъ людей и не вѣдаетъ, чего онъ можетъ ожидать отъ своего великаго Парижскаго друга? Одинъ медикъ-Италіянецъ, состоявшій при Французскомъ посольствѣ въ Персіи и сжегшій свои корабли, довелъ до свѣдѣнія Императора формальный трактатъ, которымъ Наполеонъ обязывается выхлопотать возвращеніе Персіи всего того, что отняла у нея Россія, *и именно Грузіи*, какъ только вторая держава овладѣетъ Валахіею и Молдавіею, и это за уступку Франціи острова Сокоторы, близъ Бабельмандебскаго пролива; а этотъ трактатъ, замѣтьте, заключенъ послѣ Тильзитскаго. Твердо надѣюсь, что гинеи поразстроятъ эту прекрасную политику; но каковъ *другъ*-то?

Когда у человѣка обѣ руки спутаны, можно безнаказанно дать ему пощечину. Вотъ аксіома, служившая основаніемъ политики Наполеона относительно Россіи. Онъ запуталъ Императору обѣ руки въ Финляндіи и въ Турціи, и въ это время могъ безпрепятственно ударить его въ лице. Но вдругъ, Шведы, видя себя оставленными единственною державою, которая могла-бы ихъ поддержать, уныло склонили голову и подписали все чего отъ нихъ требовали, послѣ истинно-*Шведской* защиты. Будьте увѣрены, что если-бы Наполеонъ только могъ, онъ послалъ-бы войска Шведамъ. Не смотря на дипломатическую маску, обнаружилось довольно ясно, что этотъ Шведскій миръ не понравился Французскому послу. Теперь, вотъ и Турція говоритъ о мирѣ. Князь Багратіонъ, повидимому, дѣйствуетъ превосходно; онъ поступаетъ съ войсками по-суворовски; онъ забавляетъ ихъ, онъ посѣщаетъ солдатъ въ ихъ ставкахъ, служитъ молебны на старинныхъ редутахъ, возведенныхъ Русскими руками, и т. п. Съ минуту на минуту ожидаютъ сдачи Измаила. Турки совершенно ослаблены, даже раздѣлены, и не знаютъ болѣе, какъ защищаться. Вотъ что утверждаютъ, и уже хотѣли даже послать къ князю Багратіону молодаго князя Павла Гагарина, состоящаго при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, чтобы помогать ему въ переговорахъ; но это порученіе не состоялось. Россія не хочетъ итти въ Константинополь; пусть ей уступятъ Валахію, Молдавію, Дунайскія крѣпости, Измаилъ, и т. д.—*она больше ничего не хочетъ*. Итакъ, если Турки на это согласятся, миръ заключенъ, и вдругъ закрыты два неизсякаемыхъ источника расходовъ, и Императоръ находится во главѣ двухъ сотъ тысячъ войска, коими онъ можетъ располагать по усмотрѣнію. Конечно, не того хочетъ Наполеонъ; онъ пока молчитъ, ибо у него на рукахъ большія дѣла въ Испаніи, въ Австріи и въ Голландіи. Но дайте ему покончить здѣсь или тамъ, и вы увидите, что онъ тотчасъ примется за Русскихъ. Польша—это яблоко раздора, которое съ этой стороны возбудитъ войну. Тогда Австрія и Пруссія, если онѣ еще сохранятъ тѣнь существованія, останутся зрительницами, какъ теперь Россія остается зрительницею ихъ избіенія. Какой страшный урокъ представляетъ раздѣлъ Польши! Но если вы хотите знать, къ чему ведутъ подобные уроки, взгляните на Финляндію.

Вы много разъ слышали, какъ и я, какъ и всѣ, что исторія есть по преимуществу надежная совѣтница; въ этомъ случаѣ она мнѣ является статскою совѣтницею, *не* дѣйствительною. Будемъ еще и постоянно ожидать величайшихъ событій и утѣшать себя мыслію, что революція еще не кончена.

Со времени моего пріѣзда, я не имѣлъ еще аудіенціи у графа Румянцева. Когда я его увижу, я поговорю съ нимъ слегка о содержаніи вашего послѣдняго письма. Я буду говорить такъ, какъ нужно, чтобы избѣгнуть всякихъ неудобствъ. Пока могу вполнѣ успокоить Его Величество относительно этого предмета и всѣхъ ему подобныхъ. Въ тысячу лѣтъ, Императоръ не нашелъ бы времени обратить вниманіе на подобныя вещи; теперь-же менѣе, чѣмъ когда либо. Когда князь Козловскій заговоритъ съ вами о своихъ *затрудненіяхъ* и въ особенности о своей *корреспонденціи*, спросите его посерьознѣе, очень ли онъ увѣренъ, что здѣсь читаютъ его депеши? *Ему неизвѣстна* (какъ удостоили вы написать мнѣ) *система его Двора*. — Это онъ вполнѣ доказываетъ своимъ образомъ дѣйствій. Всякій человѣкъ со смысломъ обязанъ знать двѣ вещи: 1°, что̀ онъ такое; 2°, гдѣ онъ. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, и едва-ли князь Козловскій со мною поспоритъ, что онъ повѣренный при Его Величествѣ, и что онъ находится въ Кальяри; если онъ тамъ, то вѣроятно потому, что такъ угодно его Государю. Чѣмъ болѣе я вглядываюсь, тѣмъ менѣе усматриваю мнимыя *трудности его положенія*. Пусть онъ старается понравиться Двору; пусть посѣщаетъ преимущественно дома̀, удостоенные его уваженія. Пусть онъ удаляется отъ Англичанъ безъ ненависти, и сближается съ Французами безъ дружбы. Пусть онъ любезничаетъ съ моею сестрою и толкуетъ съ ея мужемъ о физикѣ, и затѣмъ пусть ложится спать. Если онъ станетъ дѣйствовать иначе, онъ сломитъ себѣ шею.

Если-бы Его Величество счелъ это умѣстнымъ, я бы могъ, черезъ посредство кавалера Сенъ-Реаля, передать князю Козловскому всѣ косвенные совѣты, которые вы сочли бы приличными. Но такъ какъ относительно этого пункта я не получилъ отвѣта, то я и не настаиваю.

Я имѣлъ честь сообщить вамъ, въ свое время, о моихъ хлопотахъ въ пользу почтеннаго кавалера Райберти. Мнѣ удалось получить отъ графа Румянцева *честное слово*, что онъ его *пристроитъ*, и дѣйствительно, онъ получилъ почетное мѣсто, съ тремя тысячами рублями жалованія. Такъ какъ въ моихъ запискахъ и на словахъ я выставилъ его опытнымъ юристомъ (что̀ и правда), то на него вздумали навалить кучу морскихъ дѣлъ, накопившихся во время послѣдней войны, и въ которыхъ Русскіе ничего не смыслятъ. Послѣ первыхъ трудовъ кавалера Райберти, ему сразу дали (безо всякой съ его стороны просьбы) 900 франковъ прибавки къ жалованію, и я не сомнѣваюсь, что онъ получитъ еще другія выгоды, единовременныя или постоянныя. Во всемъ томъ, что̀ я имѣлъ счастіе для него сдѣлать, мнѣ весьма усердно помогалъ другой подданный Его Величества, птица тонкая: это г. Борелли, изъ Турина, сдѣлавшій карьеру при графѣ Румянцовѣ и въ значительной мѣрѣ пользующійся его довѣріемъ. У него есть умъ, тактъ и ловкость; онъ написалъ нѣсколько книгъ о торговлѣ и консульскомъ

правѣ. Онъ очень хорошо владѣетъ Французскимъ языкомъ (что здѣсь вещь первостепенной важности); онъ въ значительной степени владѣетъ искусствомъ редакціи, и такова здѣсь бѣдность, что его тайно употребляли для редакціи и Фридрихсгамскаго трактата. Я это узналъ косвенно, но совершенно вѣрно. Ему поручена переписка со всѣми консулами. У него великолѣпный мундиръ, и онъ пользуется милостями императора. Въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, его, разумѣется терпѣть не могутъ, и его конечно когда нибудь прогонятъ; но къ тому времени онъ разбогатѣетъ и насмѣется надъ ними. Этотъ трактатъ, въ который онъ запустилъ три пальца, еще доставитъ ему много выгодъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ служитъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, мы съ нимъ болѣе не видаемся. Точно также, г. кавалеръ Райберти строго разлученъ со мною, что кажется еще страннѣе ему и мнѣ, ибо мы земляки и даже родственники (хотя весьма дальніе). Мнѣ въ точности оказываютъ честь, подобающую министру. Онъ ничего не дѣлаетъ въ министерствѣ, но достаточно того, что онъ при немъ состоитъ. Кажется мнѣ однако же, что другой министръ былъ бы менѣе щепетиленъ.

Г. кавалеръ Зино рѣшился, чтобы покончить, просить назначенія въ Одессу или въ Молдавію. Я самъ передалъ и расхвалилъ его записку генералу Сухтелену; желаю для васъ, чтобы она принесла ему пользу. Все зависитъ отъ графа Аракчеева, который возстановленъ противъ Пьемонтцевъ. Надѣюсь, что эта немилость лишь временная.

Этотъ министръ на дняхъ удостоился отъ Его Императорскаго Величества милости, которая увѣнчиваетъ всѣ прочія: Императоръ повелѣлъ, чтобы всѣ войска отдавали честь графу въ той-же формѣ, какъ и ему самому, *даже въ его присутствіи*. Не знаю еще, простирается-ли это распоряженіе на гвардію. Какая карьра и какая сила!

Баронъ Стедингъ пріѣхалъ 14(26). Онъ видался наединѣ съ императрицею, которая много плакала.....

Стедингъ ближе познакомилъ меня съ условіями мира. Бонапартъ дѣйствительно желалъ его, не потому, чтобы завоеваніе Финляндіи не было ему очень непріятно, а потому, что въ эту минуту ему надобно держать за собою Русскихъ и для того, чтобы вскорѣ потребовать отъ нихъ уплаты за эту побѣду. Рѣка Торнео служитъ границею двухъ державъ, и при томъ такъ, что самый городъ остается въ Русскомъ владѣніи. Императоръ пріобрѣтаетъ этимъ трактомъ 10 тысячъ квадр. миль земли, 4 тысячи островов, заливовъ и бухтъ, и милліонъ подданныхъ. Пріобрѣтеніе Аландскихъ островов столь же важно для него, какъ убійственно для Швеціи. Эти острова имѣютъ 2700 перевозныхъ судовъ всякаго размѣра; въ добавокъ взгляните, какъ много выигрываетъ столица отъ этого завоеванія, которому недостаетъ только одного — законности.

XXXIII (стр. 342)

Къ королю.

Петербургъ 13 (25) Января 1810.

Какъ только прибылъ сюда полковникъ Горголи съ депешами изъ Парижа, извѣстіе о бракѣ Наполеона съ юною Великою Княжною Анною Павловною распространилось повсюду, и даже во многихъ письмахъ изъ Па-

рижа безъ обиняковъ говорится объ этомъ. Великая Княжна вступаетъ въ шестнадцатый годъ. Ее прочили за герцога Саксенъ-Кобургскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Эрфуртѣ была рѣчь о бракѣ съ одною изъ Великихъ Княженъ. На первомъ планѣ стояла Екатерина Павловна, но она вышла за мужъ за принца Георгія Ольденбургскаго. Я имѣлъ честь говорить подробно, въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ моихъ къ Вашему Величеству, о характерѣ и о рѣшимости этой принцессы. Какъ извѣстно, Императоръ отвѣчалъ въ Эрфуртѣ, что рѣшеніе вопросовъ о бракахъ совершенно предоставлено Императрицѣ-матери; но увѣряютъ, что полковникъ Горголи привезъ письмо, прямо адресованное на ея имя. Не могу еще извѣстить Ваше Величество о рѣшеніи Государя; но повидимому нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности сватовства; ибо письма изъ Парижа, прибывшія просто по почтѣ, гласятъ прямо: «Надѣемся вскорѣ получить отъ васъ принцессу, которая должна замѣнить...» и т. д. Это извѣстіе произвело во всей Россіи необычайное впечатлѣніе.

Императоръ рискуетъ только тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день его сестру объявятъ наложницею, а дѣтей, которыхъ она можетъ имѣть, побочными. Русскіе въ отчаяньи.

Какъ только будетъ извѣстно что-либо положительное о великомъ бракѣ, о которомъ имѣю честь говорить съ Вашимъ Величествомъ поспѣшу о томъ сообщить; но считаю болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что меня предупредятъ.

Образъ жизни Великой Княгини Екатерины Павловны въ Твери по истинѣ изумителенъ. Домъ ея, по вечерамъ, родъ монастыря. Г. Карамзинъ, замѣчательный писатель, читаетъ тутъ лекціи Русской исторіи, изученной имъ съ особеннымъ стараніемъ; и лица, которыхъ она, по здѣшнему обычаю, удостоиваетъ приглашенія на свои вечера, не находятъ на нихъ инаго развлеченія. Мнѣ разсказывали, что даже ея братъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, вмѣстѣ съ другими, насладился этимъ удовольствіемъ, и онъ здѣсь говорилъ смѣясь, что онъ изъ Русской исторіи только и знаетъ то, что̀ онъ узналъ въ этотъ вечеръ. Великая Княгиня сама учитъ своего мужа Русскому языку, знакомитъ его съ простолюдинами, играя при этомъ роль переводчика. Ей никогда не случалось бывать въ Москвѣ одной; она сопровождала туда своего августѣйшаго брата и произвела самое сильное впечатлѣніе. Это голова способная на дальновидные планы и на сильную рѣшимость. Ея сестра Анна-голубица.

ПИСЬМО КЪ ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, ПИСАННОЕ ПОСЛѢ НАШЕСТВІЯ ФРАНЦУЗОВЪ АПТЕКАРЕМЪ ШЕРЕМЕТЕВСКАГО СТРАННОПРІИМНАГО ДОМА.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество!

Щедроты и благодѣянія Вашего Императорскаго Величества, изливаемыя на вѣрноподданныхъ Вашихъ, подали мнѣ смѣлость повергнуть себя къ стопамъ Величества Вашего со всеподданнѣйшею моею просьбою.

Находясь въ службѣ въ столичномъ городѣ Москвѣ при страннопріимномъ домѣ графа Шереметева, подъ покровительствомъ Вашимъ существующемъ, въ тамошней аптекѣ въ должности аптекаря, которую исправлялъ годъ и три мѣсяца со всѣмъ прилежаніемъ, знаніемъ и расторопностію, соблюдая всѣ выгоды по части экономической въ пользу дома, что могутъ засвидѣтельствовать тамошнія начальства; во время же нашествія непріятельскаго въ Москву, когда начальники мои изъ оной выѣхали, я не дерзнулъ оставить моего мѣста, гдѣ и оставался безотлучно во все время непріятельскаго тамъ пребыванія, имѣя притомъ попеченіе по долгу и состраданію моему о оставшихся Россійскихъ раненыхъ офицерахъ и о 32-хъ бѣдныхъ въ богадѣльнѣ находившихся безъ всякаго призрѣнія; а когда служители, имѣющіе въ смотрѣніи провизію, отказались выдавать и малѣйшую пропорцію для подкрѣпленія раненыхъ и бѣдныхъ (хотя еще достаточной запасъ находился) то я принужденъ былъ подѣлиться съ ними своимъ содержаніемъ стола. Но къ крайнему соболѣзнованію, хотя успѣшнымъ леченіемъ нашихъ раненыхъ трудъ мой и попечечіе о нихъ и вознаграждался; но по причинѣ непріятельскихъ распредѣленій не могъ я имѣть удовольствія увидѣть ихъ совершенно здоровыми. — Во время бывшаго въ нашъ домъ набѣга Французскихъ солдатъ, которые приняли нашъ домъ за домъ частнаго человѣка, я имъ объяснилъ, какому заведенію оной принадлежитъ, и тѣмъ отвлекъ ихъ отъ дальнѣйшаго буйства и при расхищеніи нѣкоторыхъ вещей успѣлъ спасти столовые часы, стоящіе въ Совѣтѣ и электрическую машину.—

Съ 3 на 4-е Сентября, находясь мы въ чрезвычайной опасности, видя себя окруженными пламенемъ, угрожавшимъ своею яростію нашему дому, я тотчасъ же рѣшился вывести нашихъ больныхъ въ садъ. — Когда я симъ занимался, непріятели насъ оставили, ограбя 291 р. казенныхъ денегъ, золотые часы и деньги мои 168 рубл.—Въ сію ночь, т. е. 4-го числа, загорѣлся правый флигель, докторское жилище и экономическое строеніе. Я, сколько возможно было старался потушить пожаръ на нашемъ дворѣ, прося и принуждая къ тому находящихся тутъ людей, что съ Божіею помощію и исполнили, потушивъ огонь въ другомъ флигелѣ и въ главномъ корпусѣ. — Потомъ всякой день были мы обезпокоиваемы непріятельскими набѣгами, кои хотѣли дѣлать распредѣленіе для своихъ раненыхъ въ нашей больницѣ; но стараніемъ моимъ были они въ первыхъ дняхъ въ томъ безуспѣшны. Но когда невозможно было удержать, чтобъ оные не поселились въ нашей больницѣ, — я и тутъ еще успѣлъ у Баварскихъ начальниковъ въ томъ, чтобы помѣщались изъ ихъ больныхъ одни токмо офицеры, кои на слѣдующее утро съ довольнымъ запасомъ къ намъ и вступили.—Между тѣмъ какъ Баварцы занимались у насъ своими распоряженіями, вдругъ пріѣхали Французскіе военные комисары и выслали Баварцевъ, подъ предлогомъ, что тѣ палаты уже распредѣлили для себя; и тутъ же явился Французской главный аптекарь и требовалъ немедленно осмотрѣть врачебную мастерскую, принуждавъ меня отдать ему ключи отъ принадлежащихъ къ аптекѣ комнатъ. — Я ему нѣсколько разъ въ томъ отказывалъ, говоря, что оныя развѣ однимъ

токмо военнымъ коммисарамъ отдать буду согласенъ. Сей дерзновенный человѣкъ, разрушивъ дверь аптеки, ворвался въ оную; но я безпрестанно надзиралъ въ аптекѣ за тѣмъ, чтобъ они чего тамъ не расхитили и все бы осталось въ прежнемъ порядкѣ, что̀ и соблюдено (хотя съ нѣкоторымъ впрочемъ ущербомъ) до послѣдняго дня ихъ выѣзда изъ нашей больницы; а сверхъ того удержалъ у нихъ нѣсколько матеріаловъ для вознагражденія убытковъ нашихъ.—7-го Октября готовился непріятель къ выѣзду изъ нашей больницы. — На вопросъ мой о причинѣ сего движенія они мнѣ отвѣчали, что полевой дворъ будетъ взорванъ, и наша больница подвергнется той же участи.—Первое случилось, а нашъ домъ, благодаря Всевышнему, уцѣлѣлъ, и выбывшіе изъ него Французы вступили паки въ свои мѣста. Но предъ послѣднимъ днемъ ихъ выѣзда я пораженъ былъ новымъ ихъ буйствомъ и вѣроломствомъ, когда увидѣлъ разставленныхъ по коридорамъ лошадей, и даже въ церковь намѣревались ихъ ввести, но по просьбѣ моей оную пощадили. — На утро 11-го Октября, къ крайней нашей радости, непріятели готовились съ чрезвычайною поспѣшностію къ выступленію. А какъ узнали они, что наши войска вступили уже въ городъ, то нѣкоторые изъ нихъ, опасаясь подвергнуться дальнѣйшей опасности, укрывались еще въ нашемъ домѣ; но я, наскучивъ ихъ неудовольствіями и наглостію, выгналъ до послѣдняго и домъ нашъ явился въ прежней тишинѣ. – Но къ несчастію новой, неожидаемой и непріятной случай нарушилъ оную, а именно: за нѣсколько дней предъ выступленіемъ непріятеля примѣтилъ я, что арапъ нашъ, находившійся при домѣ нашемъ, ходилъ нѣсколько разъ въ сосѣдствѣ нашемъ по разнымъ домамъ; послѣ же, когда непріятель оставилъ нашу больницу, увидѣли мы домъ нашъ окруженнымъ ранеными солдатами, мужиками и разнаго рода людьми, которые требовали нашего арапа, а между тѣмъ начали они таскать тюфяки, перины и прочія вещи. Увидя грабежъ и шумъ на нашемъ дворѣ, скорѣе старался я запереть всѣ двери; но лишь только я сіе исправилъ, вдругъ тотъ самый арапъ началъ разламывать двери у лабораторіи, куда онъ вошелъ съ чужими людьми, кои недавно предъ тѣмъ его спрашивали. Въ лабораторіи находилось еще 19 ведръ вина, пять пудъ меду, нѣсколько ведръ спирту, мази и прочихъ изготовленныхъ лекарствъ. Наши смѣлые и усердные служители сдѣлали было нѣсколько выстрѣловъ въ народъ, грабившій на нашемъ дворѣ, чѣмъ приведенъ онъ былъ въ бо̀льшую ярость и озлобленіе. Я всячески старался успокоить ихъ, и послалъ своего подмастерья увѣщевать и усовѣстить грабителей въ лабораторіи; но и тотъ оказалъ противное сему. И грабители начали даже обращать остальные наши тюфяки на мѣшки для поклажи награбленной ими добычи. Послѣ сего въ 3-мъ часу послѣ полудня, когда они скрылись, я пересмотрѣлъ все и нашелъ разломанныя двери у запасной комнаты, гдѣ не оказалось уже боченка меду, спирту, прованскаго масла и около 46 фунтовъ нашей собственной хины. Наконецъ, въ толь опасное и смутное время, когда я лишился всѣхъ средствъ привесть что либо въ порядокъ и усмирить буйство народа, а болѣе какъ иностранецъ находился самъ въ неизбѣжной опасности и самой смерти, оказавшійся совершен-

ный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, внезапная разстройка въ моихъ дѣлахъ и отсутствіе всѣхъ нашихъ врачей, отвлекли меня, къ крайнему моему сожалѣнію, противъ воли моей, отъ обыкновенной дѣятельности и принудили меня, починя всѣ разломанныя двери, исправя, приложа къ нимъ замки и закрѣпя гвоздями, удалиться на нѣсколько дней къ своимъ пріятелямъ, о чемъ тогда же довелъ я до свѣдѣнія тогдашняго г-на городоваго полицемейстеръ полковника и кавалера Гельмана. А по прошествіи всякой опасности 22 числа Октября я паки вступилъ къ ревностному исправленію моей должности. Въ послѣдствіи же времени, хотя я всячески старался для пользъ нашего дома, но невозможно было все обозрѣть, не имѣя къ тому довольное время по разстроенности нашего дома, ни способовъ, ни должной помощи; но при всемъ томъ взыскали еще съ меня за расхищенную разную посуду, за которую долженъ отвѣчать г-нъ экономъ, 400 рублей. А потому, изнуривъ себя въ здоровьѣ отъ безчисленныхъ заботъ и стараній въ пользу Страннопріимнаго дома, я рѣшился, для успокоенія себя и поправленія моего здоровья, на нѣкоторое время просить себѣ увольненія отъ настоящей моей должности, которымъ и воспользовался. Всѣ вышеписанныя происшествія можетъ засвидѣтельствовать г-нъ попечитель Страннопріимнаго дома его превосходительство Василій Сергѣевичъ Шереметевъ, яко главный тамошній начальникъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Не интересовъ осмѣливаюсь ожидать я отъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества, но единственно дерзаю испрашивать милосердія Вашего.

(Сообщено Я. К. Гротомъ).

РАЗСКАЗЪ О ДВѢНАДЦАТОМЪ ГОДѢ [1]).

Ужъ давно толковали въ народѣ, что идетъ на насъ Наполеонъ, и какъ бы въ Москву не забрался, а господа все не вѣрили, — пусть молъ народъ болтаетъ! Да и не позаботились, чтобъ на досугѣ-то добро свое отъ француза спасти. А какъ прошли Госпожинки, стали больше поговаривать; потомъ и господа, знать, смекнули дѣло, да уже не до того было, чтобъ добро спасать, а скорѣй самимъ выбираться пришлось. Баринъ [2]) отправилъ во Владиміръ старую барыню [3]), да молодую жену [4]) съ ребенкомъ, да еще кто при нихъ въ домѣ былъ, въ двухъ каретахъ, да въ двухъ повозкахъ съ кухнею да съ постелями. Сколько лошадей было въ домѣ, всѣхъ запрягли; баринъ себѣ только одну лошадь оставилъ на всякій случай; а имѣніе вывозить было не на чемъ, а добра-то было много, и что̀ годами накоплено, и приданое молодой барыни!

Жили мы тогда въ своемъ домѣ, на Вшивой Горкѣ, и кладовая была у насъ большая, отдѣльнымъ строеніемъ стояла, и придумали кладовую раздѣлить каменною стѣною, благо печники свои, да кирпичь заготовленный на перестройку лежитъ на дворѣ. И заложили стѣну да и перетащили туда всѣ барскіе сундуки, ящики съ посудой, бѣлье, вещи раз-

---

[1]) Разсказщица, изъ дома кн. Лобанова, была женою крѣпостнаго человѣка Александра Николаевича Соймонова. Она жива до сихъ поръ.

[2]) Александръ Николаевичъ Соймоновъ.

[3]) Сусанну Даниловну Сомойнову, мать Александра Николаевича.

[4]) Марью Александровну Сомойнову, рожденную Левашеву.

ныя—чего, чего тамъ не было! Посверхъ и наше все имущество поклали, а стѣна все выше да выше поднимается. Стали туда бросать, уже сверху, перины, пуховики, подушки со всего дома. На аршинъ стѣна была не доложена; вдругъ изъ сосѣдняго двора знакомый человѣкъ заглянулъ въ кладовую и сталъ упрашивать, чтобъ мы и его добро туда запрятали. Натаскали всякаго хламу; не стоило бы прятать, да вѣдь всякому своего жалко, какъ не помочь въ бѣдѣ, вѣдь и намъ самимъ добрые люди помогали; мы на него понадѣялись, что онъ останется благодаренъ. Стѣну заложили до верху, немного позамазали, а то всякому въ глаза бросится, что новая; въ переднюю кладовую натаскали того что было похуже и набили биткомъ—пожалуй молъ ломай, да таскай: не много разживешься, французъ окаянный!

Ну вотъ господа наши уѣхали по добру да поздорову во Владимiръ—тамъ у нихъ была какая-то родня, и они тамъ барина поджидали. А ему-то ѣхать нельзя было; оставался онъ по дѣламъ что ли, или по службѣ, уже этого не умѣю сказать—только помню, что онъ всякiй день съ утра надѣвалъ мундиръ и ѣздилъ куда всѣ господа другiе сбирались думу вмѣстѣ подумать, какъ лучше французу насолить да въ Москву не допустить.

Да, видно, они ничего не придумали. Прошелъ Александровъ день—вдругъ баринъ прiѣзжаетъ домой, велитъ запрячь дрожки въ одну лошадь; видитъ лошадь одна не свезетъ, скорѣе другую лошаденку купили, гдѣ-то отыскали, да и припрягли веревками. Баринъ, какъ былъ въ мундирѣ по утру, такъ и сѣлъ въ дрожки одинъ съ кучеромъ. Я помню, какъ онъ съ нами прощался, вынулъ послѣднiя деньги, велѣлъ купить лошадь да выѣзжать въ Тверскую заставу къ нашей подмосковной, а кто не боится оставаться при домѣ, пожалуй оставайся. Мы съ нимъ тутъ распростились, и онъ поѣхалъ. Наши всѣ стали думать—куда кто пойдетъ; человѣкъ съ шесть остались при домѣ, другiе отправились въ подмосковную за 80 верстъ. Меня матушка-свекровь съ ними такую даль не пустила и въ Москвѣ не оставила. Сестра ея родная за Москвой-рѣкой у господъ Арсеньевыхъ жила, и они сбирались въ Орловскую деревню; а туда говорили, что французъ не дойдетъ. Матушка-свекровь за меня боялась—я была молоденькая да хорошенькая. Она меня поскорѣе собрала, навязала узелки и благословила: «Ступай, Дуняша, къ тетушкѣ, да поклонись ей въ ножки, чтобъ она тебя съ собой захватила, а то долго ли грѣха.» Потомъ снарядила въ дорогу меньшаго моего деверя Андрея; я было его и брать не хотѣла: «онъ меня, молъ, матушка, свяжетъ, я сама еще глупая, онъ еще глупѣй меня;» а ему былъ только осьмой годокъ. А что я тамъ ни говорила, матушка-свекровь собрала насъ и отправила за Москву-рѣку къ Арсеньевымъ.

Приходимъ къ нимъ на дворъ, а уже у нихъ лошадей запрягаютъ въ повозку. Господа только что сами уѣхали, и кого нужно изъ людей съ собой взяли, а другiе собираются въ подмосковную. Повозка биткомъ набита—вѣстимо дѣло, и то жаль оставить и другое бросить не хочется. Тетушку больную кое-какъ въ повозку уложили, а всѣмъ-то ужъ и мѣста нѣтъ. Кто помоложе, пѣшкомъ

за повозкой побрелъ, тутъ же и я съ Андрюшей.

У нихъ подмосковная, Щербинки, въ 25 верстахъ отъ заставы; мы кое-какъ туда доплелись благополучно. По дорогѣ, кабы не такая бѣда, было бы весело, просто гулянье! Кто ѣдетъ въ каретѣ, кто верхомъ, кто ребятишекъ въ телѣжкѣ за собою тащитъ. Тутъ корову ведутъ, тутъ козелъ рвется изъ рукъ, клѣтки съ курами привязаны на повозкахъ. Везутъ большой чанъ на тройкѣ, и въ чану-то народъ сидитъ, оттуда выглядываетъ; кто одинъ пробирается, кто цѣлой семьей идетъ, ребятишки за мать держатся, сами ревутъ что не поспѣваютъ, али проголодались и ѣсть просятъ. Крики, шумъ, перекличка, просто веселье! Только мы доѣхали до Щербинокъ, остались тамъ отдыхать въ своемъ имѣньи, а другіе пошли мимо. Насъ тутъ домашніе встрѣтили, угостили. Не успѣли мы отдохнуть, какъ вдругъ бухъ изъ большой пушки — такъ и раздалось, что земля подъ ногами задрожала. Ну пропали наши головушки, пропала наша матушка-Москва, ахнули, испужались. Да что же дѣлать, аханьемъ бѣдѣ не поможешь! И теперь какъ вспомнишь, такъ словно опять вздрогнешь.....

Въ Щербинкахъ все барское добро было зарыто въ землѣ около прудовъ; вода стояла не высоко, около воды къ берегамъ и подкопали да и попрятали все туды, а сверху признаковъ нѣтъ, трава растетъ, и крапива, и кусточки; мы ходили смотрѣть, просто диковинка, какъ ухитрились. Тутъ были зарыты и сундуки съ добромъ и ящики съ провизіей, чаю одного что было! Цѣлые цибики зашитые въ кожу, головы сахару въ ящикахъ; и гдѣ рыли къ водѣ, тутъ дерномъ обложили, и отъ сырости и дернъ-то обросъ — за то хватились во время. Коли бы свои не доказали, никогда бы французы не догадались. Эки окаянные! Хватило у нихъ духу барское добро французамъ даромъ отдать!!! Вытаскали бы, да сами бы взяли себѣ—а послѣ бы на французовъ сказали, вотъ и концы въ воду.. А то сами руками отдали, и кому? точно на нихъ креста не было—лучше бы своихъ угостили.

Почти вездѣ въ землю зарывали и деньги, и всякое имущество, зарывали въ оврагахъ, да на пашнѣ. Такъ ухитрились, что кто зарывалъ, самъ мѣста признать не могъ. Ужъ вотъ на какую хитрость поднялись: пойдутъ поутру да поглядываютъ— гдѣ увидятъ, что легкій паръ подымается, тутъ и копаютъ, потому что земля взрыта была да еще съ другой землей не сравнялась, а все какъ будто бы паръ отъ нея легенькій идетъ; а днемъ ни за что уже не примѣтишь.

Вотъ и живемъ мы въ Щербинкахъ, да сгрустнулась я по мужѣ, думаю: куда мой Иванъ Ѳедоровичь дѣвался, успѣлъ ли онъ сердечный куда уйдти, либо при нашемъ домѣ остался? А спросить не у кого. Думала, думала, да и придумала—пойду его отыскивать; коли въ Московскомъ домѣ нѣтъ его, проберусь въ деревню въ подмосковную. Меня уговорили остаться, да ужъ я и слышать не хотѣла, очень объ немъ стосковалась. Распростилась я со всѣми, кое что собрала, положила въ котомочку и привязала за плеча—мнѣ хотѣлось добраться до нашего дома и узнать, живы ли всѣ и здоровы; а одной идти съ парнишкою страшно: всякій день разъѣзжали французы за фу-

ражемъ. Щербинки только 25 верстъ отъ Москвы, близко; бывало такъ опрометью и скачутъ всякій день, да еще по нѣскольку разъ.

И взяла я съ собой своего парня Андрея, да еще подговорила двухъ мужичковъ, такихъ старенькихъ. Они было не брались меня провожать, да я имъ поклонилась въ ноги: «Батюшки-кормилицы, не покидайте меня горькую, не давайте меня молоденькую въ обиду вражьимъ дѣтямъ, нехристямъ окаяннымъ. Въ Москвѣ всего много, пойдете съ одной палочкой, а принесете домой всякаго добра, лишь бы силы хватило до двора дотащить.»—«Ладно, говорятъ мужички, собирайся, молодая». Легли мы, отдохнули, а лишь только стала заря заниматься, мы и поднялись въ дорогу. Не помню, сколько верстъ мы отошли; вдругъ цѣлый отрядъ скачетъ намъ на встрѣчу—видимъ, что французы. Сперва было мы испугались; да я говорю: пойдемъ сторонкой, дадимъ имъ дорогу, авось не тронутъ. Французы настоящіе добрые, вѣдь ихъ по мундиру и по разговору узнаешь, рѣдко кого обидятъ; за то ужъ эти новобранцы всякіе у нихъ, да Нѣмчура никуда не годились. И не нужно имъ, да они грабятъ, да крещенный народъ обижаютъ.

Ну вотъ они скачутъ верхами, за ними подводъ таково много; они проскали, и подводъ съ десять проѣхало мимо, мы и радехоньки. Вдругъ, отъѣхавши съ версту, мы видимъ, одинъ лошадь свою отпрягаетъ и садится на неё. Одинъ изъ мужичковъ, что со мной шли и говоритъ: «Петровна, вѣдь это за тобою онъ гонится, увидалъ у тебя за плечами котомочку». Я такъ и ахнула. Скачетъ за нами, я скорѣе котомочку отвязала и бросила на земь. «Сама пойду, думаю, съ парнемъ своимъ да съ старичкомъ, авось за мною не погонятся, а другаго старичка попросила: «ты, батюшка, поглядывай на котомочку, коли онъ ее броситъ, то захвати ее съ собой, а мы тебя подождемъ.» Соскочилъ солдатъ съ лошади, схватилъ котомочку, пошарилъ въ ней и потомъ бросилъ и опять ускакалъ. Старичокъ поднялъ котомочку и догналъ насъ.

— Что, батюшка, скажи, не взялъ ли онъ чего изъ нея?

— Вынулъ онъ кусокъ пирога, да лепешки, да еще крошечный мѣшочекъ, развязалъ его, да сунулъ въ карманъ—сказалъ добре, да и поскакалъ.

Ахъ я дура эдакая! Вѣдь мѣшечекъ-то дорого стоитъ; ахъ я недогадливая! Мнѣ бы его сунуть за пазуху или на крестъ привязать.... Шутъ меня дернулъ его въ котомку сунуть; а въ мѣшечкѣ-то у меня были серьги, да три кольца золотыхъ. Что дѣлать? Поговорила, поплакала, да себя сама поругала—да не воротишь, сама сглуповала.

Пошли мы опять по маленьку, дошли до Арсеньевскаго загороднаго двора, что былъ не далече отъ Данилова монастыря. Тутъ я распростилась съ своими старичками; они пошли въ Москву на добычу, а я взошла въ загородный дворъ. Глядь—и тутъ стоятъ французы. Я было испугалась, да тутъ оставалась работница Настасья, да еще кое-кто изъ дворовыхъ людей. Настасья мнѣ сказала, что тутъ стоитъ самъ начальникъ, полковникъ или генералъ что-ли, и что солдаты не смѣютъ никого обидѣть, даже словомъ.

Вижу, что все покойно; я тутъ съ Андреемъ отдохнула двое сутокъ,

меня унимали и дольше пожить, да я спѣшила въ Москву—такъ у меня сердце не терпитъ, хочется мнѣ зайдти въ свой домъ да развѣдать, тамъ ли все мой Иванъ Ѳедоровичь да матушка-свекровь. А Андрея-то я ужъ боялась съ собою брать, благо было на кого оставить, а одна всё таки какъ нибудь проберусь. «Ты, матушка Настасья, побереги моего парня, а я схожу про мужа провѣдаю.»

Встала ранехонько, помолилась и пустилась въ путь. Какъ я вошла въ Москву, такой ужасъ! По улицамъ валяются мертвыя тѣла, такія уже черныя, что просто страшно на нихъ глядѣть, да тутъ же валяются мертвыя лошади, не прибираютъ ихъ, смрадъ такой распустили по улицѣ.

До своего дома добралась я хорошохонько, прошла набережной да каменнымъ мостомъ, вхожу на дворъ... вижу, ни живой души: домъ обгорѣлъ, нашихъ тамъ никого нѣтъ. Должно быть, всѣ уже перебрались въ подмосковную. Вспомнила я про кладовую въ подвалѣ, хотѣлось мнѣ посмотрѣть, цѣло ли наше добро—дверь выломана; думаю: ничего, у насъ стѣна тамъ выложена да замазана, хоть и взошли—авось не догадались. Какъ я спустилась по ступенькамъ, мнѣ пухъ въ лице!... Ничего не видать, утерлась; вижу вся въ пуху и попала въ пухъ по колѣни, а стѣна новая, вижу, разломана. Они, должно быть, пухъ и перья высыпали, а въ пустыя наволочки набили всякаго добра да и вытаскали. Не осталось ничего, ни барскаго, ни нашего. Я всплеснула руками, да какъ взвою; стала припоминать, что я туда сама запрятала и французовъ-то принялась честить по своему.

А какъ я послѣ узнала, вытаскали не французы, а наши русскіе. Пока нашъ домъ не горѣлъ, въ немъ стоялъ какой-то начальникъ; наши домашніе тамъ оставались и разсказывали, что съ французами жили было очень хорошо; они жили тихо, смирно, никого не обижали, только иногда пошлютъ что-нибудь имъ принести, и мальчишки наши тоже были у нихъ на посылкахъ. А коли добудутъ чего много, сами подѣлятся и ребятишекъ чѣмъ нибудь приласкаютъ за то, что въ посылки ходятъ.

Да еще кто укралъ-то! Нашъ знакомый сосѣдъ, про кого я разсказывала, что онъ просилъ къ намъ его добро спрятать. Онъ былъ отъ Шульгиныхъ, его Ѳедотомъ звали. Такъ приставалъ, что мы его пожалѣли: кирпичей двадцать скинули, потому что стѣна была почти докладена, а его сундукъ не проходилъ. Онъ-то намъ за наше доброе дѣло и заплатилъ зломъ. А что онъ укралъ, это вѣрно, потому что послѣ разоренья видили у него и наши платья, и наши одѣяла, и кое-что другое. Матушка-свекровь пыталась съ нимъ ругаться, кое-что у него изъ рукъ сама вырвала, а всего не воротишь. Постояла я тутъ, погоревала. Какъ быть — ночевать одной страшно, и спѣшила выйдти, пока еще не смеркалось. Дни-то ужъ коротки были, того и гляди, что будетъ смеркаться, а мнѣ надобно было пробираться къ загородному двору. Мы жили долго въ подмосковной, и когда пріѣдишь въ Москву, никуда не выходишь, дворня большая, не скучно, да и заведенья-то не было, чтобы мы по улицамъ таскались. Теперь всякая дѣвочка въ ученіи живетъ, и куда хочешь пошли, всѣ дороги знаетъ, хоть ночью пошли её, такія безстраш-

ныя — а въ наше время мы и дорогъ-то не знали, пойдешь либо съ мужемъ, либо съ свекровью, дороги не примѣчаешь, знаешь, что доведутъ. Я только и знала, что гдѣ тетушка живетъ, отъ того и дошла одна, когда меня матушка-свекровь къ ней отправила. Изъ загороднаго двора не дошла бы одна, мнѣ старушка дорогу указала, и я примѣтила, чтобъ не сбиться съ дороги. Прошла я хорошо по каменному мосту да по набережной; по той же дорогѣ назадъ пошла, нельзя: на каменномъ мосту стоитъ бикетъ—всё французы, и никого не пропускаютъ ни взадъ, ни впередъ. Утромъ ходи сколько хочешь, а около вечерень разставлялись вездѣ бикеты. Я поторопилась дойти до Москворѣцкаго моста. Москворѣцкій мостъ былъ снесенъ. Я пошла плутать по улицамъ; я улицъ и такъ не знала, а тутъ ужъ ихъ никакъ не узнаешь и примѣтъ не найдешь. Вездѣ все голо, вездѣ все черно, только торчатъ трубы да печи обгорѣлыя, да виднѣются своды да подвалы, а жилье все сгорѣло.

Плутала я долго и зашла сама не знаю куда; по утру и къ мосту дороги не найду. Опять цѣлый день ходила, все дороги не найду, и устала, и проголодалась, другіе сутки не ѣмши, на силу ноги таскаю; опять смерклось, ночлега себѣ не придумаю — стоитъ пень обгорѣлый, я на него сѣла; думаю вотъ тебѣ, Дуняша, и ночлегъ — воздушнымъ плетнемъ обнесу, да небомъ покроюсь. Мнѣ кажется, я весь этотъ пёнушекъ облила своими слезами.

Стало уже совсѣмъ темно: слышу идутъ двое; я испугалась и прижалась — авось меня не разглядятъ. Идутъ прямо ко мнѣ и увидали. Одинъ спрашиваетъ: Кто ты? — Я, батюшка.— Да кто ты такая?—Соймоновыхъ господъ, говорю, батюшка, вотъ другіе сутки плутаю не ѣмши: маковаго зерна въ ротъ не пропустила.—Поди за мною.—Я встала и пошла; ихъ не знала, хорошіе ли они люди или нѣтъ; да вѣдъ голодъ не тётка, много толковать не станешь.

Повели меня они какимъ-то пустыремъ — все голо, все темно. Я думаю, куда это они меня ведутъ, и пикнуть не смѣю, сама вся дрожу— и холодно, и страшно.

Вдругъ одинъ изъ нихъ топнулъ ногой и закричалъ: подымай!.... Я такъ и обмерла, не знаю что̀ со мною будетъ. Поднялась дверь, какъ западня — вижу лѣстница; мы по ней спустились, дверь за нами захлопнулась. Мы, я вижу, въ просторномъ подвалѣ, горитъ огонь; встрѣчаетъ насъ старуха, за нею женщины и двое дѣтокъ, и видно добра всякакаго накладено много.

— Не бойся, моя милая, ты видишь, я старушка старая, со мною дочери да внучата дѣти малыя, а тотъ кто тебя привезъ, это мой сынокъ, купецъ.»

Она меня чаемъ напоила, накормила такою славной рыбой да икрой, всѣмъ подчивала — да я ужъ ничего не видала, у меня глаза слипались. «Пора тебѣ отдохнуть, моя красавица, помолись да и ложись скорѣе».— Перина такая славная; помню, какъ я до нея дошла, а послѣ ужъ ничего не помню, словно умерла; проспала долго, пока меня хозяйка сама не разбудила.

Проснулась, не знаю: день ли, ночь ли; у насъ все огонь горитъ. Старуха подняла немного западню, сына выпустила и сама поглядѣла. «Готовьте самоваръ, заря занимается,

чайку напьемся, а немного погодя позавтракаемъ, а то сыну пора будетъ по своимъ дѣламъ идти». — У нихъ славный былъ подвалъ, и печь топилась, и всякое кушанье тутъ стряпали; а съ верху никто не догадывался, что печка топится, потому что кругомъ дымилось отъ погорѣлыхъ домовъ.

Вдругъ слышимъ опять, топнулъ кто-то ногой и закричалъ: подымай.— «Готовъ что ли самоваръ, матушка? А я добылъ бѣлаго хлѣба къ чаю.»

Хлѣбъ такой былъ славный, мягкій. Онѣ сами никуда не ходили, а только сынъ приносилъ имъ все, что было нужно.—Что у тебя, матушка, самоваръ еще не кипитъ? — Мы все тебя, батюшка, поджидали.—Ну ладно, сестры, поварачивайтесь скорѣе, напьемся чаю, да молодку-то накормите, мнѣ надобно ее проводить домой».

Накормили меня опять, всё кушанье у нихъ было такое славное, а сами такіе ласковые. Чего-чего они мнѣ не навязали въ платокъ. Потомъ онъ сталъ меня разспрашивать. — Что ты дѣвушка что-ли? — Нѣтъ, батюшка, я женщина. — Да гдѣ же твой мужъ? — Не знаю, батюшка, видно ушелъ изъ Москвы и меня не дождался. — Тѣмъ лучше я вдовецъ, ты мнѣ по душѣ пришлась, выходи за меня замужъ. — А какъ же батюшка, какъ Иванъ Ѳедоровичъ придетъ — вѣдь онъ меня у тебя отниметъ, всё таки твоей не останусь. — А можетъ быть его убили, и онъ не вернется. Такъ слушай же, голубушка, вотъ тебѣ записка, какъ меня зовутъ и гдѣ меня можно отыскать. Если мужъ твой не отыщется, приди въ городъ и спроси меня; тебя всякій меня укажетъ, гдѣ я буду жить». Я его поблагодарила и записочку все-таки засунула за пазуху. Долго я ее берегла и послѣ, а теперь не упомню, какъ его звали. Мы разъ повздорили съ Иванъ Ѳедоровичемъ, я ему и похвасталась, что вотъ какой хорошій человѣкъ, почище его, за меня сватался, да и показала записку. А онъ ничего не сказалъ (онъ все бывало молчитъ), а записку-то разорвалъ въ мелкіе кусочки да и выбросилъ. А то бы я теперь могла кому-нибудь показать, мнѣ бы прочитали, какъ его звали, и я бы вспомнила.

Онъ меня проводилъ и довелъ до самой калитки загороднаго двора; мы съ нимъ дорогой разговорились; онъ былъ купецъ богатый — у него одинъ домъ сгорѣлъ, а въ другомъ домѣ стоялъ французскій генералъ; отъ того-то онъ ничего не боялся.

Ну пришла я на загородный дворъ, сказала Настасьѣ, что своихъ никого не нашла, а про подвалъ ни гугу — зачѣмъ пустяки разсказывать, пошло бы по всему дому: слово не воробей, вылетитъ не поймаешь. Я и промолчала про купца, ничего ей не сказала; погостила у ней немного, а потомъ и стала сбираться съ Андреемъ въ наше Теплое *), всего 80 верстъ отъ Москвы. Дорогу-то я знала, и прежніе-то мои господа по той же дорогѣ, на Воскресенскъ, тоже ѣздили въ свою подмосковную; да хоть и знала дорогу, а все таки одной идти не хотѣлось. Тутъ была старушка старенькая, старенькая; вижу она сбирается въ дорогу — я къ ней. По какой дорогѣ ты пойдешь? — Въ Тверскую заставу прямо на Воскресенскъ. — Мнѣ тоже въ Воскресенскъ,

---

*) Имѣніе Ал. Ник. Соймонова около Воскресенска. Было куплено въ шестидесятыхъ годахъ г-номъ Кильдишевскимъ.

а потомъ своротить въ сторону, зайдти къ своимъ роднымъ, узнать, всѣ ли живы да здоровы. Хоть половину дороги пойду не одна, а оттуда меня родные къ мужу проводятъ».

Только у меня не было ни гроша денегъ на дорогу, а у старухи было 25 рублей, все мѣдными въ мѣшкѣ; гдѣ-то она ихъ набрала. — Слушай, голубушка, говоритъ мнѣ старушка, ты помоложе меня; пособи мнѣ деньги нести, за то я тебя буду дорогой поить да кормить, да за ночлегъ платить». Мѣшокъ тяжелый такой, что дѣлать, пришлось на себѣ нести.

Вышли мы раненько изъ Москвы въ самый Покровъ день. Слышимъ, ударяютъ къ заутрени. Перекрестились и пошли. Заутрени уже служили, и часы, и вечерни — а обѣдни еще нигдѣ не служили, за тѣмъ что антиминсовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была, въ тѣхъ, которыя еще остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить гдѣ ни попадутся; поймаютъ діакона на мѣсто попа — все равно, и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить. А вѣдь французу все равно, ничего не понимаетъ! Такъ и начали служить въ церквахъ гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ всѣмъ доволенъ, лишь бы только была служба, а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстить и по церквамъ службу справлять. Подошли мы къ каменному мосту еще рано, только что бикетъ сняли. (А бикетъ ставили только въ вечерню на ночь, чтобы въ Кремль никого не пропускать). Идутъ къ намъ на встрѣчу такіе все молодцы, все французы, такіе бравые, такъ одѣты хорошо— на шапкахъ у нихъ хвосты изъ гривы, длинные, распредлинные!..... А изъ себя-то какіе молодцы, весело смотрѣть, даромъ что французы. А ужъ эти новобранцы ихъ! Бывало, наровятъ ограбить, да отколотить. Они спросили, куда мы.—Домой.—«Карашо, аленъ»—да еще и поклонились намъ, такіе славные, а «аленъ» по ихнему значитъ: проходите домой (мы уже понимали). Дошли мы до Тверской заставы, старушка, я, да Андрюша-деверь, да за нами еще шли человѣкъ 70 все по одной дорогѣ. У заставы караулъ, французы спрашиваютъ, куда мы. Мы опять говоримъ: домой. Пропустили было совсѣмъ, да солдатъ увидалъ у меня полъ хлѣба, не то что бѣлый, а простой ржаной (они и ржаному-то ради были). Онъ у меня хлѣбъ отнимаетъ; я ему показываю на Андрея и говорю, что это мальчику на дорогу, и что мальчикъ мой. А онъ-то мнѣ: «ты нѣтъ, мадамъ, а мамзель». А я спорю: «мадамъ и мальчикъ мой». Эти французы такіе добрые! Самъ голоденъ, отломилъ себѣ только кусочекъ, а хлѣбъ отдалъ Андрею.

Вышли мы изъ Тверской заставы— тутъ всѣ разсыпались, кто пошелъ вправо, кто влѣво. Во всѣхъ деревняхъ все солдаты, ужъ мужиковъ нѣтъ, всѣ выбрались по добру по здорову. Шли мы своей дорогой, насъ не трогали; дошли мы до Нахабина, и тутъ избы брошенныя, рамы выставлены, стоятъ солдаты, а мужиковъ тоже нѣтъ. Кое-гдѣ оставлена старушенка старая, чтобы за дворомъ присмотрѣть на счетъ пожара.

Намъ попалась одна старушка; мы проголодались дорогою, хлѣбъ свой весь съѣли.—«Бабушка, накорми насъ чѣмъ нибудь, меня да ма-

лое дѣтище, у тебя вѣрно есть какая нибудь корочка въ запасѣ». Она посмотрѣла на всѣ стороны, чтобы никто не видалъ, а то отнимутъ, говоритъ. Дала намъ по кусочку и послала насъ въ сарай ночевать.

Она намъ разсказала, какъ не задолго передъ нами мужичка зажиточнаго разстрѣляли, а мужикъ-то ей былъ съ родни. Это было еще съ перва на перво—онъ не успѣлъ еще изъ амбара весь свой хлѣбъ вывезти. Пришли солдаты съ переводчикомъ, говорятъ: отпирай амбаръ. Онъ взялъ ключи и пошелъ съ другимъ мужикомъ. Да вотъ бѣда, онъ былъ косъ и не видалъ, что переводчикъ за нимъ вошелъ. Онъ и говоритъ другому мужику: погоди, мы ихъ въ амбаръ впустимъ; да тамъ съ ними и расправимся; другой замѣтилъ переводчика и молчалъ. А переводчикъ перевелъ солдатамъ, что онъ говоритъ. Солдаты только спросили: который говорилъ. Косой говорилъ, а тотъ все молчалъ. Они другаго не тронули и выпустили, а косаго-то взяли, привязали къ столбу, да въ него и выпалили изъ ружей. Всю головушку насквозь прострѣляли, и въ грудь-то, и въ бока, а изъ спины пули выскочили; просто какъ рѣшето изъ него сдѣлали.

Отдохнули мы, опять пустились въ путь; по всѣмъ деревнямъ солдаты. Въ Песочну пришли — слышенъ въ Воскресенскомъ за рѣкой шумъ, крикъ. Что это такое, думаемъ. Подошли къ строенію, увидѣли женщину: «скажи намъ, голубушка, что это такое за шумъ?—Это наши мужички съ французами воюютъ; что тамъ у нихъ дѣлается, не знаю». А вотъ что вышло. Пришли въ Воскресенскъ человѣкъ 500 непріятелей — жители всѣ разбѣжались изъ домовъ. Французамъ хотѣлось соборъ ограбить; мужички воротились, кто съ топоромъ, кто съ пикой, кто съ вилой, да давай французовъ катать, а французы-то въ нихъ стрѣляютъ. Такая пошла война, но Господь помогъ: видно, Онъ не захотѣлъ, чтобы нехристи монастырь ограбили. Французовъ-то было 500 человѣкъ, а нашихъ не много, да нашихъ-то все прибавлялось, изъ разныхъ деревень сбѣгались на шумъ. Однихъ убьютъ, другіе готовы, колотятъ да катаютъ французовъ, кто чѣмъ попалъ. Всѣхъ положили на мѣстѣ, ни одинъ не ушелъ.

Ужъ мы не пошли прямо на Воскресенскъ, страшно было, а перешли Истру въ Сычахъ. За Воскресенскимъ французовъ больше не было. Старушка моя пошла по Волоколамской дорогѣ, а я захотѣла побывать къ своимъ роднымъ и своротила въ сторону. Село Глѣбово-Лобановское, откуда я была взята, всего 9 верстъ отъ Воскресенска. Я въ Зенькино наняла лошадь за двадцать-пять копѣекъ мѣдью; у меня денегъ своихъ ничего не было, да мнѣ старушка дала полтинникъ за труды, что я ей мѣшокъ съ деньгами несла изъ Москвы. И пріѣхала я въ Глѣбово на лошади. Какъ всѣ тамъ удивились! «Откуда тебя Господь принесъ, Дуняша!» У меня въ Глѣбовѣ было два дяди; они меня такъ обласкали и сказали, что всѣ наши пробрались въ Теплое.

Пока я тутъ была, вдругъ приходятъ двое солдатъ: не французы, а новобранцы какіе-то, такіе оборванные, общипанные, голодные, просятъ поѣсть. А деревня-то была не тронутая, все цѣло, ничего не вывезено. Мужики скорѣй за пики: говорятъ, коли мы этихъ выпустимъ, они сот-

ню наведутъ, другимъ укажутъ дорогу. Стали съ старостой спорить. Староста ихъ взялъ въ избу, посадилъ за столъ, поставилъ молока, хлѣба; а мужики-то съ пиками подъ окошкомъ шумятъ и пиками въ окно солдатамъ чуть не въ спину. Староста туда-сюда; не хотѣлось ему этихъ двухъ губить, да вѣдь онъ одинъ, а мужиковъ-то много. Какъ онъ ихъ накормилъ, тутъ мужики ихъ, сытыхъ-то, сердечныхъ, и потащили въ лѣсъ, да въ лѣсу и убили.

Куда на такія страсти смотрѣть—мы подальше спрятались. А вѣдь какіе они догадливые! Какъ ихъ въ лѣсу-то убили и раздѣли, у нихъ чего-чего не было навьючено кругъ тѣла, сколько однихъ платковъ! Шинели были всѣ въ заплатахъ, мужики ихъ и брать не хотѣли; да одинъ мужичекъ увидалъ, что изъ за заплатки что-то свѣтится. Глядь, золотой! Пошарили: чтожь! въ каждой заплаткѣ все золотые зашиты. Много ихъ тогда вынули этихъ золотыхъ.

А до меня что еще было въ Глѣбовѣ! Тамъ жилъ управляющій, французъ тоже, Егоръ Ивановичь, пожилыхъ лѣтъ, и жилъ у нихъ очень давно; покойница княгиня его очень любила, и мы тоже. Онъ смотрѣлъ за скопами, продавалъ скопы, еще кой за чѣмъ присматривалъ, и весь домъ былъ у него на рукахъ. Вдругъ мужики взвозились! Онъ французъ, онъ насъ продастъ—давай его бить! Егоръ Ивановичь никому зла не дѣлалъ, жилъ себѣ преспокойно и въ головѣ не держалъ, что̀ на него мужички замышляютъ. Мужики уже собрались, да у него была кухарка, Марья; она провѣдала да шепнула ему: спасайся, молъ, Егоръ Ивановичь, тебя хотятъ убить. Онъ было не вѣрилъ, да какъ увидалъ, что идетъ куча мужиковъ къ нему, выпрыгнулъ на задній дворъ и пустился въ бѣгъ. Тутъ былъ мой дядя Никита, такой добрый, царствіе ему небесное—онъ не пошелъ съ мужиками, а другой дядя былъ съ ними вмѣстѣ. Ну, вотъ Егоръ Ивановичь пустился въ бѣгъ. Да куда бѣжать? Мужики близко, онъ бросился въ ригу—соломы было много, онъ въ солому. Мужики давай искать въ соломѣ-то; рылись, рылись, а его не нашли. Куда онъ это пропалъ, точно сквозь землю провалился. Они обступили весь дворъ, не вѣкъ же ему тутъ сидѣть—какъ выйдетъ, мы его тутъ и схватимъ. Прождали они цѣлый день, а онъ ни гугу. Соскучились молодцы: видно, мы его упустили; онъ, должно быть, теперь далеко убѣжалъ. Мой дядя Никита, какъ увидалъ, что всѣ по домамъ разошлись, да улеглись, запрягъ лошадь да задворками и пробрался къ ригѣ. Егоръ Иванычь! гдѣ вы? Это я, Никита. Вылѣзайте скорѣй. Посадилъ его на телѣгу, ударилъ кнутомъ и проскакалъ прямо въ Теплое. Никита сдалъ Егоръ Ивановича съ рукъ на руки Василью Семеновичу *), и воротился домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Егоръ Ивановичь далъ ему 25 рублевъ и обѣщалъ, что послѣ никогда своего спасителя не забудетъ.

А кухарка Марья хотѣла Егора Ивановича имѣніе собрать и привезти къ нему въ Теплое; да мужики ничего не выдавали. «Это, все, говорятъ, господское, а не его, онъ у насъ нажилъ.» Она пошла въ Теплое, разсказала ему, что ничего не отдаютъ. Какъ быть? Василій Семеновичь нарядилъ кума Константина Ивановича садовника солдатомъ, а повара

*) Управляющій г-на Соймонова.

Марѣича офицеромъ, заложилъ тройку, да посадилъ съ ними Марью кухарку, чтобы она имъ показала все имѣніе. Пріѣхали въ Глѣбово. Марѣичь такой бравый, шпорами постукиваетъ, саблей помахиваетъ, приказалъ сей-часъ всѣхъ мужиковъ собрать. Какъ онъ на нихъ вскрикнетъ: «Гей вы, разбойники, душегубцы, с..... дѣти эдакія, подавай скорѣе все имѣніе прикащика. Французы грабятъ, и вы тоже вздумали сами расправляться»! Они было зашевелились, а онъ крикнулъ: «Молчать! Тащите все скорѣе сюда, поварачивайтесь! Ахъ вы разбойники, вотъ я васъ, сейчасъ первому голову снесу». Какъ онъ замахнулся саблею, мужики и струсили, имѣніе принесли. Наши удальцы возъ увязали, посадили Марью съ собою и ускакали въ Теплое. Они у насъ долго жили. Егоръ Иванычь жилъ у Василья Семеновича, а для кухарки и сундуковъ онъ нанималъ избушку у Лонгиновыхъ на Марьинѣ. Они тутъ жили, пока все утихло.

Я въ Глѣбовѣ погостила не долго. Потомъ собралась ѣхать къ своимъ въ Теплое. Меня дядя Никита не пустилъ пѣшкомъ, заложилъ лошадь да повезъ самъ. Подъѣзжаю къ скотному двору; тутъ первая мнѣ попалась старуха Карѣлка, идетъ за водой. Какъ она всплеснетъ руками, бросила коромысло да ведро. «Откуда тебя Господь принесъ! Мы уже думали, что тебя и въ живыхъ-то нѣтъ». Гляжу, ужъ всѣ меня обступили: разспросовъ-то, разспросовъ что было! И все объ Москвѣ горевали. А тутъ ужъ прослышали, что французъ ее оставилъ. То-то ужъ обрадовались! И раззорилъ, да оставилъ. Мы на радости молебенъ отслужили.

Е.....А....С.....ва.

ПИСЬМО ПРИКАЩИКА МАКСИМА СОКОВА КЪ И. Р. БАТАШОВУ.

Милостивый государь Иванъ Родіоновичь!

2-го Сентября въ 5-мъ часу вечера вступили въ Москву Французскія войска. Король Неапольской, ведя авангардъ на Коломенскую дорогу, остановился у вашего дома, будучи верхомъ; увѣрялъ всѣхъ насъ, чтобъ мы ни малѣйшихъ обидъ не страшились. Назначилъ своею квартирою вашъ домъ, поставилъ большой караулъ и, проводя за заставу многочисленную кавалерію составляющую страшной авангардъ, въ 7-мъ часу вечера возвратился въ домъ вашъ съ 30-го генералами и множествомъ чиновниковъ *). Для всѣхъ приготовили мы ужинъ, нарочито сытный; только бѣлаго хлѣба и калачей найти было не можно, ибо калашни и хлѣбни во всей Москвѣ были разбиты и хозяевами оставлены, почему и былъ только черный ржаный хлѣбъ. Королю же нашелъ четверть сайки у дворовыхъ дѣтей. Генералы сперва гнѣвались и говорили, что свиньи только кушаютъ такой хлѣбъ; однакожъ, бывъ голодны, принялись и за него. Король, войдя въ домъ, потребовалъ меня какъ вашего прикащика. Явясь я со свѣчей въ рукахъ, провожалъ его по парадному этажу черезъ всѣ

---

*) Росту онъ высокаго, довольно стройный, волосы свѣтлорусые локонами по плечамъ, четверти на двѣ разложенные, въ зеленой коротенькой матеревой туникѣ; бруеничные панталоны, синіе чулки и коротенькіе сапожки съ шпорами; шляпа трехъугольная съ плюмажемъ, и тоненькое, бѣлое въ три четверти вышиною перо; тихъ, и глаза ласковые; но, говорятъ, что онъ генералъ неустрашимѣйшій и первый всегда въ огнѣ.

покои; онъ пожималъ плечами и казалось, что все ему нравилось. Возвратясь въ жолтую гостиную, спросилъ, гдѣ жъ твой господинъ и кто онъ таковъ; я объявилъ, что вы заводчикъ и всегда на лѣто уѣзжали въ свои заводы, уѣхали также и нынѣ съ начала лѣта. Онъ чрезъ переводчика промолвилъ (ибо по русски ни слова не говоритъ) чтобъ я къ вамъ написалъ, дабы бы возвратились въ Москву съ тѣмъ, что онъ возметъ васъ въ свое покровительство; но я, благодаря за милостивый отзывъ, промолвилъ, что этаго сдѣлать не возможно, ибо трактъ арміями пресѣченъ, и писать къ вамъ не могу. И такъ отпустилъ меня, увѣря, чтобъ я съ домашними ничего не опасался. Ему подали кушать въ красную гостиную одному, а генераламъ и прочимъ въ столовой и залѣ. Свита безчисленная. Ужинъ кончился. Всякій генералъ требовалъ пышной постели, всякій особый покой; покоевъ много, но постелей набрать было негдѣ, ибо на холопской постелѣ спать никто не хотѣлъ, а потому съ угрозами всякій требовалъ такой, какой кому хотѣлось. Всю ночь насъ какъ кошекъ за хвостъ то туда, то сюда таскали. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ и въ лампахъ. Оставить было опасно, а гасить не посмѣли, потому всю ночь бродили мы какъ тѣни. Король спалъ въ спальнѣ, дежурные генералы въ диванныхъ и гостиныхъ, и верхній этажъ былъ полонъ чиновниковъ свиты королевской. Въ 9-мъ часу вечера загорѣлись скобяные и москательные ряды и новой гостиный дворъ; за Яузскимъ мостомъ домъ Лапина и подлѣ его другой деревянный. Къ утру 3-го Сентября у насъ на горѣ подлѣ Кирпичова и въ низъ къ Яузѣ деревянные домы занялись также, и Сикеринская фабрика близка была къ пожару, Архидіаконскія богадѣльни и поповскіе домы; но наши люди, защищая конюшни свои и магазины, не допустили загорѣться ни богадѣльнямъ, ни поповскимъ домамъ, и пожаръ 3-го числа по утру тѣмъ кончился. Домы до Яузы съ горы всѣ сгорѣли, а гостинный дворъ все еще дышалъ пламенемъ. Мы вторникъ, то есть 3-е число, провели въ величайшихъ суетахъ; ибо какъ проснулись чиновники, то требовалъ всякой того, чего кто хотѣлъ: иной чаю, иной кофе, иной бѣлаго вина, шампанскаго, Бургонскаго, водки, рейнвейна и бѣлаго хлѣба. Словомъ, каждый съ величайшими угрозами требовалъ, чтобъ его прихоти и требованія тотчасъ были выполнены; всѣхъ насъ измучили и съ ногъ сбили, такъ что пришло бѣжать и скрыться хотя въ воду. Многіе изъ служителей, утомясь, для отдыха скрылись; я и Николай Григорьевъ оставались изнуренные усталостію свидѣтелями непрерывной суматохи. Тамъ кричатъ бабы, что солдаты отняли и печеной и сырой хлѣбъ, въ другихъ покояхъ солдаты разбиваютъ сундуки и грабятъ все что ни попало. Ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ ограбленнымъ приставлены караулы, а тамъ опять грабятъ гдѣ ихъ нѣтъ. И такъ 3-е число прошло въ такой суматохѣ. Пожаръ сильный свирѣпствовалъ на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую Слободу и около Ильи Пророка. Ночь была тожъ страшная отъ пожаровъ и войскъ Французскихъ. Въ среду 4-е Сентября король, пообѣдавъ, поѣхалъ въ поле верхомъ къ арміи. Вѣтеръ подулъ съ Запада самый жесточайшій, съ сильными и необыкновенными порывами; загорѣлись домы за Моск-

вой-рѣкой отъ каменнаго моста, и пожаръ столь сдѣлался ужасенъ, что никакъ описать не возможно. Все Замоскворѣчье безъ изъятія занялось, а потомъ и у насъ Никитскаго попа и причетниковъ домы, Безбородкинъ, Кирпичовъ и всѣ тутъ на горѣ деревянные и каменные домы были объяты, Сахарова и Соймонова домы тожъ, потомъ попа Архидіаконскаго съ причетниками; наша конюшня и магазины. Искры какъ градъ сыпались на главный корпусъ и прочія части. Я, видя, что спасенія нѣтъ ни откуда, собравъ свои оставшія бумаги, отнесъ подъ контору въ чаяніи, что пожаръ тамъ не проникнетъ ихъ, и прочее нужное туда убравъ, гдѣ многихъ семействъ были сундуки и крохи, прибѣжалъ къ трепещущимъ моимъ сотоварищамъ дворовымъ, кои, собравшись въ саду, какъ устрашенные агнцы, въ кучкѣ ожидали съ сухарями на плечахъ моего прибытія; не знали, гдѣ мы можемъ не сгорѣть, рѣшились и пошли всѣ; кто былъ обремененъ дѣтями, кто хлѣбами и сухарями, кто лоскутьями и одежонкою; ибо не могли знать, куда мы должны будемъ прибѣгнуть по разрушеніи дома. Пошли чрезъ Яузу на Хованскую гору; тутъ на переходахъ солдаты Французскіе начали проходящихъ грабить у кого что было, остановили и меня. Я рвался и думалъ броситься съ переходовъ въ воду, ибо у меня было въ карманахъ 1200 руб. ассигнацій; но явился въ рѣкѣ верховой солдатъ, вынулъ пистолетъ, прицѣлился стрѣлять въ меня; товарищи мои, глядя съ другаго берега на мое положеніе, трепетали. Стоящій солдатъ на переходахъ вынулъ изъ кармана моего свертокъ ассигнацій отъ 4-хъ до 500, развернулъ, въ тожъ время сильный вѣтеръ вырвалъ изъ рукъ его ассигнаціи и разсѣялъ въ грязь и воду Яузы. Верховой кричалъ, чтобы съ переходовъ сошелъ и ему ихъ собравъ подалъ. На переходахъ стоящій держалъ меня и не пускалъ, однакожъ я вырвался, спрыгнулъ къ разсыпаннымъ ассигнаціямъ и вмѣсто, чтобъ сбирать ихъ, побѣжалъ съ остальными чрезъ воду къ кучкѣ нашихъ странниковъ; солдаты за мною не погнались и видно потому, что не хотѣли одинъ другому оставить развѣянныхъ ассигнацій; а потому мы спокойно достигли на гору въ кусты. Здѣсь къ ужасу усмотрѣли бѣглыхъ и раненыхъ Русскихъ солдатъ или мародеровъ и послѣ узнали, что они жили грабежемъ проходящихъ; однакожъ какъ насъ было много, то и не смѣли насъ до ночи грабить. Бывъ въ такомъ положеніи, смотрѣли мы съ ужасомъ, какъ загорѣлся Шурлина домъ, нашъ корпусъ противъ стараго дома, флигель, гдѣ жилъ Иванъ Ѳедоровичъ, и старый домъ весь занялся, потомъ и домъ Осипа Яковлевича. Къ довершенію нашего бѣдствія увидѣли и то, что и большаго нашего дома главной корпусъ загорѣлся, церкви Симеоновская и Архидіаконская тожъ горѣли, и всѣ домы занялися, и такъ необозримое пламя все пожирало и все Заяузье безъ остатка занялося, Замоскворѣчье тожъ безъ остатку все горѣло, ряды остальные занялися; на той сторонѣ Яузы, гдѣ мы укрывались, тожъ все занялося, и пламя объяло всю Москву, слилось, клубилось и все пожирало безъ изъятія; воздухъ наполнился несноснымъ смрадомъ, и атмосфера какъ мутная вода летающею золою, отъ чего у всѣхъ насъ глаза налилися кровію, и мы едва другъ друга узнавали, не смотря что ночь отъ пламени была свѣт-

ла какъ мрачный день. Размысля и смотря на страшную картину бѣдствій человѣческихъ, въ такомъ положеніи прошло половина ночи, и жителей обгорѣвшихъ на гору стеклося тысячи. Мы, отдѣлясь отъ всѣхъ и посадя въ гряды капусты дѣтей и женщинъ, стояли вокругъ ихъ на караулѣ и чрезъ четверть часа услыхали стенящаго человѣка за сто отъ насъ шаговъ; ребятъ нашихъ часть туда побѣжали и увидали, что Русскіе раненые и бѣглые солдаты не только ограбили бѣднаго обывателя, руки и ноги переломали, но и старались убить до смерти. Усмотря оное, отрядъ ко мнѣ нашихъ возвратился съ симъ извѣстіемъ и требовалъ позволенія отмстить убійцамъ. Я, прибавя команды, съ нею отправился съ дубьемъ въ рукахъ къ укрывшимся разбойникамъ, нашли 12 человѣкъ лежащихъ по травѣ и кустамъ съ подвязанными руками и съ связанными головами; тутъ же и тѣ самые, кои только что ограбили и убили обывателя; ребята мои, озлобясь, ударили въ дубье и мнимораненые вскоча хотѣли бѣжать, но были въ атакѣ и прибиты жестоко. Подлѣ поля сраженія нашли въ водѣ, обросшей осокою, разнаго платья и прочихъ вещей награбленныхъ ранеными воза два, изъ числа коей добычи капоты и сюртуки достались и нашимъ побѣдителямъ. Послѣ сего начало свѣтать, и пламя казалось утомленнымъ. Домы наши и прочіе жалкую изображали картину разрушенія.—5-го числа утромъ въ 5 часовъ прибрели мы всѣ къ своему дому, расположились всѣ въ саду, тутъ же нѣсколько десятковъ постороннихъ столь же несчастныхъ упросили со слезами принять ихъ въ наше бѣдное общество, что съ общаго согласія и было принято. И насъ по саду и по бесѣдкамъ собралось до 150-ти человѣкъ. Съ трудомъ можно было пробраться на большой дворъ, ибо нагорѣлыя стѣны дышали несноснымъ жаромъ, однакожъ по улицѣ въ большіе ворота достигъ я большаго двора. Тутъ увидѣлъ, что главнаго корпуса верхній и парадный этажи превращены въ груды камней, нижній же этажъ весь уцѣлѣлъ; мы сердечно тому были обрадованы въ чаяніи, что можемъ укрыться отъ стужи и непогоды; но войти въ покои было невозможно, ибо каменные своды и на нихъ кирпичь и щебень наваленные составляли въ покояхъ нижняго этажа смертельный жаръ. Главный магазинъ остался цѣлъ и не сгорѣлъ, покой же надъ нимъ сгорѣлъ [1]), сгорѣла и подъ конторой кладовая съ товарами, людскимъ багажемъ и бумагами, и думаю потому, что подлѣ дверей ея была большая деревянная ванна, наполненная лубками и бочками. Покои же надъ нею, какъ нижніе такъ и верхніе, цѣлы. Музыкантскаго флигеля нижній этажъ сгорѣлъ, а верхній цѣлъ; погреба, конюшни, платныя, хлѣбныя и людская кухня сгорѣли. Подъ оранжереею осталась цѣла какими-то судьбами одна только господская кухня съ приспѣшною; оранжереи, какъ верхнія такъ и всѣ нижнія, сгорѣли; осталась одна только на Яузѣ; ворота кромѣ большихъ желѣзныхъ всѣ сгорѣли. Гдѣ дьяконъ Симеоновской и дьячокъ жили, тутъ строенія и заборы всѣ сгорѣли, а потому окружены мы стали полемъ. Королевская кухня не успѣла вся выбраться, потому осталось много

[1]) Прочіе три придѣла деревянные съ товарами сгорѣли.

кострюль и котловъ, и нѣсколько повозокъ погорѣло. Въ нижнемъ каретномъ сараѣ все погорѣло, а изъ верхняго остальныя двѣ кареты были вывезены; но одну изъ нихъ послѣ увезли Французы. Хлѣбъ весь сгорѣлъ, дрова тоже, осталось только въ одномъ погребѣ часть огурцовъ; но мы хлѣбомъ кой-какъ перебивались. И такъ въ сей же день 5-го Сентября начался всеобщій грабежъ. Съ разсвѣтомъ дня, я первый, будучи у большихъ воротъ, взятъ четверыми солдатами, кои сняли сапоги, камзолъ и штаны, и съ ними остальныхъ лишился ассигнацій. Потомъ на всю нашу бѣдную артель солдаты какъ саранча напали и каждаго обнажили и грабили. Въ покояхъ тоже что̀ отъ пламени уцѣлѣло грабили и били. Кладовыя всѣ и сундуки разбили и все пограбили что̀ ни было, укладывали иные въ фуры и увозили. Въ магазинѣ не только двери разбиты, но и стѣны въ двухъ мѣстахъ проломаны, и тутъ было нѣкоторыхъ знакомыхъ обывателей, на случай пожарной, наставлено много сундуковъ, комодъ и шкафовъ; всѣ они разбиты и разграблены; бочки съ косами, серпами, проволокою и жестью всѣ разбиты, и товары разбросаны, кои, стараясь спасти, много разъ мы собирали и запирали для того, чтобъ обыватели не тащили; но Французы новые, видя запертой амбаръ, всегда замки сбивали въ чаяніи найдти добычу; но не найдя бросали распертой амбаръ, изъ коего жители тащили вязанками что̀ ни попало. Караулить было не можно, ибо Французы брали кто ни попалъ и накладывали свои добычи для отнесенія въ лагерь; а потому и оставался уцѣлѣлый отъ пожара амбаръ нашъ на расхищеніе. О баркѣ нашей, гдѣ она, и слуху не имѣю, да и узнать не можно. Въ сей день 5-го Сентября непрестанно всѣхъ насъ грабили и раздѣвали каждаго по 10-ти и болѣе разъ. Я и многіе къ ночи остались безъ рубашекъ и босые; я провелъ ночь въ одной худой шубенкѣ, впрочемъ нагъ и босъ. 6-го Сентября день тожъ начался грабежомъ одинакимъ, отнимали даже изъ рукъ куски хѣлба, ибо уже одежды ни на комъ кромѣ лохмотьевъ и рогожъ на насъ не было. Въ сей день разбили погребъ заложенный бѣлымъ камнемъ, въ коемъ уложены были господскія бронзы и лучшіе фарфоры и людское лучшее платьище и деньжонки, все это разграбили и частію увезли или унесли. Амбаръ нашъ опять мы заперли, и опять Французы замки сбили и проломы разваляли и дали способъ опять тащить наброду. 7-го, 8-го, 9-го и 10-го поступали съ нами одинаково и раздѣвать лохмотья наши не переставали; и день и ночь отдыху не было, одни только уходятъ, другіе являются. 11-го пошелъ я къ королю просить защиты, онъ отъ насъ переѣхалъ квартировать въ домъ Разумовскаго что̀ на Гороховомъ полѣ у Вознесенья; по приказу его написанъ мнѣ аттестатъ и рекомендація коменданту защищать домъ вашъ, меня и людей при мнѣ. Комендантъ на томъ же аттестатѣ подписалъ, чтобъ вездѣ меня не обижали и домъ и домашнихъ нашихъ не грабили. На офицеровъ билетъ сей дѣйствовалъ, но солдаты не смотря грабить продолжали съ одинаковымъ звѣрствомъ. Потомъ 13-го всѣ ваши дворы и сады наполнились обозами съ больными и ранеными, всѣхъ насъ почти вытѣснили изъ нашихъ убѣжищъ, и мы переколачивались гдѣ день гдѣ

ночь, въ ожиданіи къ лучшему перемѣны. Сказали, что и полиція учреждена, но грабежи не переставались. Оставалась одна надежда на миръ; но о немъ и слуху нѣтъ. Хлѣба нигдѣ достать не можно, да и впредь надежды не видать, ибо иной поженъ, иной забранъ войсками, а съ полей возятъ отъ всѣхъ сторонъ снопами для лошадей. Капуста, рѣдька и картофель, все солдатами истреблено. Въ такомъ бывъ положеніи, я уговаривалъ какъ съ дѣтями такъ и одинокихъ нашихъ дворовыхъ пробираться на фабрику бумажную съ тѣмъ, чтобъ дальше оттолѣ пробираться, то есть на заводы. Знаю и то, что въ заводахъ вашихъ хлѣба мало, но что̀ дѣлать; здѣсь же неизбѣжно голодная и холодная смерть должна всѣхъ насъ истребить. Въ сихъ мысляхъ три четверти народу перевелъ на фабрику. А 23-го Сентября и самъ рѣшился и пришелъ на фабрику, спася остальныя ваши деньги, на кои купя лошадей съ повозками и снабдя дорожныхъ на расходы, остальныя при семъ въ заводскую вашу контору посылаю съ Дмитріемъ Тимофѣевымъ, предполагая, что и у васъ во всемъ величайшій недостатокъ, и думаю, что и вы, милостивый государь, въ величайшемъ затрудненіи. Я же остался пока на фабрикѣ, въ ожиданіи, не будетъ ли какого отъ васъ повелѣнія, а между тѣмъ и не случится ль какой къ лучшему въ войнѣ перемѣны, и о важнѣйшемъ буду вамъ доносить съ нарочными. Буде же ни того ни другаго дождаться не могу, то и самъ принужденъ буду брести по стопамъ отправленной братіи. Москва представляетъ жалостную картину превратности жребія: большія улицы наполнены солдатами, и на каждыхъ десяти шагахъ лежитъ издохшая лошадь, да и людей валяется безъ погребенія множество. Жители, страшась своихъ побѣдителей, скрываются или въ погребахъ или въ развалинахъ, а въ нѣкоторыхъ садахъ построены многочисленные шалаши слободами, гдѣ жители питаются остальными крошками и зернами, но и то видно изсѣкаетъ, ибо неизчетное множество бѣгутъ и Москву оставляютъ. На заставахъ не останавливаютъ, а только остальныя крошки и лоскутья грабятъ и отнимаютъ.

Сей часъ явились съ Москвы ѣздоки Тихонъ-кучеръ съ товарищи и всѣхъ насъ отчаянныхъ обрадовали несказанно, что вы, милостивый государь, съ вашими родными здоровы. Иванъ Максимовичь Горностаевъ письмомъ, писаннымъ по приказу вашему, восхитилъ, извѣщая, что вы, какъ отецъ о чадахъ своихъ, печетеся о насъ и о спасеніи жизни нашей заботитесь больше, чѣмъ о погибшихъ вашихъ сокровищахъ. Да сохранитъ Создатель васъ отца нашего. Съ чувствомъ истинной признательности, есмь и до гроба пребуду,

милостивый государь, вашъ всенижайшій слуга Максимъ Соковъ.

Сентября дня
1812 года.

Бумажная Фабрика.

(Сообщено, съ современнаго списка, княземъ Львомъ Сергѣевичемъ Голицынымъ)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ М. И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА *).

.... Quaeque ipse miserrima vidi....

Разскажу что̀ видѣлъ и что̀ знаю о возстаніи въ 1825-мъ году Черниговскаго полка.

Осенью 1825-го года получилъ отпускъ князь Сергѣй Петровичь Трубецкой, штабъ-офицеръ при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Братъ Сергѣй Ивановичь пріѣхалъ въ Кіевъ просить отъѣзжающаго въ Петербургъ князя Трубецкаго, чтобы онъ всѣми силами воспрепятствовалъ тамъ всякой попыткѣ къ возстанію, предвидя лишь напрасныя жертвы.

Въ концѣ Декабря Павелъ Ивановичь Пестель извѣстилъ брата о кончинѣ императора и о двухъ доносахъ, сдѣланныхъ еще при его жизни.

Въ Декабрѣ 1825-го года Михаилъ Павловичь Бестужевъ-Рюминъ узналъ о смерти своей матери, нѣжно имъ любимой. Сочувствуя его горю, братъ мой хотѣлъ попытаться выхлопотать ему отпускъ. Бестужевъ, бывшій офицеръ стараго Семеновскаго полка, какъ и всѣ его сослуживцы, переведенъ былъ въ армію, вслѣдствіе Семеновской исторіи. Извѣстно, что, по распоряженію высшаго правительства, воспрещено было представлять ихъ къ повышенію въ слѣдующій чинъ и что они лишены были права проситься въ отпускъ и выходить въ отставку. Второй батальонъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, коимъ начальствовалъ Сергѣй Ивановичь и въ коемъ онъ вывелъ изъ употребленія тѣлесныя наказанія, считался образцовымъ во всемъ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Генералъ Ротъ, корпусный командиръ, до того благоволилъ къ брату, что два раза представлялъ его въ полковые командиры.

22-го Декабря 1825 года братъ отправился въ корпусную квартиру съ цѣлью выхлопотать отпускъ Бестужеву. На послѣдней станціи, не доѣзжая до Житоміра, мы получили (я сопутствовалъ брату) отъ сенатскаго курьера, развозившаго присяжные листы, первое извѣстіе о дѣлѣ 14-го Декабря.

По пріѣздѣ въ Житоміръ, братъ поспѣшилъ явиться къ корпусному командиру, который подтвердилъ слышанное отъ курьера. Объ отпускѣ Бестужева нечего уже было хлопотать. Ротъ пригласилъ брата отобѣдать у него. Во время стола не было другаго разговора кромѣ какъ о Петербургскомъ событіи; поминали о смерти графа Михаила Андреевича Милорадовича. Когда братъ возвратился на квартиру, коляска была готова, и мы поѣхали обратно въ Васильковъ, черезъ Бердичевъ. На пути заѣхали къ Петру Александровичу Набокову, бывшему Семеновскому офицеру, назначенному, до Семеновской исторіи, командиромъ полка въ 8-ой пѣхотной дивизіи. Мы не застали Набокова дома, онъ отлучился по дѣламъ службы. Въ Троиновѣ заѣхали мы къ Александру Захаровичу Муравьеву; а потомъ въ Любарѣ къ брату его Артамону Захаровичу. Потребовалась какая-то починка въ коляскѣ, мы бросили ее въ Любарѣ и наняли Жидовскую форшпанку. Ночью въ Бердичевѣ перемѣнили лошадей и поѣхали дальше.

Не доѣзжая до Василькова, мы остановились въ Трилѣсьѣ, мѣсторасположеніи пятой мушкетерской роты, числившейся въ братниномъ батальонѣ. Она не возвращалась еще изъ Василькова, куда ходила по случаю второй присяги. Въ Трилѣсьѣ мы остановились

*) Считаемъ долгомъ выразить признательность нашу досточтимому ветерану 1812 года Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу за эти воспоминанія, вызванныя напечатанными выше (стр. 257) бумагами о возстаніи Черниговскаго полка и продиктованныя по нашей просьбѣ. Въ 1825 г. Матвѣй Ивановичъ только что вышелъ въ отставку подполковникомъ изъ Полтавскаго пѣхотнаго полка, въ который поступилъ вслѣдствіе исторіи Семеновскаго полка, гдѣ онъ служилъ прежде. *П. Б.*

на квартирѣ А. Д. Кузьмина, командира пятой роты.

Бестужевъ прискакалъ въ Трилѣсье съ увѣдомленіемъ о томъ, что, во время отсутствія брата, жандармы пріѣзжали изъ Петербурга и что, не найдя его въ Васильковѣ, забрали всѣ его бумаги и поѣхали въ Житоміръ. Мы узнали отъ Бестужева, что Петербургскіе жандармы ждали брата, чтобы его задержать и что, въ ту самую ночь, когда мы перемѣняли лошадей, Бердичевъ былъ оцѣпленъ войскомъ, и на всѣхъ выѣздахъ стояли часовые.

Въ ночь съ 28-го на 29-го Декабря, командиръ Черниговскаго полка Гебель, съ жандармскимъ капитаномъ Лангомъ, гнавшіеся за братомъ отъ самаго Житоміра, настигли его въ Трилѣсьѣ.— Послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ дорогѣ, раздѣвшись, братъ легъ спать. Гебель просилъ насъ одѣться, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе. Оно заключалось въ томъ, чтобы насъ арестовать и препроводить въ Петербургъ.

Мы пригласили Гебеля напиться чаю, на что онъ охотно согласился. Пока мы сидѣли за чаемъ, наступилъ день. Кузьминъ съ своей ротой возвратился изъ Василькова. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли всѣ ротные командиры втораго батальона Черниговскаго полка, чтобы навѣдаться о своемъ батальонномъ начальникѣ. — Гебель занялся разстановкою часовыхъ вокругъ хаты и поставилъ по два человѣка противъ каждаго окошка хаты. Возвратившись въ комнату и обращаясь къ офицерамъ съ тономъ угрозы, онъ спросилъ ихъ, что они тутъ дѣлаютъ?—Кузьминъ отвѣчалъ ему, что онъ у себя на квартирѣ. — „Какъ вы смѣли говорить съ арестантомъ?“ — Такая неумѣстная выходка Гебеля возбудила въ офицерахъ взрывъ негодованія. Кузьминъ подошелъ къ нему и, грозя пальцемъ, напомнилъ, сколько разъ Сергѣй Ивановичъ выручалъ его изъ бѣды. Гебель не выдержалъ укоровъ, вышелъ изъ комнаты; офицеры пошли за нимъ. Вскорѣ послышались громкіе возгласы, крики. Испуганный жандармъ, мужчина рослый, бросился на колѣни передъ братомъ, прося его (на Французскомъ языкѣ) пощадить его жизнь. Братъ успокоилъ его, увѣряя, что жизни его не угрожаетъ ни малѣйшая опасность. Жандармъ вышелъ изъ хаты и тутъ-же выѣхалъ изъ Трилѣсья.

Хотя я не былъ свидѣтелемъ побоища, но утвердительно могу сказать, что раны, будто-бы нанесенныя штыкомъ Гебелю въ грудь и въ бокъ — чистая ложь. Не поручусь въ томъ, чтобъ его не ударили ружейнымъ прикладомъ. При такихъ ранахъ, о которыхъ говорится въ донесеніяхъ, Гебель не могъ бы немедленно возвратиться въ Васильковъ.

Гебель, за свое усердіе и распорядительность, былъ назначенъ вторымъ Кіевскимъ комендантомъ. Не смотря на то, можно безошибочно сказать, что будь на мѣстѣ Гебеля полковымъ командиромъ Черниговскаго полка человѣкъ заслуживающій уваженіе своихъ подчиненныхъ и болѣе разумный, не было бы ни возмущенія, ни возстанія.

Пятая рота, узнавъ объ освобожденіи изъ подъ ареста своего батальоннаго командира, привѣтствовала его громкимъ крикомъ: ура! Братъ приказалъ солдатамъ разойтись по своимъ квартирамъ, собрать свои пожитки и готовиться къ походу.

Неожиданныя событія, столь быстро послѣдовавшія одно за другимъ: арестъ и за тѣмъ немедленное освобожденіе, вслѣдствіе возмущенія офицеровъ, поставили брата въ безвыходное положеніе.

Участвовавшій въ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Сергѣй Ивановичъ достаточно былъ свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, чтобы не питать никакой надежды на успѣхъ возстанія при силѣ, заключавшейся въ горсти людей. Но обстоятельства такъ сложились, что возстаніе, непредвидимое, неприготовленное, было уже совершившимся фактомъ, вслѣдствіе грубаго, безразсуднаго об-

хожденія Гебеля съ офицерами, уваженія которыхъ не умѣлъ онъ снискать. Солдаты ненавидѣли его, сочувствовали своимъ офицарамъ, питали къ нимъ полное довѣріе, а тѣмъ болѣе къ Сергѣю Ивановичу. Они ему говорили, что готовы слѣдовать за нимъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ. Офицеры, нарушившіе законъ военнаго повиновенія, изъ преданности и любви къ нему, ожидали его рѣшенія. Покинуть ихъ—значило бы отказаться раздѣлить съ ними горькую участь, ихъ ожидавшую. Братъ рѣшился идти въ походъ для соединенія съ 8-ою пѣхотною дивизіею, расположенною за Житоміромъ. Въ 8-ой пѣхотной дивизіи находились многіе члены Тайнаго союза и Общества Соединныхъ Славянъ. Въ числѣ первыхъ считалось нѣсколько полковыхъ командировъ, на содѣйствіе которыхъ можно было положиться: нѣсколько ротъ стараго Семеновскаго полка переведены были въ эту дивизію и вполнѣ довѣрились брату. Офицеры пѣшей 8-ой артиллерійской бригады, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти государя. дали знать Сергѣю Ивановичу, что у нихъ все готово къ походу и лошади подкованы на зимнія шипы. Къ тому же надежда, что возстаніе на югѣ, отвлекая вниманіе правительства отъ товарищей-сѣверянъ, облегчитъ тяжесть грозившей имъ кары, какъ-бы оправдывала, въ его глазахъ, отчаянность его предпріятія; наконецъ и то соображеніе, что, вслѣдствіе доносовъ Майбороды и Шервуда, намъ не будетъ пощады, что казематы тѣ-же безмолвныя могилы; все это, взятое вмѣстѣ, посѣяло въ братѣ Сергѣѣ Ивановичѣ убѣжденіе, что отъ предпріятія, по видимому безразсуднаго, нельзя было отказаться, и что настало время искупительной жертвы.—Рота выступила изъ Трилѣсья. Ночлегъ нашъ былъ въ селѣ Спидинки. 30-го Декабря, около третьяго часа по полудни, роты дошли до Василькова. Противъ насъ была выставлена цѣпь стрѣлковъ. Когда рота подошла къ ней на такое разстояніе, что можно было разглядѣть лица солдатъ, стрѣлки съ крикомъ: ура! соединились съ своей пятой ротой и вмѣстѣ съ ней вступили въ Васильковъ.—По вступленіи въ городъ, братъ принялъ слѣдующія мѣры: освободилъ изъ подъ ареста М. А. Щепилу, барона Веніамина Николаевича Соловьева, Ивана Ивановича Сухинова, возвратившихся наканунѣ изъ Трилѣсья; усилены были караулы у острога и у казначейства; нарядженъ былъ оберегательный караулъ къ дому, занимаемому Гебелемъ; отданъ былъ приказъ, на всѣхъ заставахъ, никого не впускать въ городъ и не выпускать изъ него, безъ вѣдома и разрѣшенія брата. Ночь прошла спокойно.—Нѣсколько офицеровъ, ѣхавшихъ въ отпускъ или возвращавшихся въ свои полки, являлись къ Сергѣю Ивановичу и безъ задержки отправлялись далѣе. Проѣзжій жандармъ задержанъ былъ ночью. 31-го Декабря, второй батальонъ Черниговскаго полка, въ полномъ своемъ составѣ, рано утромъ соединился въ Васильковѣ; двѣ роты перваго батальона присоединились тоже къ намъ. Послѣ продолжительнаго колебанія полковой священникъ Черниговскаго полка согласился отслужить молебенъ и прочесть передъ фрунтомъ катехизисъ, составленный братомъ. Въ немъ излагались обязанности воина въ отношеніи къ Богу и Отечеству.

Роты, помолившись, готовились выступить изъ Василькова; тутъ подъѣзжаетъ почтовая тройка, и братъ Ипполитъ бросается въ наши объятья. Ипполитъ, только что выдержавъ блестящій экзаменъ, былъ произведенъ въ офицеры генерал. штаба и опредѣленъ во вторую армію. Напрасно мы его умоляли ѣхать далѣе въ Тульчинъ, мѣсто его назначенія: онъ остался съ нами.

31-го Декабря прибыли мы въ с. Мотовиловку, гдѣ у насъ была дневка, по случаю новаго года.

2 го Января 1826-го года братъ Сергѣй Ивановичъ намѣревался направить-

ся на Бердичевъ, чтобы воспользоваться лѣсистою мѣстностью. Узнавъ, что 18-ый егерскій полкъ, расположенный въ Бѣлой Церкви, выставленъ противъ насъ, онъ свернулъ на Житоміръ, кратчайшею дорогою, черезъ Трилѣсье.

3-го Января 1826-го г. на привалѣ мы узнали, что кавалерійскій отрядъ съ конно-артиллерійскою ротою загораживаетъ путь въ Трилѣсье. Всеобщая радость: конно-артиллерійскою ротою начальствовалъ полковникъ Пыхачевъ, членъ Тайнаго Союза. Въ 1860 г., жительствуя въ Твери, я только тогда узналъ, что Пыхачевъ, наканунѣ того дня, когда его рота выступила противъ насъ, былъ арестованъ. Мы снялись съ привала, построились въ ротныя коконны и пошли далѣе. Мѣстность оказалась самою невыгодною для пѣхоты, имѣющей встрѣтиться съ кавелеріею. Отрядъ, пушки въ виду. Мы подвигаемся впередъ. Раздается пушечный выстрѣлъ, за нимъ второй, ядро пролетѣло надъ головами. Мы все шли впередъ. Открылась пальба картечью, у насъ нѣсколько человѣкъ пало, одни убитыми, другіе раненными, въ числѣ первыхъ начальникъ шестой мушкатерской роты, штабсъ-капитанъ Михаилъ Алексѣевичь Щепила. Тогда Сергѣй Ивановичь рѣшился прекратить неравный бой и спасти свою команду отъ неминуемой погибели, и приказалъ поставить ружья въ козлы. Солдаты, повинуясь ему, не понимали, съ какимъ намѣреніемъ начальникъ остановилъ ихъ на походѣ. Сергѣй Ивановичь имъ сказалъ, что виноватъ передъ ними, что, возбудивъ въ нихъ надежду на успѣхъ, онъ ихъ обманулъ. Артиллеристамъ Сергѣй Ивановичь сталъ махать бѣлымъ платкомъ и тутъ-же упалъ, пораженный картечью. Ипполитъ, полагая, что братъ убитъ, застрѣлился изъ пистолета.

Насъ разсадили въ сани; пришлось намъ проѣхать мимо нашихъ солдатъ, которые съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на брата. Ни у кого изъ нихъ на лицѣ не проявилось ни малѣйшаго знака укора. Послѣ нашего отъѣзда, кавалерія обступила Черниговскихъ солдатъ.

Въ Трилѣсьѣ насъ помѣстили въ корчму, приставивъ къ намъ караулъ изъ Бѣлорусскихъ гусаръ. У брата рана не была перевязана, и нечѣмъ было перевязывать. Вещи наши, и бѣлье, и прочее, расхищены были гусарами.

Наступила ночь, подали огонь.—Кузьминъ, лежавшій на соломѣ противъ меня, просилъ меня подойти къ нему. Я ему указалъ на раненую голову брата, лежавшую на моемъ плечѣ. Кузьминъ, съ видимымъ напряженіемъ, подползъ ко мнѣ, передалъ рукопожатье, по которому Соединенные Славяне узнавали своихъ, простился дружелюбно со мною, доползъ до своей соломы, и тутъ же лежа застрѣлился изъ пистолета, спрятаннаго въ сюртучномъ рукавѣ у него. Кузьминъ скрылъ отъ насъ полученныя имъ двѣ картечныя раны, одну въ бокъ, другую въ лѣвую руку.—Хочу сказать о немъ нѣсколько словъ.

Анастасій Дмитріевичь Кузьминъ воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1823 году, случилось мнѣ заѣхать къ брату Сергѣю Ивановичу въ Васильковъ. Засталъ я его занятымъ съ утра до вечера службою, по случаю поступившихъ въ его батальонъ рекрутъ, которыхъ онъ самъ лично обучалъ. Братъ просилъ меня проѣхаться на его верховой лошади, чтобы ее объѣздить. На Васильковской площади, по которой пролегаетъ дорога изъ Кіева въ Бердичевъ и гдѣ безпрестанно снуютъ Польскія брички, я засталъ учебную команду Черниговскаго пѣхотнаго полка. Инструкторы, унтеръ-офицеры держали въ рукахъ палки, концы которыхъ измочалились отъ побоевъ. Я тогда еще находился въ службѣ, приказалъ призвать къ себѣ офицера, завѣдующаго учебной командой. Ко мнѣ явился Кузьминъ. Напомнивъ ему о статьѣ рекрутскаго устава, по которой запрещается, при обученіи, бить рекрутъ, я присовокупилъ:

„Стыдитесь, г. офицеръ, доставлять

Польскимъ панамъ потѣшное зрѣлище: показывать имъ, какъ умѣютъ обращаться съ ихъ побѣдителями!" За тѣмъ я приказалъ бросить палки и уѣхалъ.—Возвратившись къ брату, я ему разсказалъ мою встрѣчу съ Кузьминымъ, отъ котораго ожидалъ вызова. Братъ предложилъ мнѣ быть моимъ секундантомъ; требованія удовлетворенія не послѣдовало. Проживши съ братомъ еще три недѣли, поѣхалъ я въ отцовское помѣстье, а тамъ въ Петербургъ.—Въ 1824-мъ году я опять пріѣхалъ навѣстить брата и засталъ у него Кузьмина, который бросился ко мнѣ въ объятія, благодаря меня за то, что я его образумилъ, выставивши предъ нимъ всю гнусность тѣлеснаго наказанія. Братъ мнѣ разсказалъ, что Кузьмина нельзя узнать, что онъ вступилъ въ солдатскую артель своей роты и что живетъ съ нею, какъ въ родной семьѣ.

Отъ выстрѣла, сдѣланнаго Кузьминымъ, съ братомъ повторился обморокъ, которому онъ уже нѣсколько разъ до того подвергался, въ слѣдствіе потери крови изъ неперевязанной раны.

Утромъ 4-го Января 1826-го г. рану перевязали, подали сани; приготовленъ былъ конвой изъ Маріупольскихъ гусаръ, чтобы отвезти насъ въ Бѣлую Церковь. Сначала начальникъ конвоя долго не соглашался на нашу просьбу дозволить намъ проститься съ братомъ нашимъ Ипполитомъ, потомъ повелъ насъ къ нежилой, довольно пространной хатѣ. На полу лежали голыя тѣла убитыхъ, въ числѣ ихъ и братъ нашъ Ипполитъ. Лице его не было обезображено пистолетнымъ выстрѣломъ; на лѣвой щекѣ подъ глазомъ замѣтна была небольшая опухоль, выраженіе лица было гордо-спокойное. Я помогъ раненому брату Сергѣю стать на колѣни; поглядѣли на нашего Ипполита, помолились Богу и дали послѣдній поцѣлуй нашему убитому брату.

Меня посадили въ сани вмѣстѣ съ раненымъ братомъ. Дорогою мы утѣшали себя мыслію, что и въ Сибири, гдѣ бы мы ни были брошены, мы будемъ неразлучно вмѣстѣ. Молодой Маріупольскій гусарскій офицеръ, который былъ посаженъ на передкѣ нашихъ саней, безъ вызова на разговоръ съ нашей стороны, заговорилъ о своемъ и своихъ сослуживцевъ сочувствіи къ намъ.

Въ Бѣлой Церкви насъ размѣстили по разнымъ хатамъ и лишили меня тѣмъ послѣдняго, какъ бы сказать, утѣшенія —ухаживать за раненымъ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ. Этимъ я оканчиваю свой разсказъ о возстаніи въ 1825-мъ году Черниговскаго пѣхотнаго полка.

*

Вотъ чѣмъ объясняется подкупъ палача, о коемъ упоминается на стр. 282 Русскаго Архива 1871-го года, подъ заглавіемъ: „Бунтъ Черниговскаго полка."

Фланговый (по тогдашнему флигельманъ) перваго батальона Черниговскаго полка, солдатъ, храбрости испытанной, добраго поведенія, бывшій въ походахъ и во многихъ сраженіяхъ, началъ съ 1823-го года совершать частые побѣги. Когда ротный его командиръ, послѣ вынесеннаго имъ, за новый побѣгъ, ужаснаго истязанія, сталъ увѣщавать его, вспоминая его прежнюю службу, не подвергать себя мученіямъ, онъ отвѣчалъ, что пока его не лишатъ солдатскаго званія, не накажутъ кнутомъ и не сошлютъ въ Сибирь, онъ не прекратитъ побѣговъ; что каторга легче службы.—Въ то время, послѣ извѣстнаго числа побѣговъ, провинившихся приговаривали къ торговой казнѣ и ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу. Фланговый перваго батальона Черниговскаго полка достигъ своей цѣли и былъ приговоренъ къ кнуту и каторгѣ. Братъ пожалѣлъ стараго солдата, поручилъ своему человѣку передать деньги палачу, чтобы онъ пощадилъ приговореннаго къ казни.—Въ тѣ времена случалось, и неоднократно, что солдаты совершали убійства надъ первымъ, попавшимся имъ на встрѣчу человѣкомъ; убивали даже дѣтей, и все съ единственною цѣлью избавиться отъ службы.

I.

ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ АБРАМОВИЧА БАРАТЫНСКАГО.

а) Къ В. А. Жуковскому.

1.

5 Марта 1824 года.

Болѣзнь, почтенный Василій Андреевичъ, препятствовала мнѣ изъявить Вамъ мою признательность за трогательныя строки, доставленныя мнѣ Дельвигомъ. Вы меня благодарите въ нихъ за письмо мое, какъ будто я обязалъ Васъ потрудившись написать его, и забывая, что Вы одни мнѣ благодѣтельствуете, помните только, что я несчастливъ и имѣю нужду въ утѣшеніи. Повѣрьте, что мнѣ не тягостна благодарность, особенно благодарность къ Вамъ. Я любилъ Васъ, плакалъ надъ Вашими стихами, прежде нежели узналъ Васъ лично, прежде нежели могъ предвидѣть, что мнѣ могутъ быть полезны прекрасныя качества Вашего сердца.

До меня дошли такія хорошія вѣсти о моемъ дѣлѣ, что право я боюсь имъ вѣрить. Препоручаю судьбу мою Вамъ, моему Генію-покровителю. Вы начали, Вы и довершите. Вы возвратите мнѣ общее человѣческое существованіе, котораго я лишенъ такъ давно, что даже отвыкъ почитать себя такимъ же человѣкомъ, какъ другіе; и тогда я скажу вмѣсгѣ съ Вами: хвала поэзіи, поэзія есть добродѣтель, поэзія есть сила; но въ одномъ только поэтѣ, въ Васъ, соединены всѣ ея великія свойства.

Да будутъ дни Ваши такъ прекрасны какъ Ваше сердце, какъ Ваша поэзія. Лучшаго желанія не можетъ придумать до глубины души Вамъ преданный

Баратынскій.

2.

Почтенный Василій Андреевичъ!

По совѣту дяди моего, я пишу къ будущей Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и прошу ея покровительства въ моемъ дѣлѣ. Для человѣка Вашего сердца, не нужны краснорѣчивыя убѣжденія, чтобъ подвинуть его къ благодѣтельной дѣятельности; довольно одного увѣдомленія. Ежели, при этомъ случаѣ, Вы можете мнѣ быть полезнымъ, не откажите мнѣ въ Вашей помощи. Я съ моей стороны увѣренъ, что Великая Княгиня, предувѣдомленная Вами обо мнѣ, какъ объ человѣкѣ съ нѣкоторыми дарованіями (Вы не погрѣшите, ежели кое-что и прибавите) приметъ двойное во мнѣ участіе. Я пишу къ дядѣ, чтобъ онъ постарался передъ поданіемъ письма моего съ Вами увидиться. Извините, почтенный Василій Андреевичъ, ежели я пишу къ Вамъ слишкомъ наскоро и безъ особаго старанія. Дядя торопитъ меня, и въ одно утро я долженъ былъ изготовить грамоту къ Великой Княгинѣ, письмо къ нему и это маранье къ Вамъ. Не успѣвая изъяснить вамъ всю мою благодарность за всегдашнее Ваше участіе въ судьбѣ моей, оставляю всю ее въ моемъ сердцѣ. Всей душою преданный

Баратынскій.

б) Къ А. И. Тургеневу.

Ваше Превосходительство,

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Еслибъ я не былъ глубоко тронутъ великодушнымъ Вашимъ участіемъ, я не имѣлъ бы сердца.

Не скажу ни слова болѣе о моей признательности: Вы ни на кого не похожи; нѣтъ такого человѣконенавистника, который не помирился бы съ людьми, встрѣтя Васъ между ними. Многое могъ бы я прибавить; но мое дѣло не судить, а чувствовать.

Арсеній Андреевичъ [1]) правъ, желая повременить представленіемъ; настоящая тому причина рѣшительна. На послѣдней докладной запискѣ обо мнѣ, рукою милостиваго Монарха, было отмѣчено такъ: *не представлять впредь до повелѣнія*. Вотъ почему я и не былъ представленъ въ Петербургѣ. Вы видите, что послѣ такого рѣшенія Арсеній Андреевичъ иначе какъ на словахъ не можетъ обо мнѣ ходатайствовать, и что онъ подвергается почти вѣрному отказу, если войдетъ съ писменнымъ представленіемъ. Едвали не лутче подождать; два мѣсяца пройдутъ непримѣтно, а я привыкъ уже къ терпѣнію.

Хотя Ваше Превосходительство сами удостоиваете освѣдомляться о поэтическихъ моихъ занятіяхъ, можетъ быть и поступлю не скромно, ежели скажу Вамъ, что я написалъ небольшую поэму и ежели попрошу у Васъ позволенія доставить Вамъ съ нея списокъ. Стихи все мое добро, и это приношеніе было бы лептою вдовицы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего превосходительства покорный слуга

Баратынскій.

Гельзингфорсъ. Октября 31 дня.

[1]) Закревскій.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ В. А. КАРАТЫГИНА КЪ П. А. КАТЕНИНУ.

1824 Іюля 12. На дняхъ я читалъ Грибоѣдову вашу Андромаху, и она, не смотря на то, что онъ слышалъ ее отъ васъ, сдѣлала надъ нимъ сильный эффектъ; и надо правду сказать—чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше хочется. Мнѣ кажется, что Грибоѣдовъ есть человѣкъ безцѣнный; какъ онъ васъ любитъ и какъ чувствуетъ настоящую цѣну вашего превосходнаго дарованія. Онъ теперь хлопочетъ о пропускѣ своей прекрасной комедіи Горе отъ ума, которой врядъ ли быть пропущенной.

1828 Мая 4. Пушкинъ (адресъ его здѣсь въ П-бургѣ, въ трактирѣ Демута) просился также ѣхать съ царемъ [1]), но получилъ отказъ.

1828 Ноября 13. Что же касается до Пушкина, то вопервыхъ, я съ нимъ не очень знакомъ, а во вторыхъ онъ сдѣланъ маршаломъ въ печальной коммиссіи (по императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ) стало быть у него дѣла куча.

1829 Марта 24. Вамъ, я чаю, извѣстно изъ газетъ ужасное произшествіе съ нашимъ посломъ и посольствомъ въ Персіи! Бѣдный Грибоѣдовъ! Дорого заплатилъ онъ за свое повышеніе. Слухи о причинѣ сей рѣзни различные; одни говорятъ о ссорѣ людей Грибоѣдова съ Персіанами и убійствѣ одного изъ нихъ, какъ объ искрѣ воспалившей пламя; другіе слухи, невыгодные для Грибоѣдова, суть: будто бы онъ по просьбѣ родственниковъ двухъ Армянокъ, вытребовалъ ихъ изъ гарема; но вмѣсто того чтобъ отослать во свояси, онъ оставилъ ихъ у себя, почему одна изъ женщинъ (принявшая уже магометанскую вѣру) выбѣжала на кровлю, стала кричать; первый Персіанинъ, пришедшій на крикъ, былъ убитъ; прибѣжали съ базара другіе, и заварилась каша.

[1]) Въ Валахію, во время Турецкой войны.

По сему обвиненію противорѣчитъ его недавняя женитьба.

1829 Мая 25. Читали ли вы Пушкина новую поэму Полтава? Можетъ быть я ошибаюсь, но по моему надо перемѣнить П на Б. Что за стишонки! Въ разговорѣ Мазепы съ Маріей, я такъ и вижу Шаховскаго: благоволилъ помочь, творецъ!... Съ какимъ носомъ остались безусловные хвалители Пушкина!... Трубили, кричали—и гора родила мышь. Она рѣшительно не понравилась, и Пушкинъ въ бѣшенствѣ, зоветъ насъ дураками. Натурально, что у него и въ дурномъ найдется хорошее; но тутъ его очень мало. Сцену изъ Ромео, которая вамъ такъ понравилась въ Сѣв. Цвѣтахъ, перевелъ Плетневъ.

1830 Ноября 12. Пушкинъ въ Москвѣ обвороженъ и очарованъ, короче онъ *огончарованъ*; сирѣчь онъ женится на Гончаровой, извѣстной Московской красавицѣ и богачкѣ; но многіе говорятъ, будто это свадьба расходится. Подивитесь, что и Пушкинъ наконецъ читаетъ частыя на себя брани въ Сѣверной Пчелѣ и Сынѣ Отеч.; причина та, что онъ осмѣлился найти дурнымъ ромамъ Булгарина *Димитрій Самозванецъ*, и ругательства посыпались градомъ, до того площадныя, что по Высочайшему приказу, Булгарина посадили на гауптвахту, гдѣ онъ и сидѣлъ сутки.

1831 Марта 5. Недавно вышелъ въ свѣтъ Борисъ Годуновъ Пушкина; какого роду это сочиненіе—предоставляется судить каждому; онъ самъ не назвалъ его ни трагедіею ни поэмой; по моему это галиматья въ шекспировскомъ родѣ. Брань у него съ Булгаринымъ продолжается, хотя слабѣе, чѣмъ прежде.

1831 Мая 8. (Въ Литературной Газетѣ была помѣщена рецензія сочиненій Булгарина) онъ, узнавъ сочинителя неподписанной статьи въ Пушкинѣ, пустилъ первую ракетку въ Пчелѣ анекдотомъ объ Гофманѣ, которому дѣлалъ молодой авторъ упрекъ. Замѣтьте, что это были цвѣточки; вслѣдъ за тѣмъ появилась критика на VII гл. Онѣгина, въ которой она разругана въ пухъ. Пушкинъ не заставилъ себя дожидаться, помѣстилъ въ Литерат. Газ. анекдотъ объ Видокѣ, гдѣ списалъ портретъ съ Булгарина.

(*Сообщено изъ подлинныхъ писемъ А. М. Лазаревскимъ*)

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Въ книгѣ „Сѣверъ Россіи“ М. Сидорова на стр. 13 напечатано слѣдующее:

„Неужели мы забыли вѣрноподданнѣйшаго изъ Англичанъ же, Русскаго начальника Архангельскаго порта генерала Бойля, котораго Архангельскій епископъ Варлаамъ уличилъ, во время послѣдней войны, въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ и въ томъ, что онъ перевезъ на казенномъ пароходѣ Англійскаго консула Вайтеда изъ Архангельска на пароходъ Миранду, громившій Соловецкій монастырь? Развѣ не созналъ этого и самъ адмиралъ Бойль? Онъ прекратилъ свою жизнь въ тотъ самый день, когда Государь Императоръ назначилъ ему аудіенцію; а епископа Варлаама, за его услугу, возвели въ санъ архіепископа“.

Такой отзывъ о покойномъ вице-адмиралѣ Бойлѣ вполнѣ противорѣчитъ имѣющимся въ архивныхъ дѣлахъ Морскаго Министерства свѣдѣніямъ.

Изъ архивныхъ дѣлъ Морскаго Министерства видно слѣдующее:

1) Архангельскій главный командиръ вице-адмиралъ Бойль въ рапортѣ отъ 1-го Сентября 1854 г. за № 2793 доносилъ Его Императорскому Высочеству управляющему Морскимъ Министерствомъ: „Великобританскій подданный

Джонъ Вайтедъ, бывшій до объявленія войны Великобританскимъ консуломъ при Архангельскомъ и прочихъ Бѣломорскихъ портахъ, получилъ чрезъ шкипера одного коммерческаго корабля словесное извѣщеніе отъ командира Англійской эскадры, крейсирующей въ Бѣломъ морѣ, что онъ имѣетъ отъ Англійскаго правительства предписаніе принять Вайтеда съ семействомъ, для отправленія въ Англію, на одно изъ судовъ, находящихся подъ его командою. По просьбѣ Вайтеда посланъ былъ парламентеръ съ открытымъ отъ Вайтеда письмомъ къ командиру означенной эскадры, отъ коего и полученъ отвѣтъ". Представляя при рапортѣ засвидѣтельствованныя копіи съ этихъ двухъ писемъ, вице-адмиралъ Бойль присовокупилъ, что Вайтедъ 3-го числа того же Сентября будетъ отправленъ на казенномъ пароходѣ подъ парламентерскимъ флагомъ на Англійскую эскадру, и затѣмъ рапортомъ отъ 4-го Сентября за № 2823 довелъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, что Вайтедъ дѣйствительно 3-го Сентября отправленъ съ семействомъ на казенномъ пароходѣ подъ парламентерскимъ флагомъ на Англійскую эскадру, стоявшую въ то время у Двинскаго бара. Въ третьемъ рапортѣ отъ 22-го Сентября за № 3039, вице-адмиралъ Бойль доносилъ Его Императорскому Высочеству, что объ отправленіи Вайтеда имъ было въ тоже время сообщено и военному министру. На такое донесеніе военному министру онъ получилъ отвѣтъ генералъ-адъютанта Катенина, что „по доведеніи до свѣдѣнія Государя Императора объ отправленіи Вайтеда, Его Величество, сожалѣя, что иностранецъ сей отпущенъ черезъ море, изволилъ замѣтить, что было бы лучше возвратить его сухимъ путемъ".

и 2) Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ, увѣдомилъ 18-го Декабря 1854 г. Его Императорское Высочество Генерала-Адмирала, что на всеподданнѣйшей его запискѣ о последовавшей 15-го Декабря кончинѣ Архангельскаго военнаго губернатора, вице-адмирала Бойля, Государю Императору благоугодно было начертать слѣдующую высочайшую резолюцію: „Крайне жаль! Не знаю кѣмъ его замѣнимъ, теперь важнѣе чѣмъ когда".

Съ разрѣшенія Государя Великаго Князя Генерала-Адмирала честь имѣю обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою напечатать это письмо въ издаваемомъ вами „Русскомъ Архивѣ". Морское Министерство убѣждено, что напечатаніе этихъ свѣдѣній въ вашемъ изданіи послужитъ лучшимъ средствомъ для опроверженія помѣщеннаго въ книгѣ Сидорова отзыва о покойномъ Архангельскомъ главномъ командирѣ Бойлѣ, потому что свѣдѣнія эти, будучи напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ", не ускользнутъ отъ вниманія будущаго историка того края и того времени. Примите и пр.

К. Маннъ.

Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. Томъ I-й. Спб. 1870. in-8; стр. LXVIII и 774.

„Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ де-„ревнѣ у себя мельницу построить, а не „имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера „и болота, имѣющія воды довольство, „немедленно зачалъ, по согласію оныхъ. „каналъ копать и на мельницу припасъ „заготовлять, котораго хотя при себѣ „въ совершенство привесть не могъ, но „дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія „родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись „и совершили".

„Легче всякое новое дѣло съ Богомъ „начать и окончить, нежели старое по-„порченное дѣло починивать".

Въ сейчасъ приведенныхъ: апологѣ, сказанномъ Петромъ I Татищеву, который на просьбу Блументроста поискать въ Швеціи ученыхъ для учреждавшейся Академіи, отвѣчалъ, что „на-„прасно искать сѣмянъ, когда земли, на

„которую сѣять, не приготовлено (Ист. Ак., XIII) - и присловицѣ, часто повторявшейся царемъ (т. же, XXVIII), заключается не только объясненіе пріемовъ, при помощи которыхъ учреждена наша Академія, но и разгадка всей исторической дѣятельности преобразователя.

Противники Петровской реформы конечно готовы поднять вопросъ о томъ, можно ли приравнивать духовное и научное общеніе людей къ матеріальному факту прорытія канала; съ Богомъ ли начаты Петромъ многія изъ „новыхъ“ дѣлъ его, и можно ли даже назвать ихъ въ обширномъ смыслѣ новыми, такъ какъ они составляли заимствованіе того, что давно уже существовало въ другихъ странахъ.

Какъ бы то ни было, но фактъ остается фактомъ, и преобразованія, предпринятыя Петромъ, пошли по пути, имъ указанному. Въ числѣ его нововведеній была и Академія Наукъ, учрежденная хотя послѣ него, но по его мысли и на основаніяхъ иностранныхъ. До воцаренія Елизаветы Петровны, она имѣла 4 президентовъ и 46 членовъ, которые всѣ (кромѣ одного Ададурова) были иноземцы, или немногіе уроженцы завоеванныхъ нами Балтійскихъ областей.

Исторія первыхъ шестнадцати лѣтъ (1726—1742) этого учрежденія и біографіи всѣхъ означенныхъ лицъ составляютъ содержаніе большаго перваго тома труда, который предпринятъ достойнымъ академикомъ П. П. Пекарскимъ.

Не вдаваясь въ подробности, достаточно подумать о томъ, на сколько взаимная критика, обоюдная помощь, или соревнованіе знающихъ членовъ серьозной ученой корпораціи и пользованіе пособіями, ей принадлежащими и т. д. могутъ содѣйствовать усовершенствованію трудовъ каждаго изъ нихъ, чтобы убѣдиться въ пользѣ, принесенной высшему просвѣщенію ученымъ учрежденіемъ, служащимъ ему въ лучшемъ смыслѣ слова, въ сферѣ чисто-научной, чуждой какимъ бы то ни было посторроннимъ цѣлямъ, независимой отъ преходящихъ вліяній современной минуты.

Лѣтопись первыхъ временъ такого рода учрежденія и даже извѣстія о начаткахъ для почина онаго не могутъ не быть въ высшей степени интересными для изучающихъ ходъ отечественнаго просвѣщенія и вообще исторію Россіи, особенно если вспомнить, что первыя страницы этой лѣтописи украшаются именами Петра I, Лейбница, Вольфа. Дальнѣйшее повѣствованіе будетъ все болѣе и болѣе важнымъ и занимательнымъ по мѣрѣ того, какъ развитіе академической жизни становилось шире и дѣятельнѣе.

Начало такого труда нынѣ осуществлено г. Пекарскимъ. Достаточно вспомнить обширное и капитальное произведеніе его „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, книгу „Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи“, любопытныя изслѣдованія его о Татищевѣ, Рычковѣ, Ломоносовѣ, о путешествіи Делиля въ Сибирь, о Русской первоначальной журналистикѣ при Академіи, о литературныхъ трудахъ Екатерины II, о Русссомъ масонствѣ въ XVIII вѣкѣ и пр., чтобы увѣриться, что новое сочиненіе почтеннаго автора удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ строго-научнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ написано съ тѣмъ литературнымъ талантомъ, который увлекаетъ и не-спеціалиста читать съ большимъ интересомъ книгу, по предмету своему не составлявшую бы подъ другимъ перомъ достоянія большинства читающей публики. Приглашаемъ всякаго образованнаго человѣка познакомиться съ „Исторіей Академіи“. Конечно мы увидимъ скоро подробные разборы ея; но въ ожиданіи ихъ, мы почли бы грѣхомъ не повѣстить читателей о ея появленіи и не выразить глубокаго сочувствія къ прекрасному труду г. Пекарскаго.

Михаилъ Лонгиновъ.

Орелъ. 10 Марта 1871.

ЗАМѢТКА ОБЪ УКАЗѢ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА КАСАТЕЛЬНО НѢМЦЕВЪ.

Въ 3-й книгѣ „Русской Старины" 1871 г. помѣщенъ курьёзный указъ царя Алексѣя Михайловича о Нѣмцахъ. Считаемъ не лишнимъ упомянуть о еще болѣе курьёзномъ извѣстіи касательно истребленія этаго указа по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Россіи.

Это истребленіе относятъ ко времени царствованія императора Павла I. Чиновники, служившіе въ то время въ южныхъ окраинахъ Россіи, куда страхъ отъ распоряженій Петербургскихъ простирался не въ столь сильной мѣрѣ, какъ то было въ ея центрѣ, разсказываютъ, что однажды является строжайшее секретное предписаніе тщательно истребить во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ указъ царя Алексѣя Михайловича за такимъ-то номеромъ. Это заинтересовало молодежъ, которая, прочтя указъ и не смѣя списывать его, какъ осужденнаго на истребленіе, вызубривала его наизустъ. И вотъ теперь еще эти бывшіе юноши, нынѣ 90 лѣтніе старцы, живо помнятъ этотъ указъ. У одного память была болѣе точная, у другаго менѣе. Этимъ-то и объясняются ошибки противъ юридическаго слога временъ царя Алексѣя Михайловича, которыя бросаются въ глаза при чтеніи копіи, напечатанной въ „Русской Старинѣ": въ семействѣ г. Макарова, откуда поступилъ указъ на страницы Русской Старины, этотъ указъ не былъ списанъ, а только записанъ по памяти.

По свидѣтельству лицъ, выучившихъ указъ наизустъ съ подлинника, существованіе этого указа не подлежитъ сомнѣнію, и напрасно тогда же, во времена Александра I, кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что-де такого указа никогда не существовало, что это ничто иное какъ пасквиль, сочиненный въ болѣе позднее время.

Если же существованіе указа дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію, то интересно было бы знать: сохранилось ли помянутое секретное предписаніе объ уничтоженіи указа и что побудило тогдашнее Русское правительство обратить на этотъ невинный и позабытый памятникъ старины такое заботливое вниманіе?

А. Гатцукъ.

Неизданные стихи Кольцова.

Еще старая пѣсня.

Въ Александровской слободкѣ
Пьютъ, гуляютъ молодцы,
Все опричники лихіе,
Молодые чернецы.

Посреди ихъ царь святоша
Въ рясѣ бархатной сидитъ,
Распѣваетъ тихо псалмы,
Жезломъ по полу стучитъ.

Самъ изъ кубка золотова
Вина, меду много пьетъ;
Поднимается какъ туча—
На всю Слободу реветъ:

„Враги царскіе не дремлютъ;
Я-жъ какъ соня здѣсь живу....
На коней скорѣй садитесь,
Да поѣдемте въ Москву!

„Что за медъ здѣсь? что за брага?
Опротивѣлъ хлѣбъ сухой.
На Московской на площадкѣ
Мы сготовимъ пиръ другой!

„Наѣдимся тамъ до-сыта
Человѣчины сырой;
Перепьемся мы до-пьяна
Крови женской и мужской!

„Бѣдный рабъ, я—царь наслѣдный
Надъ моими надъ людьми:
На кого сурово взглянемъ—
Скушаемъ съ дѣтьми!"

Царь-ханжа летитъ какъ вихорь,
Съ саранчею удальцовъ,
Москву-матушку пилатить,
Кушать мясо и пить кровь!

(*Сообщено А. Н. Афанасьевымъ.*)

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. И. ГРЕЧА.

I.

Въ Императорѣ Павлѣ чувство долга и чести не рѣдко одерживало верхъ надъ вспыльчивостью и гнѣвомъ. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Въ 1820 г. Григорій Ивановичъ Вилламовъ, водя меня по Гатчинскому дворцу, обратилъ мое вниманіе на одинъ удивительный бюстъ Каракаллы, и прибавилъ: «Но еще замѣчательнѣе здѣсь вотъ эта дверь. У нея, въ царствованіе Императора Павла, всегда стоялъ придворный лакей, чтобъ отпирать ее при проходѣ Государя на половину Императрицы; это происходило регулярно въ шесть часовъ утра. Разъ какъ-то Павелъ пришелъ нѣсколькими минутами ранѣе; видитъ: нѣтъ лакея, и вспыхнулъ гнѣвомъ. Несчастный ушелъ было въ другую комнату; но, услышавъ шаги, поспѣшилъ на свое мѣсто. Павелъ поднялъ на него шпагу. Лакей поспѣшно вынулъ изъ кармана часы, поднесъ Императору и сказалъ: «Государь! я не виноватъ, теперь шесть часовъ безъ пяти минутъ».—«Виноватъ!» отвѣчалъ Императоръ, опустилъ шпагу и пошелъ въ дверь.—Однажды проѣзжалъ онъ мимо какой-то гауптвахты. Караульный офицеръ въ чемъ-то ошибся.—«Подъ арестъ!» закричалъ Императоръ.—«Прикажите сперва смѣнить, а потомъ арестуйте», сказалъ офицеръ—«Кто ты?» спросилъ Павелъ. «Подпоручикъ такой то,» «Здравствуй поручикъ!» —При одномъ докладѣ Ѳ. М. Брискорна, Павелъ сказалъ рѣшительно: «Хочу, чтобъ было такъ». —«Нельзя, Государь!»—Какъ нельзя! мнѣ нельзя?» — «Сперва перемѣните законъ, а потомъ дѣлайте какъ угодно».—«Ты правъ, братецъ«, отвѣчалъ Императоръ успокоившись.—Въ 1800 году нѣсколько исключенныхъ изъ службы офицеровъ, сосланныхъ на жительство въ Смоленскъ, напившись пьяны, вынесли свои мундиры на дворъ и, при толпѣ народа, сожгли ихъ. Генералъ-губернаторомъ былъ тамъ Михаилъ Михайловичъ Философовъ, человѣкъ необыкновеннаго ума и характера, отличавшійся въ должности посланника при Копенгагенскомъ дворѣ, въ страшную эпоху владычества Струензе *). Узнавъ о безразсудномъ поступкѣ офицеровъ, онъ приказалъ арестовать ихъ и ждалъ прибытія Павла, который въ то время объѣзжалъ западныя губерніи. Государь, узнавъ объ этомъ происшествіи дорогою, прибылъ въ Смоленскъ въ величайшемъ раздраженіи и отправился прямо въ соборъ. При входѣ въ храмъ, Философовъ сталъ въ дверяхъ и, протянувъ руки въ обѣ стороны, не пускалъ Государя. «Это что?» воскликнулъ Императоръ.—«Въ Священномъ Писаніи, возразилъ Философовъ твердо и спокойно, сказано: «Гнѣвный да не входитъ въ домъ Божій!» Павелъ остановился, подумалъ и сказалъ: «Я не гнѣвенъ, я равнодушенъ: прощаю всѣхъ!» — «И такъ гряди во имя Господне!» отвѣчалъ Философовъ, отступилъ въ сторону и низко поклонился. Государь въ тотъ же день пожаловалъ ему Андреевскую ленту.—Бывшій при воспитаніи Павла профессоръ Эпинусъ говаривалъ: «Голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ. Порвется эта ни-

*) Говорятъ, что партія Струэнзе отравила Философова однимъ питіемъ съ Христіаномъ VII. Несчастный король выпилъ весь стаканъ и лишился разсудка. Философовъ, прихлебнувъ, не допилъ; у него осталось временное разстройство, не вредившее ни уму, ни сердцу его.

точка, машинка завернется, и тутъ конецъ и уму и разсудку». И то сказать, воспитаніе его было странное.....

Екатерина взяла подъ особое свое попеченіе одного ребенка. Его назвали Семеномъ Ивановичемъ Великимъ и дали ему хорошее воспитаніе, но такъ, что онъ не догадывался о своемъ происхожденіи. Съ нимъ вмѣстѣ учились въ Петровской школѣ (лучшемъ и тогда и нынѣ среднемъ училищѣ въ С. Петербургѣ) дѣти незнатныхъ и небогатыхъ родителей: Яковъ Александровичъ Дружининъ, сынъ придворнаго каммердинера, Григорій Ивановичъ Вилламовъ (сынъ инспектора классовъ Петровской школы, извѣстнаго Нѣмецкаго поэта, о которомъ въ Германіи идетъ слава, что онъ въ Петербургѣ умеръ съ голоду), Ѳедоръ Максимовичъ Брискорнъ, сынъ придворнаго аптекаря, Христіанъ Ивановичъ Миллеръ, сынъ портнаго, и Илья Карловичъ Вестманъ, также сынъ какого-то ремесленника. Всѣ онѣ воспитываемы были съ Семеномъ Великимъ, имѣли лучшихъ гувернеровъ и учителей и вышли люди образованные и полезные. Дружининъ отличался прекраснымъ почеркомъ и знаніемъ Русскаго языка. Екатерина взяла его къ себѣ въ комнатные секретари; онъ прослужилъ у нея лѣтъ десять, остался въ томъ же званіи при вступленіи на престолъ Павла и пробылъ на этомъ мѣстѣ все время его царствованія: смѣнялись министры, падали полководцы, изгоняемы были любимцы, а простой секретарь Яковъ оставался при лицѣ грознаго Царя. Въ царствованіе Александра, Дружининъ былъ употребленъ по Министерсвту Юстиціи, потомъ перешелъ въ Министерство Финансовъ и служилъ подъ конецъ жизни Директоромъ въ Департаментѣ Мануфактуръ. Онъ былъ человѣкъ умный, смѣтливый, трудолюбивый, въ дѣлахъ находчивый и неутомимый, работалъ съ утра до ночи, дѣлалъ сколько могъ добра, но всегда былъ разстроенъ въ своихъ собственныхъ финансахъ, и потому рѣдко могъ отказываться отъ благодарности просителей. Особенно вредили ему сердечныя связи. Съ одною замужнею женщиною прижилъ онъ семнадцать человѣкъ дѣтей, содержалъ, воспитывалъ ихъ, платилъ долги ея безалабернаго мужа, и т. п. Канкринъ понималъ и умѣлъ употреблять его. Однажды, разговаривая со мною о своихъ подчиненныхъ, Канкринъ сказалъ: «Дружининъ умный и добрый человѣкъ, хорошій слуга, только жаль, что у него много дѣтей.» Глупый и бездушный В., принятый въ службу Дружининымъ, обязанный ему мѣстомъ, обижалъ и тѣснилъ его. Грустно было видѣть, говорили современники, какъ В., разваливаясь въ креслахъ и ковыряя зубочисткой во рту, слушалъ докладъ стоявшаго предъ нимъ Дружинина.—Прочіе соученики Великаго опредѣлены были въ вѣдомство Иностранной Коллегіи и въ послѣдствіи достигли важныхъ должностей. Вилламовъ былъ правою рукою Императрицы Маріи Ѳедоровны, человѣкъ быстраго, свѣтскаго ума, лихой работникъ и благоразумный царедворецъ подъ мантіею добряка и прямика. Брискорнъ былъ секретаремъ Павла I, потомъ сенаторомъ, запутался и замарался въ одномъ нечистомъ дѣлѣ (не по службѣ), женился на вдовѣ Струковой и провелъ остатокъ жизни подъ башмакомъ злой бабы, которая, заморивъ его, воздвигла надъ его могилою великолѣпный храмъ. — Вестманъ, человѣкъ умный и дѣловой, былъ оберъ-секретаремъ въ Иностранной

Коллегіи. Постъ этотъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему директору Канцеляріи; въ этой должности нынѣ сынъ его Владиміръ Ильичъ.—Миллеръ имѣлъ большое вліяніе на дѣла государственныя: онъ чинилъ перья для Императора Александра, и безъ его пособія не обошлось ни одного манифеста, ни одного указа, ни одной записочки къ графу Аракчееву или къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной. Главный же виновникъ всѣхъ этихъ улыбокъ Фортуны безроднымъ бѣднякамъ, Семенъ Ивановичъ Великій изъявилъ желаніе вступить въ морскую службу, кончилъ курсъ наукъ въ Морскомъ Корпусѣ, былъ выпущенъ мичманомъ и готовился ѣхать въ предполагавшуюся тогда кругосвѣтную экспедицію капитана Муловскаго, но внезапно умеръ въ Кронштатѣ, около 1793 года. Въ Запискахъ А. В. Храповицкаго отмѣчено: «Получено извѣстіе о смерти Сенюшки Великаго.» Въ Императорской Библіотекѣ есть, вѣроятно, брошюра въ четверку, напечатанная въ 1787 году. въ Императорской типографіи Вейтбрехта, подъ заглавіемъ: «*Обидачъ*, восточная повѣсть, переведенная съ Нѣмецкаго (подлинникъ напечатанъ тамъ-же) Семеномъ Великимъ, прилежнымъ къ наукамъ юношею.» Видна лесть директора училища!

II.

Лагарпъ родился отъ благородной Швейцарской фамиліи, въ Роллѣ, въ 1754 году. Онъ учился правамъ въ Тюбингенскомъ университетѣ и нѣсколько времени былъ адвокатомъ въ Бернѣ. Въ 1782 г. былъ онъ приглашенъ въ Петербургъ и сдѣлался воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей. Окончивъ порученное ему дѣло, въ 1798 г. онъ воротился въ отечество свое, осыпанный милостями Екатерины II-й. Потомъ онъ жилъ въ Бернѣ и въ Парижѣ и дѣятельно занимался политикою *).

Въ Швейцаріи былъ онъ въ 1798 г. избранъ въ члены Гельветической Директоріи, за что Императоръ Павелъ лишилъ его чиновъ и пенсіона. Въ 1802 г. пріѣзжалъ онъ въ С. Петербургъ, чтобы поздравить своего воспитанника со вступленіемъ на престолъ, и въ послѣдствіи жилъ близъ Парижа, въ Плесси-Пике, занимаясь земледѣліемъ и естественными науками. По взятіи Парижа, Александръ посѣтилъ его, пожаловалъ въ чинъ тайнаго совѣтника и надѣлъ на него Андреевскую ленту. На Вѣнскомъ Конгресѣ онъ убѣдилъ Александра вступиться за кантоны Ваадскій и Аргаускій, притѣсненные Бернскою аристократіею. Послѣдніе годы свои провелъ онъ въ Роллѣ, пользуясь общимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Скончался 25 Марта 1838 года. Года за два до его смерти, разгласили въ газетахъ, что какой-то книгопродавецъ купилъ у него всю корреспонденцію его съ Александромъ и намѣренъ обнародовать ее послѣ его смерти. Это было непріятно Императору Николаю Павловичу. Было поручено нашему посланнику въ Швейцаріи Дмитрію Петровичу Северину узнать, въ чемъ состояла эта переписка и, если можно, получить копію съ писемъ Александра. Северинъ поѣхалъ, подъ предлогомъ прогулки, въ Ролль,

*) Лагарпъ былъ женатъ на дочери Петербургскаго банкира Беттихера. Въ V-омъ томѣ Сборника Русскаго историческаго общества (Спб. 1870) изданы письма имп. Александра къ Лагарпу, полученныя изъ Лозанны отъ г. Монода; но очевидно не тѣ, о коихъ ниже говоритъ Н. И. Гречь. *П. Б.*

посѣтилъ Лагарпа, умѣлъ заслужить его расположеніе и довѣренность, но не говорилъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Однажды Лагарпъ сказалъ ему: «Не удивительно, что Александръ любилъ меня, но чѣмъ заслужилъ я вниманіе Императора Николая, который ко мнѣ такъ милостивъ? Скажите, сдѣлайте милость, какимъ образомъ могъ бы я возблагодарить Государя, или принести ему удовольствіе». — «Трудненько,» сказалъ тонкій дипломатъ, порадовать или удивить чѣмъ либо Владыку полусвѣта; но дайте мнѣ сроку подумать». Черезъ нѣсколько дней говоритъ онъ Лагарпу: «Кажется, я нашелъ вамъ средство угодить Государю. Онъ воспитываетъ своего сына совершенно въ духѣ покойнаго Александра; для этого отыскиваетъ всѣ матеріалы и акты царствованія покойнаго Императора. Я увѣренъ, что ему очень пріятно будетъ имѣть копію съ писемъ, которыя, какъ извѣстно, писалъ къ вамъ Александръ». — «Копіи!» вскричалъ Лагарпъ: «какъ смѣю я послать копіи! Пошлю подлинныя. Я самъ ихъ знаю наизусть, а послѣ моей смерти они могутъ попасть въ нескромныя руки». Собравъ рачительно всѣ письма *), съ копіями своихъ отвѣтовъ, Лагарпъ присовокупилъ къ перепискѣ хронологическій и азбучный реестръ, переплелъ ее великолѣпно и вручилъ Северину. Государь, обрадовавшись этому подарку, благодарилъ Лагарпа письменно, а Северину далъ орденъ Св. Анны 1-ой степени.

III.

Доказательствомъ тому, до какой степени Александръ не довѣрялъ своимъ приближеннымъ и презиралъ ихъ, служитъ слѣдующее происшествіе, разсказанное мнѣ очевидцемъ. По вторичномъ взятіи Парижа, въ 1815 году Александръ жилъ тамъ нѣсколько времени, и именно въ дворцѣ Элизе, и въ свободное время охотно бесѣдовалъ съ герцогомъ Веллингтономъ, раскрывая предъ нимъ всѣ тайны своего сердца. Однажды Веллингтонъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ нѣсколько лицъ изъ свиты Государевой: гр. Воронцова, Л. В. Васильчикова, графа Строгонова и н. др. Когда они къ нему пріѣхали, адъютантъ герцога объявилъ имъ, что Императоръ Александръ присылалъ за нимъ и что герцогъ, надѣясь вскорѣ воротиться, просилъ ихъ подождать. Дѣйствительно онъ пріѣхалъ домой вскорѣ, извинился предъ своими гостями, но въ этотъ вечеръ былъ скученъ и молчаливъ болѣе обыкновеннаго. Видно, что-то тяготило ему душу. Гости, замѣтивъ это, стали допытываться о причинѣ. Онъ долго не хотѣлъ отвѣчать, наконецъ уступилъ настояніямъ любимаго имъ Воронцова и объявилъ, что Александръ изумилъ и огорчилъ его при нынѣшнемъ свиданіи: жаловался на свое одиночество, на неимѣніе вѣрнаго, искренняго друга. «Мнѣ кажется, Государь», сказалъ ему Веллингтонъ, «что окружающія васъ лица подали вамъ самыя несомнѣнныя доказательства своего усердія и вѣрности къ вашей особѣ, особенно въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ.» — «Нѣтъ!» возразилъ Императоръ: «они мнѣ не друзья; они служили Россіи, своему честолюбію и корысти». Фельдмаршалъ умолкъ. Генералъ-адъютанты Александра, въ досадѣ и негодованіи, залились слезами. Александръ жаловался, что не имѣлъ друзей, но самъ онъ былъ ли кому либо искрен-

*) Вѣроятно не всѣ, а важнѣйшія (если только разсказъ этотъ справедливъ). *П. Б.*

нимъ другомъ? Болѣе всего любилъ онъ князя Петра Петровича Долгорукаго, но онъ умеръ рано, и Богъ знаетъ, что было бы въ послѣдствіи. Вотъ плоды уроковъ Лагарпа! Dissimuler, c'est régner. Такъ, но тогда не требуйте любви отъ другихъ. Въ одномъ Англійскомъ журналѣ читалъ я, что въ началѣ 1812 г. въ Парламентѣ шла рѣчь о поступленіи маркиза Веллеслея, брата Веллингтона, въ Русскую службу первымъ министромъ, за неимѣніемъ въ ней способныхъ и достойныхъ людей. Интересно было бы отыскать эту статью; она дѣйствительно существуетъ.

IV.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ принадлежалъ къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій въ Россіи. Извѣстно, что Строгановы происходятъ отъ знаменитаго солянаго промышленника Аники Строганова, участвовавшаго въ XVI вѣкѣ въ покореніи Сибири. Дѣти его пользовались несмѣтнымъ достояніемъ своего отца и передали оное потомству, которое, поступивъ въ дворянство, было въ большой чести у Двора. Сначала Строгановы получили баронское а потомъ и графское достоинство; одна отрасль ихъ оставалась въ баронствѣ до 1826 г. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, былъ каммергеромъ, и обратилъ на себя (до какой степени, не знаю) вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. Петръ III его прогналъ отъ Двора, но при вступленіи Екатерины, онъ вновь былъ принятъ и пользовался милостями Государыни до ея кончины. Онъ былъ человѣкъ образованный, умный, добрый, благородный и благодѣтельный, но небрегъ своими финансами и обременилъ потомство свое долгами. Въ царствованіе Екатерины, въ осьмидесятыхъ годахъ, имѣлъ онъ порученіе при Версальскомъ Дворѣ и пользовался милостями Лудовика XVI и Маріи Антуанеты. Въ это время принялъ онъ въ гуверперы къ единственному сыну своему, графу Павлу Александровичу, якобинца Ромма (Romme), который въ послѣдствіи погибъ, пытаясь возстановить Робеспіеровское правленіе. Молодой графъ пропитанъ былъ революціонными правилами, но честная и добрая душа его со временемъ все переработала: онъ былъ самымъ усерднымъ и ревностнымъ Русскимъ патріотомъ*). Супруга его была Софія Владиміровна, урожденная княжна Голицына, женщина необыкновенныхъ качествъ ума и сердца. Графъ Павелъ Александровичъ, по желанію отца, вступилъ въ статскую службу, находился, какъ я говорилъ, въ числѣ искреннихъ друзей наслѣдника престола, Александра Павловича и, по вступленіи его на престолъ, назначенъ былъ Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа В. П. Кочубея и употребляемъ былъ въ дѣлахъ дипломатическихъ. Въ 1806 году былъ онъ съ особымъ порученіемъ въ Лондонѣ и тамъ узналъ о постыдномъ мирѣ, заключенномъ въ Парижѣ несчастнымъ дипломатомъ Убри. Въ 1807 г. находился онъ при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ званіи статсъ-секретаря, въ Прусской кампаніи.

*) Въ Запискахъ Храповицкаго, подъ 26 Августа 1790: „Повелѣніе къ Симолину, чтобъ въ Парижѣ всѣмъ Русскимъ объявилъ приказаніе о скорѣйшимъ возвращеніи въ отечество. Тамъ сынъ гр. А. С. Строгонова съ учителемъ своимъ вошли въ члены клуба Жакобиновъ a propaganda libertate." *П. Б.*

Не утерпѣло ретивое Русское сердце: надоѣло графу проливать чернила тамъ, гдѣ земляки его проливали кровь. Онъ выпросилъ позволеніе, съ небольшимъ отрядомъ, сдѣлать поискъ противъ непріятеля и исполнилъ дѣло это съ успѣхомъ. Государь перевелъ его въ военную службу генералъ-маіоромъ и назначилъ къ себѣ генералъ-адъютантомъ. Графъ П. А., какъ и отецъ его, былъ врагомъ Наполеона и никакъ не согласился бы служить по дипломатической части въ мирное съ нимъ время. Онъ съ честью прослужилъ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ, При Краонѣ онъ имѣлъ несчастіе лишиться своего единственнаго сына. Это его убило. Онъ впалъ въ чахотку, въ 1817 г. отправился на фрегатѣ въ Италію и на пути скончался. Изъ дочерей его старшая вышла за флигель-адъютанта барона Сергія Григорьевича Строганова (нынѣ генералъ-адъютантъ, Попечитель Наслѣдника Николая Александровича), получившаго при этомъ случаѣ графское достоинство; другая за князя Василія Сергѣевича Голицына; третья за графомъ Ферзеномъ. — Упомяну объ одномъ странномъ происшествіи, случившемся со мною въ отношеніи къ фамиліи Строгановыхъ. 8-го Февраля 1814 г. въ пятницу на масляницѣ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ пригласилъ меня на блины. По утру я имѣлъ какое-то дѣло у генералъ-губернатора С. К. Вязьмитинова, и когда выходилъ изъ его кабинета въ пріемную, тогдашній оберъ-полицеймейстеръ И. С. Горголи сказалъ мнѣ: «Вотъ пожива Сыну Отечества! Сію минуту пріѣхалъ курьеръ изъ главной квартиры съ извѣстіемъ о знаменитой побѣдѣ». Я подошелъ къ покрытому грязью фельдъегерю; онъ разсказалъ мнѣ, что сраженіе происходило при Бріеннѣ, мѣстѣ воспитанія Наполеона, и что наши и Пруссаки порядочно поколотили Французовъ. Съ этою радостною вѣстью поспѣшилъ я къ Оленину. Гостинная его была полна: тамъ были С. С. Уваровъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, А. И. Тургеневъ и всѣ служившіе при Библіотекѣ, Крыловъ, Лобановъ, Ермолаевъ, Гнѣдичъ, и т. д. При входѣ моемъ раздались восклицанія: «Вотъ и журналистъ! Онъ разскажетъ намъ, что́ есть новаго.» — «Точно», отвѣчалъ я: «вотъ послѣднія извѣстія», и сталъ разсказывать что́ слышалъ отъ курьера. Вдругъ замѣчаю, А. Н. Оленинъ дѣлаетъ мнѣ знаки, чтобъ я замолчалъ. Я кончилъ мой разсказъ какъ нибудь и принялся за блины; но по окончаніи завтрака, когда разъѣхались гости, спросилъ у А. Н. Оленина, зачѣмъ онъ остановилъ меня. Онъ отвѣчалъ съ прискорбіемъ: «Носится слухъ, что въ этомъ сраженіи, въ авангардѣ графа Воронцова, убитъ молодой Строгановъ; что́ еще ужаснѣе, отцу сказали о томъ безъ всякаго приготовленія, и это его сразило. Вы видѣли въ числѣ гостей Александра Ивановича Красовскаго. Онъ вхожъ въ домѣ Строгановыхъ: еслибъ онъ услышалъ эту новость, то немедленно побѣжалъ бы туда, чтобъ первому сообщить ее бѣдной матери.» Я сказалъ, что не слыхалъ этого отъ фельдъ-егеря, и Оленинъ просилъ меня не говорить о томъ, что́ я теперь слышалъ. Чрезъ недѣлю прихожу къ А. Н. Оленину и освѣдомляюсь, правда ли это. «Нѣтъ!» отвѣчаетъ А. Н., «къ счастію, это былъ пустой слухъ: о молодомъ графѣ получено извѣстіе недѣлею позже сраженія.» И что-жъ? Слухъ, носившійся въ Петербургѣ осьмаго Фев-

раля, осуществился двадцать третьяго, чрезъ шестнадцать дней!—Шла жестокая битва подъ Краономъ. Авангардомъ командовалъ графъ Воронцовъ, главнымъ корпусомъ графъ Строгановъ. Вдругъ летитъ мимо Строганова адъютантъ изъ авангарда. «Что! спрашиваетъ графъ: каково тамъ идетъ?» — «Очень хорошо, ваше превосходительство, отвѣчаетъ адъютантъ, не узнавшій графа: дѣло идетъ прекрасно. Жаль одного: ядромъ убило молодаго Строганова.» Отецъ обмеръ, но чувство долга побѣдило страданіе сердца. Онъ встрепенулся, поскакалъ и командовалъ до вечера, но тутъ силы его оставили: онъ сдалъ команду графу Воронцову и самъ удалился съ поля сраженія.—Какимъ образомъ знали или толковали въ Петербургѣ о томъ, что̀ послѣдуетъ во Франціи чрезъ шестнадцать дней? Недоумѣваю. Конечно случай, но весьма замѣчательный.

Скажу еще о старикѣ графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ. Въ званіи Президента Академіи Художествъ, онъ отыскивалъ и поощрялъ отечественные таланты: при немъ образовались Егоровъ, Шебуевъ, Варнекъ, Малиновскій, Демутъ и др. Любимцемъ его былъ архитекторъ Воронихинъ, изъ собственныхъ его крѣпостныхъ людей, учившійся въ Академіи, а потомъ, на счетъ графа, въ Италіи. Воронихинъ построилъ Казанскій Соборъ, въ которомъ всѣ изваянія, образа и пр. были исполнены Русскими. Графъ Строгановъ не могъ дождаться окончанія. Наконецъ соборъ освятили 8-го Сентября 1811 г., а чрезъ недѣлю онъ скончался и былъ отпѣтъ въ новомъ храмѣ. При семъ случаѣ произнесено было надгробное ему слово іеромонахомъ Филаретомъ, что̀ нынѣ митрополитъ Московскій: оно возбудило общее вниманіе къ таланту юнаго оратора. Напечатано оно въ 1-ой книжкѣ Вѣстника Европы на 1812-й годъ. Графъ Хвостовъ довольно хорошо воспѣлъ новый соборъ и удостоился слѣдующей эпиграммы:

Хвостовъ скропалъ стихи и, говорятъ, не худо:
Вотъ храма новаго неслыханное чудо!

Не могу кончить статьи объ Александрѣ Сергѣевичѣ Строгановѣ, не упомянувъ, съ искреннею благодарностью къ его памяти, что онъ былъ покровителемъ и благодѣтелемъ моего отца. Онъ крестилъ сестру Елисавету и брата Павла и, когда батюшка лишился мѣста, не оставлялъ его своими милостями.

V.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ *) одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ России, въ первой половинѣ XIX вѣка, родился въ 1762 году и получилъ хорошее образованіе подъ руководствомъ и въ домѣ родственника своего графа А. С. Строгонова; въ молодости служилъ въ гвардіи, потомъ въ арміи, отличился храбростью въ Шведской и Польской войнѣ и сдѣлался извѣстенъ Великому Князю Александру Павловичу. Въ 1796 году вышелъ въ отставку и отправился въ Англію, гдѣ провелъ почти все время царствованія Павла; возвратился въ Россію въ 1801 году, былъ принятъ съ радостью Императоромъ Александромъ Павловичемъ и сдѣлался довѣреннымъ у него лицемъ; занимался разными порученіями по администраціи, юстиціи, по дѣламъ, относившимся къ наукамъ и художе-

*) Сынъ побочной сестры гр. А. С. Строганова. *П. Б.*

ствамъ; былъ Товарищемъ Министра Юстиціи и въ то же время Президентомъ Академіи Наукъ и попечителемъ С. Петербургскаго Округа; принималъ самое важное и дѣятельное участіе въ благородныхъ подвигахъ и преобразованіяхъ того времени, особенно по части просвѣщенія. Онъ, въ послѣдствіи, называлъ это время счастливѣйшимъ въ своей жизни. Оно было счастливѣйшимъ и для всей Россіи: подобнаго тогдашнему я вспомнить и вообразить не могу. Не думайте, чтобъ это сужденіе происходило отъ какихъ либо счастливыхъ или благопріятныхъ случаевъ въ моей тогдашней жизни. Нѣтъ! я былъ тогда не на розахъ: лишился отца, жилъ безъ матери и семейства, не имѣлъ и порядочнаго сюртука, часто терпѣлъ голодъ въ полномъ смыслѣ этого слова; но, вспоминая отрадное время, наступившее по кончинѣ Павла, не могу не чувствовать истиннаго услажденія. Разумѣется, не все было хорошо и тогда, но было лучше нежели когда либо, и развѣ только первые годы царствованія Екатерины (1762—1768 г.) могли сравниться съ этимъ періодомъ. Всего радостнѣе и отраднѣе были надежды, но увы! онѣ не сбылись, или сбылись не въ томъ видѣ, какъ ожидали истинные сыны отечества.—Въ одномъ Новосильцовъ сдѣлалъ тогда вредный для Россіи промахъ: онъ взялъ себѣ на службу (по рекомендаціи Я. А. Дружинина) изъ студентовъ Московскаго университета В., этого гнуснаго и подлаго хама, способствовавшаго много ко вреду Россіи въ царствованіе Императора Николая. Помню, какой шумъ негодованія и смѣха поднялся въ Петербургѣ въ 1806 г., когда В. дали 4-го Владиміра; всѣ вопили: можно ли награждать этого подлеца, дубину, развратника? А когда онъ, въ послѣдствіи, получилъ Александра, Андрея и наконецъ графское достоинство, никто не дивился.—Новосильцовъ и тогдашніе товарищи его выказывали примѣрную скромность при всей власти, которою обладали. У Новосильцова былъ только Владимірскій крестъ съ бантомъ, полученный имъ за храбрость, оказанную въ войнѣ со Шведами; у Чарторижскаго только Аннинскій крестъ 2-ой степени, а они раздавали звѣзды и ленты. Новосильцовъ употребляемъ былъ и по дипломатической части, ѣздилъ въ Пруссію и въ Англію для приготовленія союза противъ Наполеона въ 1804 и 1805 годахъ, и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашней благородной коалиціи противъ преобладанія Наполеонова. Достойно замѣчанія порученіе, данное ему Александромъ въ концѣ 1806 г. Приведенный въ отчаяніе ошибками своими въ выборѣ генераловъ, онъ отправилъ Новосильцова въ главную квартиру арміи и поручилъ ему узнать подъ рукою, кто изъ генераловъ и полковниковъ пользуется въ арміи, между офицерами и нижнями чинами, большею славою ума, распорядительности, храбрости. Новосильцовъ исполнилъ это и привезъ Императору небольшой списокъ, въ которомъ были имена Барклая, Дохтурова, Сабанѣева, Багговута, Коновницына. Это послужило въ послѣдствіи мѣриломъ при выборѣ полководцевъ. Но блистательныя надежды тогдашняго времени не сбылись: Прусскій походъ 1807 г. кончился несчастливо, и заключенъ былъ постыдный миръ въ Тильзитѣ, признано владычество и преобладаніе Наполеона. Европа впала въ совершенное рабство. Благородные люди государственные, окружавшіе

Александра, извѣстные враждою къ Наполеону и приверженностью къ Англіи, должны были сойти со сцены: ихъ мѣста заняли нелѣпые Лобановы (князь Дмитрій Ивановичъ), Куракины (оба), и преимущественно образованный болванъ и простофиля Румянцовъ (Николай Петровичъ). Новосильцовъ прозябалъ года два попечителемъ С. Петербургскаго Учебнаго Округа, потомъ вышелъ въ отставку и до 1812 г. жилъ въ Вѣнѣ. Достойно замѣчанія, что пробываніе въ Лондонѣ сдѣлало его умнымъ, благороднымъ человѣкомъ, другомъ людей и отечества. Въ Вѣнѣ онъ упалъ и опошлился до невозможности и, странное дѣло въ его положеніи и званіи, —началъ пить. Въ 1812 году призванъ онъ былъ опять на службу и употребленъ по дѣламъ Польскимъ, и при образованіи Польскаго Царства, оставался при Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ и много содѣйствовалъ къ огорченію Поляковъ и возстановленію ихъ противъ Россіи, особенно несправедливостью и жестокостью къ молодымъ людямъ, студентамъ и другимъ, которыхъ можно-бы было образумить мѣрами кроткими и снисходительными. Куда дѣвались прежняя скромность, прежнее увлеченіе благородными и либеральными идеями! Когда напоминали объ этомъ Новосильцову, онъ смѣялся и говорилъ, что это были глупости и шалости молодыхъ лѣтъ. За то осыпанъ онъ былъ всѣми орденами, чинами, пожалованъ въ графы и т. п. Послѣ революціи Польской, онъ служилъ въ Петербургѣ, и умеръ въ 1836 г. въ званіи Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, пользуясь общимъ и заслуженнымъ презрѣніемъ. Занимая уже первую степень въ государствѣ, онъ на годовомъ праздникѣ Англійскаго Клуба плясалъ пьяный трепака предъ многочисленнымъ собраніемъ. Зрѣлище грустное и оскорбительное для друга чести и добродѣтели! Старчевскій, въ своемъ Справочномъ Лексиконѣ, помѣстилъ хвалебную о немъ статью, заключивъ ее забавнымъ примѣчаніемъ, что отличительною чертою характера Новосильцова была *неустрашимость*, то есть онъ не страшился ни голоса совѣсти и чести, ни суда потомства!

VI.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (род. 1769, ум. 1834 г.) происходилъ отъ старинной, но бѣдной фамиліи Новгородской губерніи. Одинъ изъ предковъ его былъ генераломъ въ арміи Миниха, дѣйствовавшей въ Крыму. Алексѣй Аракчеевъ, молодымъ мальчикомъ, пришелъ пѣшкомъ въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ митрополиту Гавріилу. Преосвященный принялъ его ласково, подарилъ ему рублевикъ и опредѣлилъ въ тогдашній Артиллерійскій и Инженерный (что нынѣ 2-ой) Кадетскій Курпусъ. Образованіе тогда было скудное; лучше всего преподавалась математика, и Аракчеевъ оказалъ въ ней большіе успѣхи, но уже въ дѣтствѣ показывалъ коварство, низость и подлость, доносилъ на товарищей и кланялся начальникамъ. За то ненавидѣли его товарищи, и самый сильный изъ нихъ, великанъ Костенецкій, больно колотилъ его. Видно въ благодарность за его уроки, Аракчеевъ потомъ перевелъ его въ гвардію. Непосредственнымъ начальникомъ его былъ корпусный офицеръ Андрей Андреевичъ Клейнмихель, женившійся на красавицѣ Аннѣ Францовнѣ Ришаръ, которую очень жаловалъ генералъ Ме-

лиссино, Директоръ Корпуса. По выпускѣ въ офицеры, Аракчеевъ оставленъ былъ въ Корпусѣ для преподаванія кадетамъ артиллеріи, дослужился въ 1790 г. до капитанскаго чина и былъ взятъ генераломъ Мелиссино въ адъютанты. Въ тоже время преподавалъ онъ математическія науки въ частныхъ домахъ, между прочимъ сыновьямъ графа Н. И. Салтыкова. Въ 1792 г. Великій Князь Павелъ Петровичъ просилъ Мелиссино найти ему хорошаго офицера для командованія батареею при его Гатчинскихъ батальонахъ, и Мелиссино рекомендовалъ Аракчеева. Капитанъ вскорѣ заслужилъ вниманіе Великаго Князя дѣятельностью по службѣ, точностью и строгимъ исполненіемъ всѣхъ приказаній, какъ бы они нелѣпы и безтолковы ни были; особенно нравилось строгое наблюденіе военной дисциплины. По вступленіи Павла на престолъ, Аракчеевъ произведенъ былъ въ полковники и въ генералъ-маіоры, получилъ орденъ Анны 1-ой степени, титулъ барона и двѣ тысячи душъ (село Грузино) въ Новгородской губерніи. Замѣчательно, что онъ служилъ въ то время не въ артиллеріи, а командовалъ Преображенскимъ полкомъ и былъ С. Петербургскимъ комендантомъ. Въ командованіи полкомъ, обязанностью его было истребить въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ духъ свободы и уваженіе къ самимъ себѣ; онъ оскорблялъ офицеровъ, а у солдатъ срывалъ усы съ частью губы. Не знаю, излишество или недостатокъ усердія не понравились Павлу; только Аракчеевъ въ 1798 г. былъ отставленъ отъ службы, но съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Въ томъ же году онъ опять вошелъ въ милость, былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи, возведенъ въ графское достоинство, получилъ Александровскую ленту и Мальтійскій командорскій крестъ. Въ 1799 г., за какіе-то безпорядки въ артиллерійскихъ гарнизонахъ, былъ вновь отставленъ. Говорятъ, что Павелъ, недѣли за двѣ до кончины своей, пригласилъ его пріѣхать въ Петербургъ и вновь вступить въ службу. Паленъ, узнавъ о томъ, ускорилъ исполненіемъ своего замысла, и притомъ запретилъ пускать въ городъ кого бы то ни было. Аракчеевъ прибылъ уже по кончинѣ Государя, явился къ Александру Павловичу и въ слезахъ повалился къ ногамъ его. Потомъ, очень умно и хитро, будто-бы съ откровенностью и самоотверженіемъ, далъ знать Александру, что еслибъ онъ (Аракчеевъ) былъ въ то время въ Петербургѣ, ничего бы не произошло. Все это было исполнено съ успѣхомъ. Замѣчательно, что въ первые годы царствованія Александра, Аракчеевъ стоялъ въ тѣни, давая другимъ любимцамъ *износиться*, чтобъ потомъ захватить Государя вполнѣ. Онъ особенно сталъ усиливаться съ 1807 г., когда угасли въ Александрѣ порывы молодыхъ мечтаній, когда онъ совершенно разочаровался въ людяхъ. Въ то время Аракчеевъ принесъ Россіи существенную пользу преобразованіемъ нашей артиллеріи и исполненіемъ многихъ важныхъ порученій Государя. Напримѣръ, въ Финляндской войнѣ, когда наши генералы не рѣшались пройти по льду на Аландскіе острова и на Шведскій берегъ, ѣздилъ къ нимъ Аракчеевъ и убѣдилъ ихъ исполнить волю Государеву. Въ Аракчеевѣ была дѣйствительно ложка меду и бочка дегтю. — Онъ придрался къ главнокомандующему графу Букс-

гевдену за недочетъ нѣсколькихъ пудовъ пороха и написалъ ему грубое отношеніе. На это Буксгевденъ отвѣчалъ сильнымъ письмомъ, въ которомъ представилъ разницу между главнокомандующимъ арміею, которому Государь поручаетъ судьбу государства, и ничтожнымъ царедворцемъ, хотя бы онъ и назывался военнымъ министромъ. Этотъ отвѣтъ стоилъ дорого Буксгевдену, но разошелся въ публикѣ, къ радости большинства ея. Аракчеевъ не зналъ или не думалъ, чтобъ это письмо было извѣстно. Однажды у себя за столомъ, говоря со мною о какомъ то историкѣ, неучтиво отзывавшемся о Румянцовѣ, сказалъ: «да знаете ли вы, чтó такое главнокомандующій?» и повторилъ слова врага своего. Я не зналъ, куда дѣваться и боялся смотрѣть на бывшихъ при томъ. Еще достойно вниманія, что Аракчеевъ и Балашевъ видѣли необходимость удалить Александра изъ арміи въ началѣ 1812 г. и достигли цѣли, заставивъ Шишкова написать о томъ Государю. Чтó хорошо, то хорошо. — Аракчеевъ не былъ взяточникомъ, но былъ подлецъ и пользовался всякимъ случаемъ для охраненія своего кармана. Онъ жилъ въ домѣ 2-ой артиллерійской бригады, которой онъ былъ шефомъ, на углу Литейной и Кирочной (деревянный домъ этотъ существуетъ донынѣ). — Государь сказалъ ему однажды: «Возьми этотъ домъ себѣ».—«Благодарю, Государь», отвѣчалъ онъ: «на что мнѣ онъ? Пусть остается вашимъ; на мой вѣкъ станетъ.» Безкорыстно, не правда-ли? Но истинною причиною этого безкорыстія было то, что домъ чинили, перекрашивали, топили, освѣщали на счетъ бригады, а еслибъ была на немъ доска съ надписью: «Домъ графа Аракчеева», эти расходы пали бы на хозяина.

По окончаніи войны, Александръ возъимѣлъ странную и несчастную мысль: завести военныя поселенія, для пѣхоты на сѣверѣ, для конницы на югѣ Россіи. Онъ полагалъ получать изъ этихъ округовъ и рекрутъ, съ дѣтства уже готовившихся въ военную службу, и продовольствіе, и обмундированіе, и вооруженіе ихъ съ устроенныхъ въ поселеніяхъ фабрикъ и заводовъ, а остальную часть Россіи освободить отъ рекрутства и податей на военное министерство. Здѣсь не мѣсто излагать невозможность и неисполнимость милліономъ людей производить то, чтó добывали дотолѣ съ трудомъ и истощеніемъ пятьдесятъ милліоновъ. Скажу только объ исполненіи. Оно возложено было на Аракчеева, и онъ взялся осуществить безтолковую мечту, грезу. Нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ превращены были въ военные поселяне. Старики названы инвалидами, дѣти кантонистами, взрослые рядовыми. Вся жизнь ихъ, всѣ занятія, всѣ обычаи постановлены были на военную ногу. Женили ихъ по жеребью, какъ кому выпадетъ, учили ружью, одѣвали, кормили, клали спать по формѣ. Вмѣсто привольныхъ, хотя и невзрачныхъ, крестьянскихъ избъ, возникли красивенькіе домики, вовсе неудобные, въ которыхъ жильцы должны были ходить, сидѣть, лежать по установленной формѣ. На примѣръ: «На окошкѣ № 4 полагается занавѣсь, задергиваемая на то время, когда дѣти женскаго пола будутъ одѣваться». Эти учрежденія возбудили общій ропотъ, общія проклятія. Но желѣзная рука Аракчеева, Клейнмихель, сдерживалъ осчастливленныхъ, по мнѣ-

нію Импер. Александра*) крестьянъ въ страхѣ и повиновеніи. Въ южныхъ колоніяхъ казацкая кровь не вытерпѣла. Вспыхнуло возстаніе. Оно было потушено кровью и жизнью людей, выведенныхъ изъ предѣловъ человѣческаго терпѣнія, генералъ-маіоромъ Саловымъ, поступавшимъ при томъ съ величайшимъ безчеловѣчіемъ. Аракчеевъ безсовѣстно обманывалъ Императора, потворствуя его прихоти, увѣрялъ его въ благоденствіи и довольствѣ солдатъ, а вспышку приписывалъ вліянію людей злонамѣренныхъ и иностранныхъ эмисаровъ. До какой степени простиралось въ этомъ его безстыдство, онъ доказалъ отчетомъ, поданнымъ имъ Николаю Павловичу, по вступленіи его на престолъ и обнародованнымъ въ газетахъ.

Аракчеевъ взялъ къ себѣ Настасью осенью 1798 г., но вскорѣ потомъ вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею Хомутовою, благовоспитанною и нѣжною. Чрезъ нѣсколько недѣль брака, жена увидѣла, къ какому гнусному уроду ее приковали: онъ не понималъ благородства и нѣжности чувствъ, не любилъ, не уважалъ ея, и они вскорѣ разошлись. Настасья осталась его хозяйкою и тайною совѣтницею. Между тѣмъ имѣлъ онъ и фаворитку изъ высшаго класса, жену бывшаго оберъ-секретаря Синода, Варвару Петровну Пукалову, миловидную, умную и образованную женщину, которая, пользуясь своею властью надъ дикобразомъ, была посредницею между нимъ и просителями. Въ одной изъ тогдашнихъ сатиръ, въ исчисленіи блаженствъ, сказано было:

*) Немногимъ извѣстно, что первоначально Аракчеевъ былъ противникомъ учрежденія военныхъ поселеній и доказывалъ Государю вредъ ихъ. *П. Б.*

«Блаженъ..... чрезъ Пукалову кто протекцьи не искалъ». Тиранъ Сибири, Пестель жилъ въ одномъ домѣ съ Пукаловою и чрезъ нее дѣйствовалъ на друга ея сердца.

Въ началѣ связи Аракчеева съ Настасьею, родился у нея сынъ Михаилъ. Въ дѣтствѣ былъ онъ хорошенькій и умный мальчикъ. Аракч. воображалъ что изъ него выйдетъ великій человѣкъ и старался дать ему хорошее воспитаніе. Онъ отдалъ его (въ 1809 г.) въ Петровскую Школу и именно пенсіонеромъ ко мнѣ. По этому случаю познакомился я съ Аракчеевымъ и бывалъ у него. Медленное, методическое преподаваніе наукъ въ Нѣмецкой школѣ не понравилось нѣжному родителю. Не принимая въ уваженіе того, что Мишка его плохо зналъ первыя правила ариѳметики, онъ требовалъ, чтобъ его учили геометріи, и когда это оказалось невозможнымъ, взялъ его изъ училища, отдалъ въ какой-то пенсіонъ, а потомъ помѣстилъ въ Пажескій Корпусъ. Отдавая въ школу, онъ назвалъ его: Михайла Ивановъ Лукинъ, купеческій сынъ; потомъ далъ ему фамилію Шумскій. Мальчикъ этотъ былъ выпущенъ въ гвардію, и поступилъ во флигель-адъютаны, которыхъ число тогда было очень ограничено. Между тѣмъ онъ сдѣлался совершеннымъ негодяемъ и горькимъ пьяницею. Послѣ катастрофы, сгубившей почтенныхъ родителей, достойный ихъ сынъ переведенъ былъ въ армію, и тамъ спился совершенно. Потомъ пошелъ онъ въ монахи и умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ *).

Аракчеевъ похоронилъ Настасью подлѣ того мѣста, гдѣ приготовилъ

*) Нынѣ читателямъ извѣстно, что Настасья обманула Аракчеева, и что Шумскій не былъ ихъ сыномъ. *П. Б.*

могилу для себя, и вырѣзалъ на гробѣ ея слѣдующую надпись:

Здѣсь погребенъ двадцати-семилѣтній
другъ Анастасія,
Убіенная села Грузина дворовыми
людьми. Убіенна
За нелицемѣрную и христіанскую ея
къ Графу любовь.

По смерти Настасьи, Аракчеевъ разсмотрѣлъ ея переписку съ разными особами и нашелъ вѣрныя свидѣтельства ея плутней и взяточничества. Онъ отправилъ найденные въ наличности подарки къ тѣмъ особамъ, отъ которыхъ они были получены и, какъ я слышалъ, велѣлъ перенесть трупъ Настасьи на обыкновенное кладбище.

По увольненіи отъ службы, Аракчеевъ вздумалъ отправиться въ чужіе краи, гдѣ не задолго до того былъ принимаемъ съ уваженіемъ, какъ довѣренный человѣкъ Александра. Времена перемѣнились: его принимали менѣе нежели равнодушно. Желая напомнить о своемъ прежнемъ величіи, онъ напечаталъ въ Берлинѣ переводъ (Французскій) писемъ къ нему Императора Александра. Этотъ поступокъ усилилъ справедливое къ нему негодованіе Николая и окончательно прекратилъ его поприще. Когда онъ въѣзжалъ во Францію, таможня отобрала у него серебряныя вещи, предлагая возвратить ему при обратномъ выѣздѣ его изъ Франціи, или изломать ихъ и отдать ему. Онъ избралъ послѣднее, но когда таможенный служитель сталъ разбивать серебряный чайникъ, Аракчеевъ пришелъ въ бѣшенство, бросился на него и схватилъ за воротъ. Сопровождавшіе его, съ трудомъ уладили дѣло. Не находя отрады и развлеченія за границею, воротился онъ въ Россію и прожилъ до конца своей жизни въ Грузинѣ. Онъ все еще считался на службѣ, но не подавалъ никакого знака жизни. Всѣ его оставили. Созданіе его Клейнмихель, сдѣлался первымъ его врагомъ и не называлъ его иначе, какъ злодѣемъ. Когда въ 1831 г. вспыхнулъ бунтъ въ поселенныхъ войскахъ, онъ испугался и пріѣхалъ изъ Грузина въ Новгородъ. Не знаю, кто именно былъ тогда Новгородскимъ губернаторомъ (помнится, нѣкто Демпферъ). Онъ приказалъ объявить графу, что онъ, присутствіемъ своимъ въ Новѣгородѣ, мутитъ народъ и велѣлъ ему выѣхать обратно въ Грузино. Въ это время, пріѣхалъ въ Новгородъ, по повелѣнію Государя, гр. А. Ѳ. Орловъ. Узнавъ о поступкѣ губернатора, онъ призвалъ его къ себѣ, спросилъ, по какому праву онъ выгоняетъ Аракчеева, когда не смѣетъ безъ позволенія выслать изъ города и отставнаго солдата, надѣлъ Александровскую ленту и поѣхалъ къ падшему вельможѣ. Аракчеевъ былъ приведенъ въ восхищеніе этимъ вниманіемъ. «Ваше посѣщеніе, графъ», сказалъ онъ Орлову, «было для меня тѣмъ пріятнѣе, что я никогда не видалъ васъ у себя въ передней.... Нынѣшнія происшествія огорчительны. Жалѣю только, что нѣтъ здѣсь Петра Андреевича (Клейнмихеля): онъ могъ бы насладиться зрѣлищемъ и плодомъ своихъ усердныхъ трудовъ!» —Аракчеевъ, въ уединеніи своемъ, принималъ посѣщенія сосѣднихъ помѣщицъ и каждую увѣрялъ, что сдѣлаетъ своею наслѣдницею. И въ этомъ отчужденіи, и въ этомъ униженіи противъ прежней высоты, ему умереть не хотѣлось. Послѣднія слова его были: проклятая смерть! Онъ умеръ въ Апрѣлѣ 1834 г., и извѣстіе о томъ при-

шло въ Петербургъ наканунѣ присяги Государя Наслѣдника Александра Николаевича, по наступленіи Его совершеннолѣтія. Для распоряженій о погребеніи его и о прочемъ, посланъ былъ въ Грузино Клейнмихель. Я былъ въ придворной церкви у обѣдни и при присягѣ Цесаревича. Любопытно было видѣть и слышать чистосердечные отзывы объ Аракчеевѣ людей, знавшихъ его коротко. Всѣхъ откровеннѣе и умнѣе говорилъ бывшій при немъ долго Василій Романовичъ Марченко, ненавидѣвшій и презиравшій его всѣми силами свой души. Нѣкоторые изъ бывшихъ его клевретовъ обрадовались его смерти она ихъ увѣрила, что онъ не воротится. Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ, бывшій командиръ полка графа Аракчеева, узнавъ, въ церкви, о кончинѣ его, сказалъ перекрестясь: «Царство ему небесное! себя успокоилъ и всѣхъ успокоилъ».

Произнося такой строгій судъ надъ Аракчеевымъ, винимъ не столько его, сколько Александра, который, наскучивъ угодливостью и царедворствомъ людей образованныхъ и умныхъ, бросился въ объятія этого нравственнаго урода. Аракчеевъ былъ тѣмъ, чѣмъ создала его природа. Должно отдать ему справедливость: онъ, какъ сказалъ я выше, преобразовалъ (1809 г.) къ лучшему нашу артиллерію и прилежно работалъ въ должности военнаго министра, до назначенія въ это званіе благороднаго и добродѣтельнаго Барклая. Еще спасибо ему за то, что онъ обратилъ вниманіе Александра на Канкрина; но онъ сдѣлалъ это не потому, чтобы постигалъ достоинства этого необыкновеннаго человѣка, а только *въ пику* врагу своему Гурьеву. Не случись подъ рукою Канкрина, онъ рекомендовалъ бы Андрея Ивановича Абакумова.—Ничто такъ не характеризуетъ подлости духа графа Аракчеева, какъ отмѣтка въ положеніи, которымъ прибавлялось жалованье артиллерійскимъ офицерамъ: «Ротнымъ командирамъ прибавки не полагается, потому что они пользуются доходами отъ ротъ». — Конфирмуя это положеніе, Государь не видалъ, что этимъ офиціально признаютъ и допускаютъ воровство.

Существованіе тѣсной связи Александра съ Аракчеевымъ, въ бытность его Наслѣдникомъ Престола, извѣстно мнѣ по одному неважному обстоятельству. Аракчеевъ, получивъ какую-то должность, помнится С. Петербурскаго коменданта, и чувствуя свою неграмотность, вытребовалъ себѣ въ писцы лучшаго студента Московскаго университета, обѣщая сдѣлать его счастіе. Къ нему присланъ былъ Петръ Николаевичъ Шараповъ (бывшій потомъ учителемъ въ Коммерческомъ Училищѣ), человѣкъ не глупый, кроткій, трудолюбивый и свѣдущій. Аракчеевъ обременялъ его работою, обижалъ, обходился съ нимъ какъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ. Исключенный изъ службы по капризу Павла, онъ почувствовалъ сожалѣніе къ честному труженику и поручилъ его покровительству Александра, сказавъ: «Наслѣдникъ мнѣ другъ и тебя не оставитъ.» — Дѣйствительно Шараповъ получилъ хорошее мѣсто; въ послѣдствіи сгубила его чарочка.— Аракчеевъ, замѣтивъ въ бумагахъ какого либо высшаго чиновника толкъ и хорошій слогъ, освѣдомлялся, кто его секретарь, переводилъ его къ себѣ, обѣщалъ многое, сначала хвалилъ и ласкалъ, а потомъ начиналъ оказывать ему холодность и презрѣніе. Такъ приблизилъ онъ къ себѣ почтеннаго и достойнаго

Василья Романовича Марченка и въ послѣдствіи сдѣлалъ его своимъ злѣйшимъ врагомъ. Потомъ вытащилъ онъ изъ провинціи простаго, неученаго, но умнаго и дѣльнаго Сырнева. По окончаніи ревизіи Сибири, выпросилъ у Сперанскаго Батенкова, посадилъ въ Совѣтъ Военныхъ Поселеній и потомъ до того насолилъ ему, что Батенковъ пошелъ въ заговоръ Рылѣева. Между тѣмъ Аракчеевъ хорошо умѣлъ отличать подлецовъ и льстецовъ. Такимъ образомъ втерся къ нему бывшій потомъ генералъ провіантмейстеромъ въ Варшавѣ, Василій Васильевичъ П—ъ, человѣкъ необразованный, но не глупый, смѣтливый, честолюбивый. Онъ началъ свою карьеру въ Министерствѣ Юстиціи, женился на отставной любовницѣ графа Шереметева, сдѣлалъ себѣ тѣмъ состояніе и пошелъ въ люди. Что лучше, думалъ онъ, какъ служить у Аракчеева? Втерся къ нему, работалъ неутомимо, кормилъ и поилъ Батенкова, чтобъ пользоваться его умомъ, льстилъ графу, соглашался на всѣ гнуснѣйшія его мѣры и, по видимому, обратилъ на себя милостивое его вниманіе. Однажды, когда онъ докладывалъ, графа вызвали въ другую комнату. П-ъ воспользовался этою минутою, и заглянулъ въ лежавшіе на столѣ формулярные списки, въ которыхъ Аракчеевъ вписывалъ свои аттестаціи для поднесенія Государю. Противъ своего имени прочиталъ онъ: «глупъ, подлъ и лѣнивъ.» И П-нъ разсказывалъ это всѣмъ, жалуясь на несправедливость и неблагодарность!

VII.

Въ молодости моей, въ 1808 и 1809 г., давалъ я уроки Русскаго языка Саксонскому посланнику графу Эйнзиделю, прекратившіеся переводомъ его въ Парижъ. По заключеніи мира, онъ опять присланъ былъ къ нашему Двору. На одномъ публичномъ спектаклѣ, въ 1816 году, на которомъ присутствовали Императорская Фамилія и весь Дворъ, очутился я въ креслахъ подлѣ моего бывшаго ученика и разговорился съ нимъ. «Не дивитесь ли вы перемѣнамъ, которыя произошли въ ваше отсутствіе?» спросилъ я. «Кто бы подумалъ, что эти господа такъ скоро выскочатъ! Вотъ Волконскій, вотъ Чернышевъ, бывшій тогда поручикомъ, вотъ Нессельродъ.»—«Объ этомъ не говорите, «возразилъ графъ: «я имѣлъ о немъ вѣрное предсказаніе. Однажды, обѣдая въ Парижѣ у вашего посла, князя Куракина, я очутился послѣ Талейрана. Куракинъ вралъ безъ милосердія. «Не трудно, князь,» сказалъ я Талейрану, «сладить съ такими дипломатами, какъ эти Русскіе.» «Правда ваша», сказалъ онъ: «Куракинъ очень не далекъ, но вотъ этотъ маленькій Нѣмецъ (указывая на сидѣвшаго противъ него Нессельрода), пойдетъ далеко.» Нессельродъ былъ особенно указанъ Государю барономъ Штейномъ, въ началѣ 1812 г., когда безтолковость и недальновидность графа Румянцова всѣхъ приводили въ отчаяніе,—и предсказаніе Талейрана сбылось вполнѣ.

VIII.

Сообщу любопытную черту о расположеніи Александра къ его свояку, королю Шведскому Густаву IV. Въ 1801 г. генералъ-квартермистромъ при Государѣ былъ почтенный и достойный генералъ (въ послѣдствіи графъ) Петръ Корниловичъ Сухтеленъ, человѣкъ весьма умный, учтивый, кроткій въ обращеніи, но тѣмъ

не менѣе настойчивый въ своихъ убѣжденіяхъ. Не знаю, кто изъ приближенныхъ къ Государю, Ливенъ, Волконскій что ли, сдѣлалъ ему непріятность, и вѣроятно не маловажную, потому, что Сухтеленъ пожаловался Государю. Александръ старался успокоить его, просилъ забыть оскорбленіе, можетъ быть, неумышленно нанесенное, и прибавилъ: «Il faut avoir un peu de philosophie.»*) Сухтеленъ не былъ доволенъ отвѣтомъ, но замолчалъ. Дня чрезъ два послѣ того, было у Государя собраніе генераловъ для обсужденія разныхъ стратегическихъ вопросовъ, впрочемъ въ одной теоріи, ибо о войнѣ тогда не помышляли. Стали говорить, какія границы были бы всего выгоднѣе для Россіи. «Чтò вы думаете объ этомъ, Сухтеленъ?» спросилъ Императоръ. Сухтеленъ всталъ, не говоря ни слова, взялъ со стола линейку и на картѣ Россіи, висѣвшей предъ собраніемъ, провелъ черту по рѣкѣ Торнео. «Полно, полно, сказалъ Государь: «эта граница намъ недоступна. Что скажетъ своякъ мой король Шведскій?» — «Sire», отвѣчалъ Сухтеленъ: «il faut avoir un peu de philosophie». Присутствующіе не поняли всего значенія этихъ словъ. Александръ закусилъ губы, но такъ какъ колкость этого возраженія извѣстна была ему одному, не сердился на Сухтелена.

IX.

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, не знаю какимъ образомъ, сдѣлался довѣреннымъ лицемъ Александра. Онъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ сперва въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, и назначенъ былъ Министромъ Полиціи, при учрежденіи этого министерства въ 1809 году, въ подражаніе Наполеону. Онъ окружилъ себя людьми не великаго достоинства. Въ числѣ ихъ былъ Лавровъ, человѣкъ не глупый, въ дѣлахъ опытный, но грубый и суровый: онъ ввелъ сѣченіе въ число полицейскихъ средствъ надъ людьми, изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія. Балашовъ спросилъ его однажды, каковъ экзекуторъ въ исполнительномъ Департаментѣ: «Золотой человѣкъ!» отвѣчалъ Лавровъ: «приведутъ арестанта, онъ разомъ закричитъ: штаны долой, и ложись на скамью.» Лавровъ былъ въ послѣдствіи сенаторомъ и не изъ худыхъ.—Начальникомъ Особенной Канцеляріи, чтò нынѣ III Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Е. И. В. былъ хвастунъ, негодяй С., побочный сынъ какого-то Голицына, рожденный въ Ревелѣ, носившій Французское имя, и притомъ—православный! Нахватавшись разныхъ поверхностныхъ знаній, не умѣя порядочно писать ни на какомъ языкѣ, онъ имѣлъ искусство ошаломить, озадачить кого угодно своею смѣлостью и самонадѣянностью. Онъ взялся устроить высшую тайную полицію, набралъ шпіоновъ, завелъ доносы, морочилъ Балашова разными навѣтами и выдумками и нѣкоторое время умѣлъ пускать пыль въ глаза, до того, что иногда ѣздилъ съ докладами прямо къ Государю. Александръ не довѣрялъ никому, даже своему министру полиціи, и С. служилъ ему соглядатаемъ. Вечеромъ и ночью посылалъ за нимъ по секрету и спрашивалъ, чтò дѣлается въ Министерствѣ. Triste sort des rois! *) С. разумѣется выдавалъ своего начальника головою. Но такая служба не можетъ быть

*) Надо быть нѣсколько философомъ.

*) Печальная участь Государей!

продолжительною. Александръ вскорѣ разгадалъ С-а, и удалилъ его съ кровавою обидою. Балашовъ, узнавъ о продѣлкахъ С-а въ Вильнѣ (въ Маѣ 1812 г.), открылъ газа Царю. С-ъ, увидѣвъ, что наступилъ его послѣдній часъ, просилъ увольненія отъ должности. Его опредѣлили въ главную квартиру Барклая, по особымъ порученіямъ, но не употребляли. Кутузовъ, прибывъ въ армію, выгналъ его. Получивъ въ 1816 году пенсіонъ въ 400 р. ассигн., онъ поселился въ подмосковной деревнѣ и прожилъ долго.— Балашовъ самъ, сдавъ управленіе Министерствомъ Полиціи Вязмитинову, остался въ свитѣ Государя и былъ употребляемъ по дипломатической части. Въ 1812 г. велъ онъ послѣдніе переговоры съ Наполеономъ. Извѣстенъ отвѣтъ его на вопросъ: какой путь ведетъ на Москву? — Есть и чрезъ Полтаву. — По окончаніи войны, былъ онъ нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи, потомъ плохимъ генералъ-губернаторомъ Орловскимъ, Тамбовскимъ и Рязанскимъ. Умеръ въ безвѣстности. Какъ частный человѣкъ, можетъ быть онъ имѣлъ и достоинства. Онъ былъ, напримѣръ, пріятелемъ Карамзина, но въ отношеніи государственномъ онъ былъ болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Непростительная ссылка Сперанскаго была отчасти его дѣломъ.

X.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (род. 8-го Дек. 1773 г. † 22-го Ноября 1844 г.) былъ человѣкъ добраго сердца, одаренный большимъ придворнымъ тактомъ и знаніемъ чего не должно говорить, но умъ и разсудокъ его были весьма тѣсные. Есть преданіе, что каммеръ-юнкеръ Дм. А. Гурьевъ (въ послѣдствіи министръ финансовъ) и онъ, были высланы Императоромъ Павломъ изъ города за ихъ недалекость. Голицынъ набрался незрѣлыхъ духовныхъ идей, вѣроятно, въ то время, когда былъ оберъ-прокуроромъ въ Синодѣ. Со временемъ онѣ перешли въ мистицизмъ и въ ученіе Англійскихъ методистовъ. И этотъ человѣкъ былъ министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ! Его обстали невѣжды, фанатики и негодяи, и этотъ добрый, почтенный человѣкъ, сдѣлался орудіемъ гоненій, преслѣдованій, почти злодѣяній. Люди ученые, умные, благородные (напримѣръ Александръ Петровичъ Куницынъ) сдѣлались жертвами козней адскаго союза, который окружалъ его. Главнымъ противникомъ его былъ Аракчеевъ. Князь оказывалъ къ нему презрѣніе, и даже никогда не кланялся. ..—Князь Голицынъ дѣлалъ много добра бѣднымъ и страждущимъ и щедро награждалъ своихъ подчиненныхъ, къ сожалѣнію, очень часто негодяевъ. На почтѣ принимали гривенныя письма чиновники съ звѣздою Станислава. Любопытное зрѣлище представляетъ человѣкъ слабохарактерный, управляемый обстоятельствами. Съ одной стороны въ Министерствѣ Просвѣщенія и по почтовому вѣдомству окружали его ханжи и плуты; съ другой стороны, директоромъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ министерскаго дома и, надъ кабинетомъ гонителя наукъ и просвѣщенія, сочинялась либеральная конституція. И въ то время, когда составлялись ковы противу Царя, участники въ нихъ, великодушные либералы, позволяли преслѣдовать людей, подозрѣваемыхъ въ свободомысліи и,

скажемъ болѣе, еще указывали на нихъ, чтобы отвести отъ себя взоры тайной полиціи....

Впрочемъ о такихъ людяхъ можно сказать тоже, что̀ Крыловъ говорилъ объ иностранныхъ воспитателяхъ: «И лучшая змѣя по мнѣ ни къ чорту не годится.» — Сообщаю для характеристики князя Голицына истинное происшествіе, которое касалось меня очень близко. Въ 1820 г. Жуковскій принесъ ко мнѣ Русскій переводъ одной сказочки Перро, переведенной съ Французскаго ученицею его Великою Княгинею Александрою Ѳеодоровною, и просилъ, чтобъ я напечаталъ ее въ своей типографіи въ числѣ десяти экземпляровъ, но съ тѣмъ, что эта книжка не была въ обыкновенной цензурѣ; онъ говорилъ объ этомъ князю Голицыну, и князь, изъявивъ свое согласіе, обѣщалъ извѣстить меня офиціально о напечатаніи ея безъ обыкновенныхъ формальностей. Великая Княгиня хотѣла по этой книжкѣ учить читать Своего Сына. Нѣтъ извѣщенія отъ Голицына. Жуковскій пишетъ изъ Павловска, что Великая Княгиня ждетъ оттисковъ. Что̀ тутъ дѣлать? Я повезъ рукопись къ цензору Тимковскому, и онъ подписалъ ее. Вслѣдъ за этимъ послалъ я экземпляры къ Жуковскому.—Вдругъ поднялась буря. Голицынъ, *забывъ* (?) объ обѣщаніи данномъ Жуковскому, написалъ къ военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, что въ типографіи Греча напечатана книга, недозволенная цензурою, и просилъ поступить съ содержателемъ типографіи на основаніи законовъ. Графъ потребовалъ у меня объясненія. Я представилъ рукопись, одобренную Тимковскимъ за двѣ недѣли предъ тѣмъ, и сказалъ, что одобреніе не выставлено на заглавномъ листкѣ по ошибкѣ фактора типографіи. Дѣло тѣмъ и кончилось. Хорошо было, что я не положился на словесное позволеніе министра: было бы много хлопотъ. Добрый Жуковскій очень сожалѣлъ о непріятности, сдѣланной мнѣ, и говорилъ мнѣ, что выговаривалъ князю, а тотъ извинился, что запросъ (имъ подписанный) былъ составленъ, безъ его вѣдома, въ его канцеляріи. По доносамъ и наговорамъ Магницкаго, я былъ предметомъ гоненія Министерства Просвѣщенія, а потомъ преданъ былъ суду съ его же чиновниками! (*См. дѣло о Госнерѣ* [1]).

XI.

Разскажу анекдотъ, слышанный мною отъ очевидца (Ѳ. И. Ласковкаго). Въ началѣ 1809 г., въ пребываніе здѣсь Прусскаго короля и королевы, всѣ знатнѣйшія государственныя и придворныя особы давали великолѣпные балы въ честь знаменитыхъ гостей. А. Л. Нарышкинъ сказалъ притомъ о своемъ балѣ. «J' ai fait ce que je dois, mais je dois aussi tout ce que j'ai fait [2]). «Въ числѣ первыхъ лицъ двора былъ графъ А. С. Строгановъ, врагъ Наполеона, тогдашняго нашего союзника, удалявшійся отъ всякаго соприкосновенія съ Коленкуромъ. На балѣ у Нарышкина Александръ сказалъ старику: «Ты дашь балъ и не будешь дурачиться. Понимаешь!» Графъ безмолвно поклонился. Это значило: пригласить и Коленкура. Графъ исполнилъ приказаніе. Но вотъ что случилось. Наканунѣ

---

[1]) Въ Р. Архивѣ 1868, стр. 403.

[2]) Я сдѣлалъ то что̀ было моимъ долгомъ, но я и сдѣлалъ все это въ долгъ.

бала пріѣзжаетъ къ нему чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и привозитъ записку Коленкура къ графу Румянцеву съ жалобою, что онъ не приглашенъ на завтрашній вечеръ къ Строганову. — Посылаютъ за секретаремъ графскимъ, Ласковскимъ. «Какъ не приглашенъ!» сказалъ Ласковскій чиновнику: «его имя стоитъ первое въ спискѣ. Ваши же (министерскіе) курьеры развозили билеты». Призвать курьеровъ. Явились. «Развезли ли билеты по адресамъ?» — «Развезли, только одного не нашли.» — «А кого?» — «Дюка де Виканса». Тутъ недоразумѣніе объяснилось. Новый титулъ посла не дошелъ еще до свѣдѣнія экзекутора въ министерствѣ. Ласковскій отправился съ чиновникомъ къ Коленкуру и объяснилъ причину ошибки. Великолѣпный балъ кончился ужиномъ. Въ одномъ концѣ залы накрытъ былъ круглый столъ на девять кувертовъ, по числу царственныхъ особъ, удостоившихъ балъ своимъ посѣщеніемъ. Отъ этого круглаго стола тянулись два длинные стола для вѣрноподданныхъ и прочихъ. Предъ самымъ окончаніемъ танцевъ, Коленкуръ вошелъ въ столовую, увидѣлъ распоряженіе, по которому онъ исключался изъ общества царскихъ особъ, и рѣшился захватить свое мѣсто наглостью: сталъ у круглаго стола и взялся за стулъ. Входятъ гости. Александръ въ первой парѣ велъ Королеву, взглянулъ, увидѣлъ Коленкура, догадался и сказалъ Королевѣ: «Сегодня позвольте мнѣ не садиться подлѣ васъ. Ужъ и такъ мнѣ нѣтъ покоя отъ моей жены. Буду ходить вокругъ стола и ухаживать за всѣми». Королева стала смѣючись возражать. Елисавета Алексѣевна, понявъ мысль Государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не садился и былъ до крайности любезенъ со всѣми, и особенно съ Коленкуромъ, который жестоко поплатился за свою наглость. Вспомнилъ ли онъ объ этомъ вечерѣ, когда онъ, утромъ 19 Марта 1814 г., съ порученіями Наполеона, подъѣхалъ верхомъ къ воротамъ замка Пантенъ, изъ котораго Александръ готовился вступить въ Парижъ? У воротъ Русскій часовой закричалъ: «Слѣзай съ лошади!» И онъ сошелъ съ коня и, снявъ шляпу, потупивъ голову, прошелъ съ выраженіемъ битаго Французскаго парикмахера, между рядами нашихъ офицеровъ, которыхъ бывало возмущалъ своимъ высокомѣріемъ и наглостью. Такимъ образомъ вскорѣ пройдутъ и Морни, и Валевскій, и всѣ эти подлые рабы Корсиканскихъ звѣрей. (Написано 16-го Іюля 1858 г.).

XII.

Самое неудачное изъ нашихъ министерствъ было именно Министерство Народнаго Просвѣщенія. Впрочемъ, можетъ быть, это такъ кажется мнѣ потому, что я слѣдилъ за нимъ съ бо́льшимъ вниманіемъ нежели за другими, и имѣлъ съ нимъ болѣе сношеній. Оно учреждено было благою мыслію Александра Павловича въ 1802 году. Министромъ назначенъ былъ графъ Петръ Васильевичъ Заводовскій, человѣкъ большаго ума, обогащеннный познаніями тогдашняго времени, но притомъ лѣнивый и чувственный Онъ не успѣлъ бы ничего сдѣлать, еслибъ не придано было ему въ помощь Главное Правленіе Училищъ, въ которомъ засѣдали М. Н. Муравьевъ (товарищъ министра, попечитель Московскаго Учебнаго Округа), Н. Н. Новосильцевъ (попечи-

тель С. Петербургскій), князь Чарторыжскій (попечитель Виленскій), графъ П. А. Строгоновъ, Клингеръ (попечитель Дерптскій), и. т. д. Они образовали это министерство, они учредили новыя ученыя и учебныя заведенія и возобновили старыя, составили благородный цензурный уставъ и т. п. Но это было непродолжительно. Политическія дѣла разстроили этотъ благородный союзъ и произвели въ умѣ и сердцѣ Александра остуду къ предмету, за который онъ взялся было съ жаромъ пламеннаго юноши. По смерти Муравьева, занялъ его мѣсто графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, человѣкъ умный и образованный, но большой баринъ и лѣнивецъ, любитель одной науки—ботаники, при которой онъ допускалъ необходимость Латинскаго языка. Въ послѣдствіи, сдѣлавшись министромъ просвѣщенія, онъ поручалъ всѣ дѣла директору своей канцеляріи, Ивану Ивановичу Мартынову *). Уваровъ, женившійся на его дочери, сдѣланъ былъ попечителемъ С. Петербургскаго Учебнаго Округа. О немъ скажу въ послѣдствіи. Въ 1816 году графъ Разумовскій былъ смѣненъ въ Министерствѣ Просвѣщенія княземъ А. Н. Голицынымъ. Разумовскому подсидѣлъ директоръ Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ. Онъ пользовался милостью Александра. Въ 1816 г., по прибытіи Александра въ Царское Село, онъ будто невзначай попался ему на встрѣчу въ саду, и на вопросъ Государя, что онъ дѣлаетъ, каково идетъ Лицей, отвѣчалъ, что огорченъ выговоромъ министра. Государь полюбопытствовалъ знать за что. Энгельгардтъ отвѣчалъ: «Въ Декабрѣ прошлаго года представлялъ я министру о необходимости сдѣлать торги на постройку лѣтнихъ панталонъ воспитанникамъ, и не получилъ никакого отвѣта. Въ Январѣ повторилъ представленіе. И тутъ отвѣта не было. Въ Мартѣ третье представленіе, и новый отказъ. Вотъ наступилъ Май, и я сшилъ панталоны безъ торговъ. Въ Октябрѣ наконецъ получилъ я разрѣшеніе на торги, но тогда донесъ, что панталоны уже сшиты и изношены. Министръ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за ослушаніе предъ начальствомъ и за неисполненіе приказаній».—Чрезъ недѣлю Разумовскій былъ отставленъ. И Энгельгардтъ просидѣлъ на мѣстѣ не долго. Его уходили святоши. Потомъ онъ вошелъ въ милость къ Канкрину и сдѣланъ былъ предсѣдателемъ редакціи Земледѣльческой Газеты.

Работу по изданію этой газеты всю отправлялъ Ст. Мих. Усовъ. Потомъ З—й прибралъ въ руки Земледѣльческую Газету. Усова уволили безъ всего, а Энгельгардту дали полный пенсіонъ.

Зная въ князѣ Голицынѣ человѣка кроткаго, добраго, благонамѣреннаго, многіе надѣялись отъ него всякихъ благъ.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Тогдашнія происшествія въ Европѣ, неудовольствіе Германіи на исходъ

*) Бывши попечителемъ, онъ ненавидѣлъ Мартынова и говорилъ, что желаетъ быть министромъ единственно для того, чтобъ выгнать этого негоднаго человѣка. На самомъ же дѣлѣ Мартыновъ сдѣлался у него сильнѣе, нежели былъ у Заводовскаго. Когда спросили графа, почему онъ не держитъ даннаго слова, онъ отвѣчалъ: „Вы не повѣрите, какъ мнѣ пріятно, когда этотъ бывшій врагъ мой докладываетъ мнѣ стоя, и потомъ засыпаетъ пескомъ, когда я подписываю бумаги“. А дѣла? А польза службы? А просвѣщеніе? А Россія? Кто-же станетъ заботиться о такихъ пустякахъ!

Вѣнскаго Конгресса, обманувшаго надежды Нѣмцевъ пожертвовавшихъ всѣмъ для сверженія иноземнаго ига, въ ожиданіи лучшей будущности; волненія въ университетахъ, умерщвленіе Коцебу студентомъ Зандомъ,—все это заставляло призадумываться и искать средствъ къ успокоенію умовъ и къ прекращенію безпорядковъ. Вздумали водворять религію распространеніемъ Библіи и сочиненій Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга. Вошелъ въ моду Лабзинъ. Поповъ, Магницкій, Руничъ, Кавелинъ и имъ подобные люди завладѣли Голицынымъ и его министерствомъ. Главную роль игралъ при томъ Магницкій. Ему отданъ былъ на съѣденіе Казанскій университетъ. Пріѣхавъ туда и взглянувъ на профессоровъ, онъ тотчасъ отличилъ низкихъ отъ порядочныхъ людей: первыхъ приближалъ къ себѣ, возвышалъ, представлялъ къ наградамъ; другихъ преслѣдовалъ, обижалъ и выгонялъ. И въ этомъ поступалъ онъ, какъ кровожадные члены Комитета Общественнаго Блага (du salut public) во Франціи. Является къ нему профессоръ, толкуетъ съ нимъ, сообщаетъ свои мнѣнія, можетъ быть, приноситъ жалобы. Магницкій слушаетъ его внимательно и благосклонно. По окончаніи рѣчи, говоритъ: «Я имѣю до васъ просьбу, и надѣюсь, что вы ее исполните». Профессоръ кланяется. «Вотъ листъ гербовой бумаги, потрудитесь написать прошеніе объ увольненіи васъ отъ службы, и будьте увѣрены, что оно вскорѣ будетъ исполнено». Студентовъ заставлялъ онъ ходить въ церковь какъ можно чаще, и инспектору и профессорамъ предписано было присматривать, кто изъ нихъ молится съ бо́льшимъ усердіемъ и, по гримасамъ ихъ, повышать и награждать. Ханжество, лицемѣріе, а съ тѣмъ вмѣстѣ развратъ и нечестіе дошли тамъ до высшей степени. Особенно отличался профессоръ П—инъ, поступившій туда изъ плохихъ учителей С. Петербургской гимназіи. Когда іезуитскій уставъ Казанскаго университета былъ введенъ въ Петербургѣ, ректоръ университета Казанскаго Никольскій поздравилъ Петербургскую обитель благочестія и просвѣщенія отношеніемъ, составленнымъ трудами благочестиваго Пальмина.

Эта бумага сдѣлалась извѣстною и возбудила общій смѣхъ. Магницкій видѣлъ, что его кліенты пошли слишкомъ далеко, и обратилъ свой гнѣвъ на Пальмина. Это же обстоятельство подало Магницкому средство или, лучше сказать, предлогъ растогнуть связь свою съ Голицынымъ и передаться Аракчееву.

Руничъ былъ ревнителемъ, поклонникомъ, подражателемъ и карикатурою Магницкаго Тотъ былъ хитеръ и разсчетливъ, насмѣхался надъ всѣмъ въ свѣтѣ, дурачилъ кого могъ, и пользовался слабостями и глупостью людей. Фанатизмъ Рунича былъ не естественный, а прививной: попадись онъ въ руки Рылѣева, онъ былъ бы повѣшенъ вмѣстѣ съ нимъ. Подражая во всемъ Магницкому, восхищаясь его Робеспіеровскими подвигами въ Казани, Руничъ хотѣлъ повторить тоже съ бо́льшимъ блескомъ и громомъ въ Петербургѣ. Помощникомъ ему былъ профессоръ Т., переведенный въ университетъ изъ Петербургской семинаріи: онъ училъ грамотѣ дѣвицъ Перовскихъ, дочерей Марьи Михайловны, бывшей потомъ генеральшей Денисьевою. Т—евъ пріобрѣлъ тетрадки студентовъ. Это мнѣ извѣстно въ точности. Братъ Бориса Карловича Данзаса, Генрихъ, умершій въ молодыхъ

лѣтахъ, лежалъ больной неопасною болѣзнію въ лазаретѣ, и слышалъ, какъ Т. подговаривалъ студентовъ выдать ему тетрадки ихъ товарищей. На возраженія ихъ онъ отвѣчалъ: «Что ихъ щадить, этихъ проклятыхъ Нѣмцевъ: всѣхъ ихъ надо выгнать. Отъ нихъ житья нѣтъ!» На жертву избраны были профессоры Германъ, Раупахъ, Арсеньевъ и Галичъ. Германъ, ученикъ знаменитаго Шлёцера въ Геттингенѣ, былъ человѣкъ умный и ученый, но тяжелый, лѣнивый и довольно легкомысленный. Онъ преподавалъ въ университетѣ Всеобщую Статистику умно и дѣльно, но поверхностно. Гораздо интереснѣе и важнѣе были частныя лекціи его въ обществѣ молодыхъ офицеровъ и другихъ любителей наукъ. По минованіи бури, онъ поступихъ инспекторомъ класовъ въ Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ, и пользовался до конца жизни своей милостямя Императрицы Маріи Өеодоровны. Онъ издалъ нѣсколько книгъ о Статистикѣ на Русскомъ и на Нѣмецкомъ языкѣ, не отличающихся внутреннимъ достоинствомъ и написанныхъ поверхностно; но былъ человѣкъ честный и добрый и никогда не замышлялъ ничего дурнаго: это требуетъ напряженія и труда, а онъ любилъ нѣгу и лѣнь. Умеръ въ 1838 году. — Эрнестъ Раупахъ, въ послѣдствіи извѣстный драматическій писатель, былъ гувернеромъ дѣтей князя П. М. Волконскаго и, по протекціи Уварова, поступилъ въ университетъ сперва профессоромъ Нѣмецкой литературы, а потомъ Всеобщей Исторіи. Онъ былъ протестантъ и поэтъ, слѣдственно преподавалъ свой предметъ свободно и не стѣсняясь узкими взглядами суевѣровъ. Можетъ быть, онъ былъ и неосторожenъ, но никакъ не былъ ни революціонеромъ, ни безбожникомъ. Лекціи его были тѣмъ безвреднѣе, что онъ преподавалъ на Нѣмецкомъ языкѣ, котораго девять десятыхъ студентовъ не понимали, а остальные были протестанты. Полагаю, что онъ навлекъ на себя негодованіе начальства тѣмъ, что понималъ и презиралъ тогдашнихъ своихъ командировъ. — Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, ученикъ Германа, человѣкъ благородный, честный и кроткій, подпалъ гнѣву начальства за то, что не согласился жениться на племянницѣ ректора Зябловскаго. Какой извергъ! Арсеньевъ, служа въ Инженерномъ Училищѣ, пользовался милостями Великаго Князя Николая Павловича и въ послѣдствіи былъ учителемъ нынѣшняго Государя Александра Николаевича. Въ 1848 году, будучи уже тайнымъ совѣтникомъ и членомъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, онъ подвергся немилости по донесенію предсѣдателя Секретной Цензуры, Д. П. Бутурлина, за одно выраженіе въ письмѣ, при которомъ онъ поднесъ свою книгу одному высокому лицу, но этотъ гнѣвъ не имѣлъ вредныхъ для Арсеньева послѣдствій. — Александръ Ивановичъ Галичъ, человѣкъ добрѣйшій, основательно учившійся философіи, но слабый и безхарактерный, бывшій игрушкою учениковъ Петровской Школы, въ которой онъ смѣнилъ меня, въ 1813 году, въ званіи старшаго учителя Русскаго языка. Не умѣя, при всей своей учености, справиться въ высшими классами, онъ просилъ перевести его въ классъ для преподаванія чтенія, что и было исполнено. Потомъ получилъ онъ мѣсто профессора Философіи въ Университетѣ. Онъ написалъ *Исторію Философскихъ Системъ*, по Нѣ-

мецкимъ источникамъ, варварскимъ и темнымъ слогомъ. Изъ этой несчастной книги извлекли матеріалы къ обвиненію его. Ему самому предписали чужія мнѣнія, которыя онъ приводилъ въ Исторіи.

Профессоры Университета раздѣлились на двѣ стороны, — бѣлую и черную. На бѣлой были: Балугьянскій, Плисовъ, Шармуа, Деманжъ, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Вишневскій, Ржевскій, Радловъ и директоръ Училищъ Тимковскій. На черной: Дегуровъ, Зябловскій, Толмачевъ, Роговъ, Поповъ и Щегловъ. Первые придерживались своего мнѣнія и выражали оное по искреннему убѣжденію, по долгу правды и чести; послѣдніе, по желанію выслужиться у начальства. По составленіи Руничемъ и его клевретами обвинительныхъ пунктовъ, подсудимымъ сдѣланы были допросы въ засѣданіяхъ Университета, 3-го, 4-го и 7-го Ноября 1821 года. Едва ли можно повѣрить, чтобъ нѣчто подобное могло случиться въ XIX вѣкѣ, въ царствованіе Александра I-го! Рукопись Плисова, заключавшая въ себѣ оправдательное изложеніе этихъ засѣданій, разошлась по рукамъ. Святоши, узнавши о томъ, стали его преслѣдовать. Плисовъ преподавалъ Естественное Право въ Гимназіи. Кавелинъ обѣщалъ Руничу сгубить его на тогдашнемъ экзаменѣ.

По разсмотрѣніи Руничемъ учебныхъ тетрадокъ, донесъ онъ объ нихъ министру: «Хотя въ тетрадкахъ Плисова не найдено ничего предосудительнаго, но это самое и доказываетъ, что онъ человѣкъ вредный, ибо, при устномъ преподаваніи, могъ прибавлять, что ему вздумается». Плисовъ былъ уволенъ отъ должности. Въ послѣдствіи былъ онъ директоромъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и отставленъ за то, что не хотѣлъ скрѣпить противузаконной, по его мнѣнію, бумаги. Онъ умеръ въ званіи члена Консультаціи въ Министерствѣ Юстиціи.

Дѣло профессоровъ кончилось ничѣмъ. Германъ поступилъ на службу къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Раупахъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Германію, посвятилъ себя драматической литературѣ, гдѣ и пріобрѣлъ онъ большую извѣстность. Арсеньевъ былъ опредѣленъ по Статистическому Отдѣленію въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.—Руничъ, получивъ за свои подвиги орденъ Св. Владимира 2-ой степени, явился къ Великимъ Князьямъ. Николай Павловичъ благодарилъ его за изгнаніе Арсеньева, который могъ теперь посвятить все свое время Инженерному Училищу, и просилъ выгнать изъ университета еще нѣсколько человѣкъ подобныхъ, чтобъ у себя съ пользою употребить ихъ на службу. Самъ Руничъ сгубилъ себя. Надлежало перестроить зданіе купленное для Петербургскаго Университета, въ Семеновскомъ полку, гдѣ нынѣ Синодальное подворье, на углу Кабинетской улицы. Руничъ исходатайствовалъ согласіе министра строить это зданіе не съ подрядовъ, а хозяйственнымъ образомъ, получилъ милліонъ триста тысячь рублей ассигнаціями по смѣтѣ, отдѣлалъ себѣ квартиру, построилъ отхожія мѣста, и кончилъ—за недостаткомъ суммъ. Его и всѣхъ чиновниковъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, предали слѣдствію и суду, и приговорили ко взыканію съ нихъ недоимки. Но взять было нечего. Руничъ дѣтей своихъ роздалъ по казеннымъ заведеніямъ, а самъ шатался по улицамъ съ Вла-

димірскою звѣздою, отпустилъ себѣ усы, жаловался, обѣдалъ гдѣ случалось, и такъ провелъ свой вѣкъ. Наконецъ впалъ въ болѣзнь и ребячество. Дм. В. Дашковъ надъ нимъ сжалился и помогъ ему. Равно ходатайствовалъ за него и князь Варшавскій.

Достойно замѣчанія, что Магницкій, втянувъ Рунича въ свой кругъ, потомъ представлялся, что удерживаетъ его отъ необдуманныхъ поступковъ, и предсказывалъ ему худой конецъ. Замѣчательно также, что по паденіи Голицына, потухла въ Руничѣ и ревность къ вѣрѣ, заставлявшая его дѣлать всякія несправедливости и преслѣдовать людей. Въ послѣдній день Масляницы 1824 года, приходитъ ко мнѣ отъ него человѣкъ и приглашаетъ къ обѣду во вторникъ, увѣдомляя, что у него будетъ обѣдать Сергѣй Николаевичъ Глинка. Я изумился и спросилъ у посланнаго, не ошибается ли онъ. Во вторникъ на первой недѣлѣ Великаго Поста православные не кушаютъ скоромнаго, а до постной пищи я не охотникъ и потому прошу извинить меня нездоровьемъ.—«Что вы, сударь?» возразилъ мнѣ съ язвительною улыбкою посланный. «Вы говорите о временахъ прошлыхъ. Нынче у насъ мясоѣдъ круглый годъ».—Я отправился къ Руничу въ назначенный день и нашелъ, что онъ, видно, для возбужденія аппетита, играетъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ на биліардѣ и въ тоже время толкуетъ ему литургію Василія Великаго. Пріѣхалъ С. Н. Глинка. Обѣдъ былъ самый скоромный, и бесѣда отнюдь не великопостная!

Руничъ оставался попечителемъ Округа и въ министерство Шишкова, до открытія безпорядковъ по хозяйственной части, и всячески старался къ нему подбиться. На экзаменѣ гимназіи Шишковъ, утомясь испытаніемъ учениковъ въ какихъ-то скучныхъ предметахъ, вздумалъ посмотрѣть книги, разложенныя на столѣ предъ нимъ, для раздачи въ награду ученикамъ. Взялъ одну и развернулъ: «О старомъ и новомъ слогѣ Русскаго Языка;» другую: «Разговоръ о Словесности;» третью: «Дѣтская Библіотека»—все его собственныя сочиненія! Онъ видимо смутился. Шутники говорили, что потомъ, когда онъ, по приглашенію попечителя, пришелъ къ нему на завтракъ, дѣти Рунича запѣли хоромъ изъ Дѣтской Библіотеки: «Хоть весною и тепленько, а зимою холодненько» и проч.

И Магницкій не избѣжалъ своей участи. Выше сказано, что онъ поѣхалъ на поклоненіе въ Грузино. Тамъ онъ всячески льстилъ и пресмыкался, но врядъ ли умѣлъ надуть Змѣя-Горыныча. Аракчеевъ, употребивъ его въ свою пользу, бросилъ бы какъ выжатый лимонъ. Магницкій, уѣзжая, поднесъ Аракчееву описаніе вѣщаго сна [1]), будто бы видѣннаго имъ, когда онъ ночевалъ въ Грузинѣ: въ этомъ снѣ видѣлъ онъ дивныя вещи въ будущемъ и предсказывалъ успѣхи и всякое счастье поборнику Православія. Воротясь въ Петербургъ, занялся онъ какими-то планами о преобразованіи просвѣщенія и духовной части въ Россіи.

27-го Ноября 1825 года Магницкій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и сочинялъ- Богъ знаетъ что. Входитъ къ нему сенаторъ Матвѣй Петровичъ Штеръ. Магницкій показываетъ ему

[1]) Напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1863, изд. 1-е, стр. 930.

съ торжествомъ написанную имъ бумагу. «Открою глаза Государю!» говоритъ онъ: «увидитъ всю мерзость людей!»—«Вы пишете къ Государю?» спросилъ Штеръ. — «Къ Государю, а что?» — «Государь скончался.» — Магницкій опустился на стулъ и преклонилъ голову, закрывъ глаза руками. Между тѣмъ Штеръ сообщилъ ему подробности плачевнаго событія. Чрезъ нѣсколько минутъ Магницкій вскочилъ и закричалъ: «Пишу къ Императору Константину Павловичу». — Единственнымъ дѣломъ, которое дозволилъ себѣ Николай Павловичъ, до вступленія своего на престолъ, была высылка Магницкаго. Ему велѣно было ѣхать въ мѣсто служенія своего, Казань. Онъ барахтался нѣсколько времени, но принужденъ былъ повиноваться. Вскорѣ онъ былъ уволенъ отъ службы, съ приказаніемъ жить въ Ревелѣ. Въ послѣдствіи жилъ онъ въ Одессѣ, гдѣ и умеръ. Всѣ его старанія выкарабкаться оттуда были напрасны.

У Магницкаго былъ одинъ сынъ, хорошенькій собою, умный мальчикъ, служившій въ гвардейскихъ гусарахъ. За какую-то шалость онъ былъ выписанъ изъ гвардіи. Я видалъ его потомъ у Ростислава (Ѳеофила Толстаго). Онъ былъ человѣкъ образованный и пріятный. Женатый уже, онъ влюбился въ другую замужнюю женщину, сошелъ съ ума и умеръ. Дочь его незамужняя.... «Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдаваяй грѣхи отецъ на чада до третьяго и четвертаго рода, ненавидящимъ Меня!» (Исх. XX, 5).

XIII.

Въ первое время пребыванія моего въ Парижѣ (въ 1817 г.) пришелъ я однажды къ состоявшему тогда при графѣ Воронцовѣ Николаю Александровичу Старынкевичу (нынѣ сенатору въ Варшавѣ), самому умному и любезному человѣку, отъявленному либералу. Онъ сидѣлъ за какими-то огромными таблицами, на которыхъ начертана была Русская азбука, и на вопросъ мой, что̀ это значитъ, отвѣчалъ: «Это таблицы для обученія чтенію, по недавно изобрѣтенной удивительной методѣ Ланкастерской; при пособіи ея сотни человѣкъ могутъ безъ учителя выучиться въ самое скорое время грамотѣ. Эти таблицы напечатаны для обученія солдатъ нашего корпуса въ Мобёжѣ». Я сталъ разсматривать таблицы и нашелъ, что онѣ составлены съ совершеннымъ незнаніемъ свойствъ Русской азбуки, напримѣръ, между прочимъ, буква *ж* поставлена была въ числѣ гласныхъ. На замѣчаніе мое о томъ, Старынкевичъ сказалъ: «Да вы не знаете этой методы?» — «Такъ, но знаю Русскую азбуку.» — «Посвятите меня въ ея тайны», сказалъ Старынкевичъ насмѣшливо, и я написалъ предъ нимъ раздѣленіе Русскихъ буквъ, которое въ послѣдствіи изложилъ въ моей Граматикѣ. Онъ началъ спорить. Къ нему въ то время пришелъ профессоръ Персидскаго языка Ланглесъ.— «Посмотрите», сказалъ ему Старынкевичъ: «вотъ господинъ Г. сообщаетъ мнѣ неизвѣстную мнѣ доселѣ систему Русской азбуки». Ланглесъ полюбопытствовалъ узнать ея составъ и свойства. Я изложилъ ему истинную систему нашихъ буквъ, отличительныя свойства полугласныхъ, дѣленіе гласныхъ на твердыя и мягкія, согласныхъ на произносимыя разными органами; показалъ сродство ихъ, сліяніе и сочетаніе, измѣненія однихъ буквъ отъ присоединенія къ другимъ,

Ланглесъ пришелъ въ восхищеніе, записалъ мою систему и тутъ же предложилъ мнѣ мѣсто профессора Русскаго языка въ Парижскомъ училищѣ живыхъ восточныхъ языковъ, котораго я, къ сожалѣнію, принять не могъ. Старынкевичъ убѣдился въ истинѣ и важности моей системы. По его просьбѣ составилъ я таблицы азбуки, складовъ и словъ для обученія чтенію и письму по Ланкастерской методѣ, посѣщалъ училище взаимнаго обученіе въ Rue St. Jean de Beauvais, ѣздилъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Тургеневымъ (секретаремъ графа) въ королевскую типографію, чтобъ заказать буквы на перепечатаніе таблицъ. Тѣмъ занятіе мое и кончилось: я не думалъ, чтобъ мнѣ пришлось употребить эти опыты на дѣлѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, посѣтилъ я, по постороннему дѣлу, инженеръ-генерала графа Егора Карловича Сиверса; разговорились между прочимъ о методахъ обученія, и я упомянулъ о Ланкастерской. Графъ сказалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы выписать кого-либо изъ Франціи для введенія этой методы обученія въ кантонистскихъ школахъ. Узнавши, что я посвященъ во всѣ таинства этого ученія и могу быть ему полезнымъ, онъ очень обрадовался и предложилъ мнѣ вступить членомъ въ Коммиссію составленія учебныхъ пособій кантонистамъ поселенныхъ войскъ, въ которой онъ былъ предсѣдателемъ. Я былъ тогда на службѣ почетнымъ библіотекаремъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, состоявшей въ вѣдѣніи Министерства Просвѣщенія. По требованію графа Аракчеева, меня откомандировали въ Коммиссію, въ которой, подъ предсѣдательствомъ графа Сиверса, были членами генералы Перскій (директоръ 1-го Кадетскаго Корпуса) и Петровъ, флигель-адъютантъ полковникъ Клейнмихель, священникъ Герасимъ Петровичъ Павскій, ст. сов. Иванъ Осиповичъ Тимковскій и я, коллежскій ассесоръ Гречь. Я написалъ руководство къ учрежденію и дѣйствіямъ училищъ, составилъ таблицы, книги и проч., но вскорѣ разошелся въ мнѣніяхъ съ графомъ Сиверсомъ, который былъ человѣкъ образованный и почтенный, но тяжелый педантъ и крохоборъ. Меня уволили изъ Комиссіи съ чиномъ надворнаго совѣтника. Между тѣмъ я вошелъ въ моду. Въ концѣ 1818 года начальникъ штаба Гвардейскаго Корпуса, Николай Мартьяновичъ Сипягинъ, поручилъ мнѣ заведеніе центральной школы для обученія солдатъ Гвардейскаго Корпуса. Не могу не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ объ этомъ добромъ, любезномъ умномъ человѣкѣ въ частной жизни, храбромъ на войнѣ, прилежномъ и дѣловомъ въ службѣ, но притомъ крайне честолюбивомъ и придворномъ, т. е. жертвовавшемъ всѣмъ удовлетворенію своего тщеславія. Онъ служилъ въ походахъ 1812—1815 годовъ при графѣ Милорадовичѣ, былъ вездѣ правою его рукою, въ званіи начальника штаба его отряда. По назначеніи Милорадовича командиромъ Гвардейскаго Корпуса, Сипягинъ, сдѣлавшись и здѣсь начальникомъ штаба, умѣлъ оттѣснить командира и забрать въ свои руки всю власть. На пути стоялъ генералъ Криденеръ, почему-то возбудившій неудовольствіе Императора, который однако изъявлялъ желаніе съ нимъ примириться. Сипягинъ мѣшалъ Криднеру сблизиться съ Государемъ, увѣряя, что Александръ все еще на него гнѣвается. Начальникъ штаба былъ на дѣлѣ корпуснымъ командиромъ:

дѣлалъ, что хотѣлъ, переводилъ офицеровъ въ гвардію по своему усмотрѣнію, раздавалъ баталіоны, полки и проч., но никому не дѣлалъ зла; напротивъ дѣлалъ, добра сколько могъ. Между прочимъ я обязанъ ему вѣчною благодарностью за переводъ брата моего въ гвардію. Мнѣ лично онъ не успѣлъ сдѣлать ничего, но его дружеское, благородное, довѣрчивое со мною обращеніе останется на всю жизнь въ благодарномъ моемъ воспоминаніи. Какая разница съ преемникомъ его, Бенкендорфомъ!—Школа устроена была въ просторныхъ залахъ новопостроенныхъ казармъ Павловскаго полка, на Царицыномъ лугу. Ученики были набраны изъ всѣхъ полковъ Гвардейскаго и Гренадерскаго Корпусовъ, до двухъ сотъ пятидесяти. Въ числѣ ихъ было нѣсколько грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ употребили учетелями. Начальникомъ Школы опредѣленъ былъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабсъ-капитанъ Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ, человѣкъ возвышенной души, благороднѣйшаго сердца, большаго ума и рѣдкаго образованія. Въ началѣ 1819 года (по паденіи Сипягина) онъ перешелъ въ южную армію, къ полковнику П. Д. Киселеву, назначенному начальникомъ ея штаба, подружился тамъ съ нѣкоторыми героями 14-го Декабря, но не участвовалъ въ ихъ замыслахъ и даже не зналъ о нихъ. Въ 1824 году былъ онъ уже командиромъ Уфимскаго полка; но, по открытіи заговора, обратилъ на себя неудовольствіе Государя и былъ переведенъ въ другой полкъ (Мингрельскій) младшимъ штабъ-офицеромъ. Въ 1828 и 1829 годахъ отличался онъ своими подвигами въ Азіятской Турціи, назначенъ былъ командиромъ Херсонскаго Гренадерскаго полка, произведенъ въ генералы, и тѣмъ прекратилось его блистательное поприще: онъ былъ убитъ при Байбуртѣ (23 Іюня 1829 г.), на тридцать пятомъ году отъ рожденія. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Бурцовъ, оставшись въ живыхъ, сдѣлался бы великимъ полководцемъ. Память его дорога для всѣхъ, кто имѣлъ счастье знать его.

XIV.

Сказавъ доброе слово о чужомъ человѣкѣ, позволяю себѣ написать нѣсколько строкъ въ память человѣка мнѣ близкаго. Помощникомъ къ нему назначенъ былъ братъ мой Павелъ Ивановичъ, бывшій тогда прапорщикомъ въ Финляндскомъ полку. Онъ былъ человѣкъ неблистательный, несообщительный, скромный, молчаливый (мой антиподъ!), ревностный служака и честный солдатъ. Вся его жизнь была цѣпью препятствій, и лишь только онъ вышелъ на торную дорогу, смерть прекратила дни его. По примѣру средняго нашего брата, Александра, убитаго при Бородинѣ, и Павелъ хотѣлъ служить въ артиллеріи и поступилъ во 2-й Кадетскій Корпусъ, но въ концѣ 1812 года, отъ дурнаго содержанія въ корпусѣ, жестоко заболѣлъ: все тѣло его покрылось струпьями. Только нѣжнымъ, неусыпнымъ попеченіямъ доброй, несравненной матери, обязанъ онъ былъ спасеніемъ отъ смерти и возстановленіемъ здоровья. По болѣзни онъ былъ уволенъ изъ Корпуса, и то съ большимъ трудомъ, потому что въ 1812 г. нужны были офицеры, и ихъ выпускали совершенными еще дѣтьми. Когда братъ выздоровѣлъ, положили быть ему чиновникомъ гражданскимъ, но лишь только онъ уви-

дѣлъ военный мундиръ на одномъ сверстникѣ, родственникѣ моей жены, то объявилъ, что никакъ не можетъ быть статскимъ. Между тѣмъ онъ учился въ гимназіи (2-й) и все налегалъ на математику. Его предѣлили юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, и года чрезъ два выпустили въ армію подпоручикомъ. Но и тутъ не обошлось безъ затрудненія. Когда ему надлежало явиться на смотръ къ графу Аракчееву, начальнику артиллеріи, онъ какъ-то натеръ себѣ ногу и не могъ надѣть сапога. Его исключили изъ списка производимыхъ. Къ счастію я зналъ графа, при посредствѣ Мишки Шумскаго (смотри выше), написалъ къ нему о томъ письмо и требовалъ моему брату новаго смотра. Графъ былъ особенно въ духѣ, осмотрѣлъ брата и аттестовалъ его. — Выше говорилъ я, что Сипягинъ перевелъ брата въ гвардію. Онъ назначилъ его было въ гвардейскую артиллерію, но такъ какъ не дали пятисотъ рублей правителю канцеляріи инспектора артиллеріи барона Меллера-Закомельскаго, П-у, то объявлено было, что въ артиллеріи гвардейской нѣтъ ваканціи. И такъ братъ мой, оставивъ артиллерію, поступилъ въ егеря, въ Финляндскій полкъ. Передъ самымъ его прибытіемъ въ полкъ, когда уже отдано было въ приказѣ о переводѣ его, полковой казначей Колокуцкій промоталъ казенныя деньги. Офицеры сложились, чтобы внести ихъ, и Павелъ лишился значительной части своего жалованья. — Во время наводненія 7-го Ноября 1824 года, стоялъ онъ въ караулѣ въ Галерной гавани, въ ветхой караульнѣ, построенной на берегу на сваяхъ. Вода поднялась до верху. И караульные, и арестанты взобрались на крышу; зданіе качалось во всѣ стороны. Ежеминутно ждали паденія его и неминуемой смерти. Солдаты, любившіе своего офицера (онъ командовалъ ихъ ротою), хотѣли спасти его, высадивъ на одно изъ судовъ, которыя бурею гнало мимо караульни, сбирались даже спустить его насильно; но онъ, отбившись отъ нихъ, объявилъ, что предоставляетъ каждому изъ нихъ спасаться какъ кто можетъ, самъ же сойдетъ съ поста послѣднимъ. Одинъ солдатъ дѣйствительно спасся такимъ образомъ. Смерклось. Вода начала сбывать. Изъ морскихъ казармъ замѣтили бѣдствіе караульни и отправили на помощь катеръ (при чемъ съ трудомъ добились у смотрителя веселъ: онъ боялся, что погибнетъ казенное добро). Тутъ опять началась борьба, чтобъ офицеръ ѣхалъ первый на катерѣ, который, можетъ быть, потомъ бы и не могъ прійти вторично. Братъ посадилъ на катеръ нѣсколько солдатъ съ арестантами и унтеръ-офицеромъ и дождался ихъ возвращенія на расшатанномъ зданіи караульни. Отправивъ такимъ образомъ всѣхъ (шестьдесятъ нижнихъ чиновъ и двадцать двухъ арестантовъ) онъ, съ старшимъ унтеръ-офицеромъ, поѣхалъ послѣднимъ. Спасены были и всѣ бумаги; пропали только два кивера. Лишь только отвалилъ катеръ въ послѣдній разъ, домъ рухнулъ въ воду. Ночевали они въ морской казармѣ, поужинавъ черствымъ хлѣбомъ, которымъ подѣлились съ ними добрые моряки. На другой день офицеры Финляндскаго полка, узнавъ отъ спасеннаго солдата о бѣдствіи, пошли на то мѣсто, гдѣ стояла караульня, чтобъ отыскать хотя слѣды несчастныхъ. Имъ навстрѣчу идетъ караулъ съ барабаннымъ боемъ! — За это дивное спа-

сеніе караула, командиръ полка, генералъ Шеншинъ получилъ втораго Владиміра, а поручикъ Гречъ не удостоился даже благодарности. 14-го Декабря, рота моего брата стояла въ караулѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. Государь Николай Павловичъ отрекомендовалъ его принцу Евгенію Виртембергскому, какъ извѣстнаго ему отличнаго офицера, на котораго можно положиться, и тутъ братъ мой узналъ, что Государь думаетъ, будто онъ получилъ Аннинскій крестъ за наводненіе, а не за командованіе школою за пять лѣтъ до того! Въ то время Великій Князь не былъ еще ихъ дивизіоннымъ командиромъ. Павелъ Ивановичъ простоялъ въ караулѣ двое сутокъ и занимался составленіемъ бланковъ, при которыхъ препровождали арестантовъ въ крѣпость. — Въ 1827 году, наскучивъ гарнизонною службою и не успѣвъ снискать благоволенія Михаила Павловича, перешелъ онъ офицеромъ въ Пажескій Корпусъ, но вскорѣ стосковался по военной службѣ, и когда, въ 1828 году, сказанъ былъ походъ въ Турцію, перепросился на прежнее мѣсто. И эта карьера была ему невыгодна. При осадѣ Варны, стоя по колѣни въ холодной водѣ, онъ лишился употребленія ногъ отъ ревматизма; по взятіи крѣпости, отправленъ былъ съ другими больными и ранеными на Далматскомъ суднѣ въ Одессу; ихъ носило цѣлый мѣсяцъ по Черному морю, и они едва не погибли. Между тѣмъ, всѣ товарищи брата, участвовавшіе въ походѣ, были награждены крестами; а онъ, командиръ роты Его Величества, обойденъ былъ потому, что его считали утонувшимъ. Къ тому присоединилось еще одно обстоятельство. Въ продолженіе Турецкой войны наблюдалось правило давать въ награду отличившимся офицерамъ двухъ дѣйствующихъ баталіоновъ кресты, а не чины, чтобъ не обидѣть офицеровъ баталіона, остававшагося въ Петербургѣ. Въ Польскую кампанію, въ продолженіе которой баталіонъ моего брата оставался въ Петербургѣ, это правило было оставлено: штабсъ-капитаны и поручики, оставившіе моего брата капитаномъ, вернулись полковниками. Онъ командовалъ ротою двѣнадцать лѣтъ и во все это время подвергался замѣчаніямъ и выговорамъ Великаго Князя Михаила Павловича, который и уважалъ его, но поступалъ такъ по какому-то странному предубѣжденію. Наконецъ онъ произведенъ былъ въ полковники, и вскорѣ получилъ баталіонъ. И тутъ обошлось не безъ бѣды. На маневрахъ въ Гатчинѣ, осенью 1844 года, лошадь его, испугавшись нечаянныхъ выстрѣловъ, упала съ нимъ навзничь на мостовую и онъ такъ сильно ушибъ затылокъ, что лишился памяти. Это было въ виду Николая Павловича. Его внесли во дворецъ. Государь и Государыня принимали самое жаркое участіе въ его положеніи и радовались его выздоровленію. Въ 1847 году былъ онъ назначенъ С.Петербургскимъ плацмаіоромъ, и вскорѣ снискалъ полное вниманіе и довѣренность Государя, уваженіе начальства, города и всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло; былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ вторымъ комендантомъ. Въ этой должности онъ могъ удовлетворить влеченіямъ добраго своего сердца, облегченіемъ участи и страданій тѣхъ лицъ, которыя, находясь подъ военнымъ судомъ, содержались въ Ордонансъ-гаузѣ. 16-го Марта 1850 года скончался онъ скоропостижно. Государь, услышавъ о

его смерти отъ коменданта, сказалъ: «Онъ былъ достойнѣйшій человѣкъ». Эти слова вырѣзаны на его надгробномъ камнѣ на Волковомъ кладбищѣ. За гробомъ шли, проливая слезы умиленія и благодарности, сидѣвшіе у него арестанты!...... Кто станетъ укорять человѣка за многорѣчіе, когда идетъ дѣло о его другѣ? А я говорю здѣсь о братѣ. Le frère est un ami donné par la nature *).

Возвратимся къ солдатской школѣ. Учебною частью завѣдывалъ я только сначала: вскорѣ моя помощь сдѣлалась ненужною. Ученіе продолжалось съ удивительнымъ успѣхомъ. Въ концѣ втораго мѣсяца, солдаты, не знавшіе дотолѣ ни аза, выучились читать и съ таблицъ, и по книгамъ; многіе писали уже порядочно. Нельзя вообразить прилежанія, ревнія, удовольствія, съ какими они учились: предъ ними разверзался новый міръ. Сипягинъ былъ въ восторгѣ. Васильчиковъ (Л. В.), Бистромъ (Карлъ Ив.), Потемкинъ, Храповицкій и многіе другіе пріѣзжали смотрѣть училище и не могли надивиться. Ожидали, что пожалуетъ самъ Государь. Однажды, вовсе неожиданно, пріѣхалъ начальникъ Главнаго Штаба князь Волконскій, осмотрѣлъ школу съ явнымъ неудовольствіемъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Бурцову за несоблюденіе солдатами формы и уѣхалъ. Вскорѣ за нимъ прибылъ Сипягинъ и, узнавъ, что пріѣзжалъ князь Волконскій (который за полчаса обѣщалъ ему поѣхать въ школу на другой день съ нимъ самимъ), измѣнился въ лицѣ. Это было первымъ признакомъ его паденія. Второй признакъ замѣтили въ томъ, что командиръ Павловскаго полка Адамъ Бистромъ (братъ Карла Ивановича), велѣлъ выкинуть изъ сарая казармъ разныя вещи Сипягина, которыя тамъ дотолѣ хранились съ благоговѣніемъ. Паденіе Сипягина послѣдовало оттого, что Государь гдѣ-то встрѣтился съ Криднеромъ и сталъ укорять его, что онъ упрямится и не хочетъ покориться, сколько ни убѣждалъ его къ тому Государь чрезъ Сипягина. Криднеръ отвѣчалъ и доказалъ, что Сипягинъ именно отсовѣтывалъ ему обращаться къ Государю. Положили сбыть его съ рукъ и сбыли: онъ былъ назначенъ командиромъ 6-й пѣхотной дивизіи, стоявшей въ Ярославлѣ. Перенесъ онъ эту невзгоду съ величайшею гордостью и спокойствіемъ. Я былъ у него на другое утро, по напечатаніи приказа о его перемѣщеніи. Онъ говорилъ со мною равнодушно, изъявлялъ только сожалѣніе, что не дождался плодовъ школы. Призвавъ къ себѣ гвардейскаго капельмейстера Дёрфельда, заказалъ ему новые инструменты для шести полковъ своей дивизіи и просилъ доставить ему учителей. Товарищи Сипягина, пресмыкавшіеся предъ нимъ наканунѣ, прислали къ нему Николая Ивановича Демидова, чтобъ посмотрѣть, какъ онъ *выглядитъ*. Сипягинъ принялъ генерала-лейтенанта, стоя, въ сертукѣ и ночныхъ сапогахъ, не вынимая изо рту сигары, не прося его садиться и преравнодушно говоря о новомъ своемъ назначеніи, какъ будто бы это было повышеніе. Демидовъ не зналъ, куда дѣваться. Сипягинъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ, командовалъ усердно 6-ою дивизіею, потомъ 20-ою въ Пензѣ. Тамъ, въ 1824 году, смотрѣлъ ее Александръ и восхитился ея совершенствомъ. Между прочимъ третья шеренга всѣхъ полковъ была вы-

*) Братъ есть другъ данный природою.

учена артиллерійской службѣ. Случись, что перебьютъ въ дѣлѣ прислугу у пушекъ, строевые солдаты замѣняли ее мгновенно. Государь возвратилъ прежнюю милость Сипягину. Онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, и я обрадованъ былъ его встрѣчею и пріемомъ. Потомъ онъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Тифлисѣ, дѣйствовалъ успѣшно противъ непріятелей (въ Персидскую войну), и умеръ въ 1829 году отъ болѣзни. — Память его не исчезнетъ въ сердцахъ людей, знавшихъ его въ частной жизни.

Училище шло своимъ чередомъ. Бурцовъ оставилъ службу при гвардейскомъ корпусѣ и рекомендовалъ моего брата, какъ совершенно способнаго замѣнить его. Я продолжалъ свой надзоръ. Но училище утратило часть своего блеска. Новый начальникъ Штаба А. Х. Бенкендорфъ былъ человѣкъ пріятный, образованный, добрый, но равнодушный къ дѣламъ, выходившимъ изъ обыкновеннаго круга. Между тѣмъ назначеніе школы было достигнуто. Въ полгода всѣ солдаты въ ней выучились грамотѣ, разумѣется лучше или хуже. 19-го Іюля 1819 г. происходилъ смотръ ея Александромъ I. Государь пріѣхалъ въ сопровожденіи Васильчикова, Бенкендорфа А. Ѳ. Орлова и нѣсколькихъ другихъ генераловъ, былъ очень веселъ и доволенъ, любовался пестротою разнокалиберныхъ мундировъ, обласкалъ меня. Произведенъ былъ экзаменъ и кончился къ общему удовольствію. При этомъ произошелъ неважный случай, могущій служить прибавленіемъ къ истинѣ: большія дѣйствія отъ маленькихъ причинъ. Главнымъ указателемъ или инспекторомъ былъ кавалегардскій унтеръ-офицеръ Горшковъ, красавецъ, миловидный собою, умный и проворный. Но и на старуху бываетъ проруха. Когда братъ мой скомандовалъ къ началу упражненій, Горшковъ сбился и не такъ повторилъ команду. Я взглянулъ на него и покачалъ головою. Горшковъ покраснѣлъ, улыбнулся и поправился. Эта безмолвная перемолвка не ускользнула отъ вниманія Александра, какъ оказалось въ послѣдствіи. Между тѣмъ Государь очень милостиво благодарилъ меня за стараніе о его солдатахъ и уѣхалъ совершенно довольный. Училище ему понравилось, и онъ приказалъ учредить по такому же училищу въ каждомъ полку Гвардейскаго Корпуса. — Я былъ назначенъ директоромъ съ 5 т. р. жалованья, за экзаменъ получилъ перстень въ 3 т. р., брату моему дали орденъ Св. Анны 3-ей степени, унтеръ-офицеры, бывшіе монитерами, произведены въ 14-й классъ; словомъ, все шло какъ по маслу. Я составилъ уставы, руководства и учебныя таблицы, напечаталъ ихъ и разсылалъ по арміи. Начали учреждаться школы: онѣ были устроены въ Преображенскомъ полку *), въ Московскомъ **), въ Егерскомъ ***), въ Кавалергардскомъ. Въ другихъ готовились. — Здѣсь долженъ я опять сдѣлать отступленіе.

Введеніе Ланкастерской методы не ограничилось гвардейскими полковыми училищами. Въ началѣ 1820 года Императрица Марія Ѳеодоровна поручила мнѣ чрезъ почетнаго опекуна Карла Ѳедоровича Модераха, ввести эту методу въ классахъ воспитанни-

---

*) Начальникомъ этой школы былъ: подпоручикъ Игнатьевъ, нынѣ генералъ отъ инфантеріи, С. Петербугскій военный губернаторъ. **) Поручикъ баронъ Б. А. Фредериксъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ. ***) Поручикъ Алексѣй Васильевичъ Семеновъ, нынѣ сенаторъ.

ковъ и воспитанницъ Воспитательныхъ Домовъ, Петербургскаго и Гатчинскаго; это было исполнено вскорѣ и съ успѣхомъ. Потомъ заведены были существующія понынѣ училища солдатскихъ дочерей полковъ гвардіи (первое въ Семеновскомъ полку, другое въ Большой Конюшенной). И здѣсь успѣхъ совершенно оправдалъ и методу и способъ ея приложенія. Въ то же время составилъ я, преимущественно изъ членовъ Масонской ложи Избраннаго Михаила (гр. Ѳ. П. Толстаго, Ѳ. И. Глинки, П. Я Фонъ-Фока, В. И. Григоровича, Н. И. Кусова и м. др.), общество для заведенія училищъ взаимнаго обученія, и мы открыли одну школу (на 360 человѣкъ) въ домѣ Шабишева, на углу Вознесенской и Садовой улицъ. Во всѣхъ этихъ начинаніяхъ былъ я дѣйствующимъ лицемъ. Кажется, по естественному порядку вещей, слѣдовало бы по Министерству Просвѣщенія воспользоваться моими знаніями и опытностью и употребить меня на пользу народныхъ школъ, которыя находились тогда, и находятся нынѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Вышло противное. Министерство Просвѣщенія (то есть главный его двигатель Магницкій) возненавидѣло меня, осмѣлившагося дѣйствовать въ пользу общую безъ его вѣдома и положило стереть меня съ лица земли. Можетъ быть, я самъ подалъ къ тому поводъ явными и громкими своими сужденіями объ этихъ лицемѣрахъ. Обстоятельства имъ благопріятствовали.

Семеновская исторія изумила и огорчила Александра. Онъ получилъ извѣстіе о ней въ Троппау, какъ сказано выше. Вмѣсто того, чтобъ видѣть въ этомъ неповиновеніи вспышку нетерпѣнія избалованныхъ солдатъ, которыхъ хотѣли обратить къ прежнему порядку, онъ подумалъ, что это есть проявленіе революціонныхъ замысловъ, о существованіи которыхъ онъ давно догадывался. Случилось такъ еще, что король Прусскій сообщилъ ему догадку о существованіи центральнаго комитета, для возмущенія Европы, въ Швейцаріи. Александръ спросилъ у Чаадаева, прибывшаго изъ Петербурга съ донесеніемъ о непріятномъ происшествіи: «Знаешь ли ты Греча?» — «Знаю, В. В.» — Бывалъ ли онъ въ Швейцаріи? — «Былъ, сколько знаю», отвѣчалъ Чаадаевъ по всей справедливости. «Ну, такъ теперь я вижу, «продолжалъ Государь, и прибавилъ: «Боюсь согрѣшить, а думаю, что Гречъ имѣлъ участіе въ Семеновскомъ бунтѣ». Эта догадка пришла въ Петербургъ и пала какъ свѣжее зерно на удобренную землю. Дѣйствительно должна быть тому причиною революціонная мысль, да гдѣ она таится? Какъ гдѣ? Въ полковыхъ школахъ. А кто же занесъ ее? Разумѣется, Гречъ. Началось съ того, что число школъ ограничилось существующими: новыхъ не заводили, да и въ прежнихъ стѣснили продолженіе уроковъ, занимая солдатъ службою. Сколь глубоко вкоренилась въ Александрѣ мысль о революціонномъ началѣ этого дѣла, явствуетъ изъ того, что онъ прогнѣвался на графа Павла Петровича Сухтелена, который сообщилъ отцу своему (посланнику въ Стокгольмѣ) вѣрныя свѣдѣнія о существѣ этого дѣла. Отецъ напечаталъ ихъ въ газетахъ. Александръ думалъ, что этимъ хотятъ прикрыть истину. Къ подавленію меня присоединились еще другія обстоятельства и случаи. Извѣстный въ послѣдствіи подполковникъ лейбъ-гренадерскаго полка Дмитрій Потаповичъ Шеле-

ховъ [1]) написалъ глупые стихи на Семеновскій бунтъ, и особенно на Шварца. Стихи эти разошлись по городу въ рукописяхъ, безъ имени сочинителя. Авторъ былъ извѣстенъ, но начальство гвардіи хотѣло его скрыть, и стихи были приписаны мнѣ. «Онъ не военный», сказалъ Бенкендорфъ, «и вообще Государь не хорошаго о немъ мнѣнія; такъ что его щадить!» Непремѣнно хотѣли приписать мнѣ участіе въ подговорѣ солдатъ къ бунту, потому только, что я очень часто бывалъ въ училищѣ солдатскихъ дочерей, состоявшемъ въ Семеновскомъ полку, а это вѣдь была моя служба. Казначеевъ (нынѣ сенаторъ въ Москвѣ) дежурный штабъ-офицеръ въ Гл. Штабѣ, не благоволилъ ко мнѣ за критику на Грамматику Россійской Академіи, которою обидѣлся дядя его Шишковъ [2]). Признаюсь, всѣхъ лучше обходился со мною Грибовскій (библіотекарь и секретарь Комитета 18 Августа). Говорятъ, онъ доносилъ на своего благодѣтеля Глинку, но Глинка былъ хотя и невиненъ, но все въ какой нибудь связи съ либералами, а я былъ имъ чуждъ совершенно, и Грибовскій зналъ это въ точности. Но всего замѣчательнѣе было, что главные навѣты на меня произошли отъ Воейкова, человѣка, мною призрѣннаго и облагодѣтельствованнаго, которому я посвящу, въ моихъ Запискахъ, особую статью. Онъ былъ моимъ половинщикомъ въ Сынѣ Отечества и старался сжить меня съ рукъ, чтобъ завладѣть всѣмъ журналомъ, клеветалъ и доносилъ на меня и словесно и письменно, и когда это не удалось, совѣтовалъ мнѣ бѣжать за границу для уклоненія себя отъ гоненій, принимая на себя изданіе въ пользу моего семейства. Я былъ ошеломленъ отъ этого предложенія; но Булгаринъ, тогда еще человѣкъ порядочный, открылъ мнѣ глаза. Впрочемъ я переносилъ тогдашнія бури, невзгоды и опасенія равнодушно, по той причинѣ, что сердце мое страдало отъ существенныхъ потерь: я окрѣпъ и ожесточился противъ другихъ ударовъ судьбы. 12-го Декабря 1820 года умерла любезная моя свояченица Сусанна Даниловна Мюссаръ, а 11-го Января 1821 первый другъ мой въ мірѣ Иванъ Карловичъ Борнъ. Такъ было и съ Госнеровскою исторіею: она разразилась у меня надъ головою въ то самое время, когда скончалась дочь моя Ольга: я глядѣлъ на житейскую невзгоду равнодушно.

Въ Январѣ 1821 года прислалъ ко мнѣ графъ В. П. Кочубей, тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ, своего камердинера съ просьбою пріѣхать къ нему на другой день вечеромъ. У меня бывали частныя сношенія съ графомъ: я доставлялъ ему учителей. Пріѣзжаю и нахожу въ пріемной залѣ М. Я. Фонъ-Фока, директора Особенной Канцеляріи М. В. Д. (что нынѣ III Отдѣленіе С. Е. И. В. Кан-

[1]) Шелеховъ, прожившій родовое свое имѣніе разными сельско-хозяйственными спекуляціями, брался за разныя средства къ поддержанію своего существованія и къ пріобрѣтенію извѣстности. Между прочимъ онъ писалъ въ Экономическомъ Обществѣ о сельскомъ хозяйствѣ. Около 1850 года онъ описалъ царствованіе императора Павла, выставивъ его величайшимъ царемъ и человѣкомъ, сдѣлавшимся жертвою своей любви къ чести и правосудію, и представилъ свою рукопись Николаю Павловичу. Государь прочиталъ ее со вниманіемъ, пожертвовавъ для этого цѣлую ночь, восхитился ея содержаніемъ, произвелъ Шелехова изъ подполковника въ полковники и опредѣлилъ къ своей особѣ, предоставивъ ему входъ къ себѣ во всякое время. Но Шелеховъ вскорѣ умеръ.

[2]) Сколько намъ извѣстно, А. И. Казначеевъ постоянно оказывалъ всякое содѣйствіе Н. И. Гречу, между прочимъ въ пріѣздъ его во Францію. *П. Б.*

целяріи). Насъ позвали въ гостинную. Графъ, страдая подагрою, лежалъ на диванѣ. Мы сѣли по сторонамъ. Графъ заговорилъ со мною объ учителѣ Русскаго языка, котораго я рекомендовалъ ему и который оказался пьяницею. Я обѣщалъ ему прислать другаго и, думая, что дѣло кончилось, всталъ, чтобъ откланяться и уйти, тѣмъ болѣе, что Фонъ-Фокъ пріѣхалъ съ портфелемъ, слѣдственно по дѣламъ службы. — «Куда вы это спѣшите?» сказалъ графъ: «вотъ не хотите посидѣть съ больнымъ человѣкомъ. Что вы подѣлываете? Какъ идутъ ваши солдатскія школы?» — «Очень плохо, в. с.; видно полковые командиры боятся, чтобъ солдаты не сдѣлались ученѣе ихъ, и потому ни мало не радѣютъ объ успѣхахъ школъ, уже существующихъ, и объ устроеніи новыхъ». — «А какъ принимаютъ солдаты это обученіе? Какъ они учатся?» — «Они принимаютъ это какъ величайшее благодѣяніе, и учатся съ большимъ усердіемъ.» — «И Семеновскіе хорошо учились?» — «Семеновскіе еще не учились вовсе». — «Почему такъ?» спросилъ графъ съ удивленіемъ. — «Потому, что въ Семеновскомъ полку и школы не было». — При этомъ взглянулъ я на Фонъ-Фока и замѣтилъ, что онъ переглянулся съ графомъ, улыбкою выражая подтвержденіе сказаннаго мною. — «Почему жъ не было?» — «Школы учреждаемы были по возможности и по благоусмотрѣнію полковыхъ командировъ, особенно адъютантовъ. Въ Семеновскомъ полку матеріальное устройство классовъ было кончено, люди назначены, но я въ училищѣ не бывалъ, да и не зналъ, гдѣ именно оно въ полку находится. Въ субботу, 20-го Ноября, явился ко мнѣ фельдфебель отъ полковаго адъютанта, флигель-адъютанта Бориса Петровича Бибикова, съ вопросомъ, нельзя ли сдѣлать открытіе школы въ понедѣльникъ 22-го. Я отвѣчалъ, что 22-го положено уже быть открытію школы въ лейбгренадерскомъ полку, и потому должно отложить до вторника, 23-го. Между тѣмъ случилось, въ воскресенье 21-го, извѣстное происшествіе, и школа не открывалась». Графъ видимо былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ, и послѣ другихъ ничтожныхъ разговоровъ я откланялся. Въ послѣдствіи я узналъ, что это былъ допросъ, произведенный по Высочайшему повелѣнію, и что графъ Кочубей, въ своемъ донесеніи, изложилъ это дѣло въ истинномъ его свѣтѣ и выставилъ совершенную мою невинность. Какое счастіе, что я попался въ руки честныхъ и безпристрастныхъ людей! Впрочемъ мои похожденія этимъ не кончились. Воспользовались выступленіемъ гвардіи въ походъ (въ началѣ 1821 года) для закрытія училищъ, съ чѣмъ вмѣстѣ прекращалось и званіе директора. На бумагѣ о томъ Государь написалъ своеручно: «А надворнаго совѣтника Греча не оставить безъ пропитанія». Когда мнѣ объявили о томъ, я отправился къ Л. В. Васильчикову (корпусному командиру) и объявилъ ему, что считаю себя обиженнымъ; что, благодаря Государя за вниманіе, въ пропитаніи не нуждаюсь, но имѣю все право требовать гласнаго признанія непорочности и безукоризненности моей службы. — «Что же вы хотите?» спросилъ Л. В. — «Я дослуживаю послѣдній годъ въ настоящемъ чинѣ: дайте мнѣ чинъ колежскаго совѣтника, который слѣдуетъ мнѣ и безъ того чрезъ четыре мѣсяца за выслугу лѣтъ, но упомянувъ въ указѣ, что это повышеніе есть на-

града за вѣрную и усердную мою службу по званію директора полковыхъ школъ.» — «Справедливо», отвѣчалъ Васильчиковъ, «постараюсь объ этомъ и надѣюсь на успѣхъ». Я сдалъ свою должность въ Штабѣ; гвардія вышла въ походъ, чинъ мнѣ не выходилъ, и я вскорѣ утѣшился. Ну стоитъ ли этимъ тревожиться! Я и теперь легко переношу эти дрянныя неудачи, а тогда! Въ молодости чего не вытерпишь, а мнѣ былъ тридцать четвертый годъ отъ роду. Чтожъ вышло на дѣлѣ? Васильчиковъ дѣйствительно представилъ Государю и получилъ согласіе дать мнѣ чинъ, если не настоитъ тому препятствій по службѣ, а какъ я былъ почетнымъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки, имѣвшей несчастіе состоять въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, то запросъ о неимѣніи препятствій отправленъ былъ изъ Штаба въ таковое. Тамъ это отношеніе попалось въ руки Магницкаго. Этотъ гадъ натѣшился. Написалъ въ отвѣтъ, что надворный совѣтникъ Гречъ не только не достоинъ награды, но и не можетъ быть терпимъ на службѣ, по вреднымъ своимъ правиламъ и дѣйствіямъ, по явному сопротивленію волѣ начальства дерзкими къ оному отзывами. А я отъ роду не имѣлъ сношенія съ этимъ начальствомъ, и если писалъ къ нему, то эти бумаги исходили отъ управленія Общества Училищъ Взаимнаго Обученія и подписывались не мною. Въ тоже время предписано было этому управленію удалить меня отъ участія въ дѣлахъ его. Послѣднее было мнѣ извѣстно, но о первомъ отзывѣ я не зналъ. Начальникъ Штаба, получивъ его на походѣ и видя гнусную несправедливость подлаго министерства, пожалѣлъ обо мнѣ и не сообщалъ о томъ, а я думалъ, что меня забыли! Между тѣмъ я оставался на службѣ въ Воспитательномъ Домѣ и въ училищахъ солдатскихъ дочерей, но золотые дни мои прошли. Со мною обходились внимательно и учтиво, но холодно. Государыня уже не приглашала меня къ обѣдамъ въ Гатчину, рѣже обращали ко мнѣ рѣчь, и т. п. При открытіи втораго училища солдатскихъ дочерей, въ Большой Конюшенной, Государыня жестоко сердилась на архитектора, который пошелъ далеко за смѣту. На внутреннее устройство классовъ мнѣ отпустили тысячу рублей. Оно обошлось въ семьсотъ рублей, и остатокъ представленъ былъ мною начальству. Для смягченія гнѣва на архитектора, Гр. Ив. Валламовъ тутъ же представилъ ей мой отчетъ. Она обрадовалась экономіи, оборотилась ко мнѣ ласково, и сказала: «Я отъ васъ иного и не ожидала». Что жъ? Когда меня представили къ наградѣ, вышелъ отзывъ: «Que voulez-vous que je lui donne? C'est un grand seigneur!» — Въ 1822 году представила она меня къ Анненскому ордену втораго класса. Вмѣсто того мнѣ вышелъ чинъ, уже за годъ выслуженный мною. Я довелъ о томъ до свѣдѣнія Императрицы. Она поручила Вилламову спросить у Государя, почему онъ, утвердивъ всѣ награды въ представленіи, перемѣнилъ одну, назначенную Гречу. «Доложите матушкѣ,» отвѣчалъ Александръ, «что Гречъ, какъ мнѣ извѣстно, именно желаетъ награды чиномъ. Я не могъ исполнить этого прежде, а теперь воспользовался случаемъ». Достойная вниманія черта характера Александра! Онъ возъимѣлъ на меня подозрѣніе, потомъ увѣрился въ невинности моей и

желалъ сдѣлать мнѣ добро, но опасался гадинъ, пресмыкавшихся вокругъ его престола. Душевная моя признательность слѣдуетъ его памяти за могилу! Я служилъ еще года два по этимъ заведеніямъ, но, видя что не могу принести, въ новыхъ обстоятельствахъ, всей пользы, какой ожидали, вышелъ въ отставку съ прекрасными аттестатами. Частная школа взаимнаго обученія, принесшая въ свое время много пользы, потомъ исчезла отъ недостатка вниманія и соревнованія.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ В. Д. ДАВЫДОВА *).

III.

Смерть фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго въ 1831 году подала поводъ къ разнымъ предположеніямъ и догадкамъ, которыя передавались людской молвой съ разными доводами, преувеличеніями, и наконецъ съ такими искаженіями истины, что дали возможность Французскому историку Louis Blanc коснуться этого вопроса въ его Histoire de dix ans и быть отголоскомъ тогдашняго общественнаго мнѣнія. Случай доставилъ мнѣ возможность выслушать правдивый и безъискусственный разсказъ о смерти фельдмаршала отъ бывшаго его адъютанта Н. Е. П. и тѣмъ возстановить истину. Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ, исторія вступаетъ въ свои права и каждому безпристрастно отдаетъ должное, карая виновныхъ и оправдывая невинныхъ: людская молва, какъ морская волна, должна разбиться объ утесъ истины и не навязывать грѣховъ лишнихъ на человѣчество, уже и безъ того ими богатое. Н. Е. П. разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Главная квартира фельдмаршала находилась тогда въ деревнѣ Клешовѣ, въ 3 верстахъ отъ Пултуска. Графъ Дибичъ уже болѣе недѣли страдалъ разстройствомъ желудка, но упорно скрывалъ болѣзнь свою. Камердинеръ его Арсеній сказалъ объ этомъ адъютантамъ, которые посовѣтовали ему обратиться къ другу графа, флигель-адъютанту К. В. Чевкину. Онъ спросилъ Арсенія, сколько онъ по вечерамъ наливаетъ въ графинчикъ рому для вечерняго чая фельдмаршала, и на отвѣтъ что онъ ему ставитъ полный графинчикъ, Чевкинъ приказалъ ему съ того же дня не ставить ему болѣе полграфинчика. Чтобы понять это распоряженіе, надобно знать, что обыкновенно фельдмаршалъ самъ не требовалъ себѣ никакого напитка, но имѣлъ привычку выпивать все до чиста, что бы передъ нимъ ни поставили. Образъ жизни его былъ слѣдующій. Онъ обѣдалъ въ 12 ч. пополудни и за столомъ, послѣ рюмки водки, пилъ всякое вино, какого бы дурнаго качества оно ни было, такъ называемое vin du pays. Вечеромъ, часовъ въ шесть, онъ выпивалъ двѣ чашки пуншу, а за ужиномъ рюмку водки и два-три стакана шампанскаго изъ цѣлой бутылки, которую ставили передъ нимъ. Эта бутылка шампанскаго и была причиною его смерти, какъ думаетъ Н. Е. П., и вотъ по какому случаю. Камердинеръ графа, Арсеній, выпивалъ обыкновенно оставшееся послѣ ужина шампанское изъ горлушка въ другой комнатѣ и дѣлалъ это такъ открыто, что не только адъютанты и другія лица видали это, но самъ фельдмаршалъ неоднократно замѣчалъ эти дѣйствія Арсенія, и молчалъ изъ привязанности къ нему. За нѣсколько дней до смерти графа, Арсеній заболѣлъ, и подкамердинеръ деньщикъ Павелъ, за-

*) См. выше, стр. 0948 и слѣд. Печатая эти замѣтки, просимъ читателя не забывать, что это не строгія историческія истины, а только записанные разсказы, въ которые естественно могутъ вкрасться обмолвки и неточности. Разсказъ о гр. Дибичѣ, по просьбѣ нашей, былъ провѣренъ тѣмъ лицемъ, отъ котораго онъ записанъ. *П. Б.*

мѣнившій его, задумалъ сдѣлать тоже самое съ оставшимся шампанскимъ, но такъ неудачно, что графъ Дибичь увидѣлъ и весьма разсердился; призвавъ завѣдующаго его хозяйствомъ, полковника Сакса, онъ сталъ ему выговаривать, какъ смѣлъ деньщикъ Павелъ пить его шампанское какъ камердинеръ его Арсеній, прибавивши, что есть дѣйствія, которыя можно спустить одному, не дозволяя этого другому. Полковникъ Саксъ, побранивши Павла, приказалъ на другой день поставить фельдмаршалу недопитую бутылку шампанскаго; разумѣется оставшееся вино выдохлось и прокисло. Въ это самое утро пріѣхалъ въ главную квартиру генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, отъ имени Государя, чтобы приготовить фельдмаршала къ тому, что графъ Паскевичъ вызванъ изъ Грузіи, и что Его Величество недоволенъ медленностію и нерѣшительностію дѣлъ [1]). Это извѣстіе очень встревожило графа Дибича. Графъ Орловъ обѣдалъ въ этотъ день у него и не видалъ его уже болѣе. Къ вечеру, какъ только фельдмаршалъ за ужиномъ, за которымъ онъ всегда бывалъ одинъ, выпилъ оставшееся шампанское, у него почти немедленно открылась къ 11 часамъ ночи самая сильная холера съ корчами. Немедленно дали объ томъ знать адъютантамъ, и всѣ собрались на квартиру главнокомандующаго. Графа Дибича лечилъ генералъ-штабъ-докторъ арміи Иванъ Богдановичъ Шлегель и, не смотря на всѣ употребленныя имъ медицинскія мѣры, графъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ около 6 ч. утра. Тѣло его повезли въ Россію черезъ Пруссію, сопровождаемое всѣми его адъютантами подъ командою флигель-адъютанта полковника князя Петра Ивановича Трубецкаго, съ конвоемъ отъ Кирасирскаго принца Алберта полка подъ командою флигель-адъютанта барона Мейндорфа, и моремъ оно было доставлено въ Петербургъ.

Тотъ же Н. Е. П—ъ повторялъ мнѣ неоднократно, что, не смотря на привычку графа Дибича пить много вина и пунша, онъ П., въ продолженіи 3-хъ кампаній, въ которыхъ онъ служилъ при немъ адъютантомъ, разъ только видѣлъ его въ разгоряченномъ отъ вина состояніи, и вотъ по какому случаю.

Во время перехода черезъ Балканскія горы, когда армія достигла Эминедага, высшей точки горъ, передъ нею открылся видъ на Черное море и на нашъ флотъ, стоявшій на якорѣ у порта Мезембріи, недалеко отъ Бургаса. Какъ только зачернѣлись высоты горъ отъ появленія арміи, адм. Грейгъ, командовавшій флотомъ, послалъ своего адъютанта поздравить фельдмаршала съ небывалымъ событіемъ, съ новыми лаврами для него и для арміи и пригласить его откушать на стопушечный корабль Парижъ. Графъ Дибичъ согласился и велѣлъ съ собою ѣхать начальнику главнаго штаба графу Толю, дежурному генералу Обручеву, адъютантамъ Панину, Андрѐ и другимъ, и фл.-адъютантамъ кн. Трубецкому и Чевкину. У берега стоялъ разукрашенный катеръ съ красиво одѣтыми гребцами и съ однимъ изъ адъютантовъ Грейга на рулѣ. Ударили весла, и начался салютъ со всѣхъ кораблей. Въ дыму пушечномъ, при оглушающей пальбѣ орудій и крикахъ ура, подъѣхалъ фельдмаршалъ Дибичъ къ кораблю Парижъ. Столъ богатоубранный и сервированный болѣе чѣмъ на 50 челов. былъ накрытъ на просторной каютъ-палубѣ, и всѣ прибывшіе, не видавшіе болѣе года такого пиршества, усталые и голодные отъ

[1]) По свидѣтельству лица, близко знавшаго графа Дибича и принимавшаго участіе въ войнахъ Турецкой и Польской, графъ Дибичъ былъ удивителенъ въ начертаніяхъ военныхъ дѣйствій и въ соображеніяхъ тактическихъ, требовавшихъ кабинетной работы; но за то „не умѣлъ водить и не умѣлъ кормить солдатъ". Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Польскую войну, онъ выражалъ Государю полную увѣренность въ скоромъ потушеніи мятежа; неудачи разумѣется раздражали его. Надо напомнить еще, что не за долго до того гр. Дибичь схоронилъ нѣжно любимую жену свою. *П. Б.*

похода, усѣлись за столъ съ сильнымъ намѣреніемъ крѣпко покушать, но еще крѣпче выпить въ честь такого торжества. Радушный хозяинъ потчивалъ и не жалѣя подливалъ всѣхъ возможныхъ винъ графу Дибичу. Тотъ выпивалъ каждую рюмку залпомъ и по своей привычкѣ откидывалъ голову назадъ, поправляя свои густые волосы. Это угощеніе онъ бы выдержалъ, не смотря на количество и разнообразіе выпитыхъ винъ; но послѣ обѣда лакей принесъ огромный поднось уставленный стаканами съ грокомъ весьма крѣпкимъ, и адмиралъ почтительно объявилъ, что, по обычаямъ флота, онъ проситъ всѣхъ откушать гроку, ибо безъ этого по морскому закону никто не можетъ сойти съ корабля. Фельдмаршалъ, выпивши гроку, дѣйствительно ослабѣлъ, такъ что всѣ находившіеся при немъ и самъ адмиралъ нѣсколько сконфузились, опасаясь, чтобы фельдмаршалу не сдѣлалось дурно. Къ тому же пришло въ голову, что сходъ съ корабля по лѣстницѣ весьма затруднителенъ, особенно взявъ во вниманіе, что графъ Дибичь былъ малъ ростомъ, толстъ, съ короткими и больными ногами, всегда въ калошахъ. Поэтому ген. Обручевъ подошелъ къ Панину и предложилъ ему дать руку фельдмаршалу. На это Панинъ отвѣчалъ ему: „Не угодно ли вашему превосходительству самому подать ему руку; я же безъ приказанія фельдмаршала не смѣю этаго сдѣлать“. Въ это время графъ Дибичъ, взглянувъ въ сторону, примѣтилъ Панина и кивнулъ ему головою. Когда тотъ подошелъ, онъ ему сказалъ: mon cher, donnez moi votre bras (любезный другъ, дайте мнѣ руку). Панинъ былъ при палашѣ, въ шпорахъ; кромѣ того долженъ былъ сходить задомъ съ трапа, держать и палашъ и графа и держаться за поручень; но молодость, сила и безконечная любовь и привязанность его къ добрѣйшему и великодушному фельдмаршалу, помогли сойти благополучно и перебраться въ катеръ. Тамъ фельдмаршала разобрало желаніе подъѣзжать то ко одному кораблю, то къ другому, и каждый изъ этихъ великановъ при появленіи его салютовалъ ему изо всѣхъ бортовъ. Наконецъ прибыли къ берегу. Всѣ думали, что графа будутъ ожидать дрожки, но его ждала верховая лошадь. Графъ былъ по его тѣлосложенію весьма плохой ѣздокъ, а потому всегда съ трудомъ садился и слѣзалъ съ лошади; но и здѣсь, какъ почти и всегда, Панинъ, ѣхавшій рядомъ, поддерживалъ его, при переѣздѣ чрезъ неровныя мѣста. И такимъ образомъ добрались благополучно до фельдмаршальской ставки.

Н. Е. П. прибавляетъ, что фельдмаршалъ былъ до крайности вспыльчивъ, но, взамѣнъ сего, добръ и великодушенъ неимовѣрно. Бывало, раскипятится „подъ арестъ, на гаубвахту, подъ судъ, разстрѣлять“ и всегда съ послѣднимъ словомъ уйдетъ въ палатку или въ кабинетъ, захлопнетъ сильно двери. Адъютанты при семъ случаѣ, бывало, стоятъ съ поникшими головами и съ потупленными взорами, зная напередъ, что буря благополучно разрѣшится. И дѣйствительно не пройдетъ и пяти минутъ, какъ фельдмаршалъ выходитъ совершенно успокоившійся и всегда прямо къ дежурному адъютанту: — „Сходите и скажите, что я приказалъ арестованному отдать шпагу и скажите ему, что онъ свободенъ“. Н. Е. П-ъ считаетъ самымъ счастливымъ временемъ всей своей службы то время, когда онъ состоялъ при столь великодушномъ, добрѣйшемъ и высокихъ чувствъ фельдмаршалѣ, который, при блистательныхъ его успѣхахъ и обширнѣйшихъ полномочіяхъ, никого не обидѣлъ и никого не сдѣлалъ несчастнымъ.

IV.

Графъ Дибичь въ 1828 г., принявши армію отъ фельд. кн. Витгенштейна, одержалъ, какъ извѣстно, блистательную побѣду подъ Кулевчею. Князь П. И. Тр., бывшій его адъютантомъ, былъ посланъ

съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ къ Государю Николаю Павловичу, находившемуся въ то время въ Варшавѣ, и разсказалъ мнѣ подробности этой поѣздки. Послѣ сраженія, къ вечеру, графъ Дибичъ, весьма довольный столь легкой побѣдой, доставившей ему огромные трофеи, ходилъ передъ своей палаткою и самодовольно напѣвалъ какія-то аріи; толпа адьютантовъ и ординарцевъ стояла въ почтительномъ розстояніи и весело припоминала эпизоды и исходъ сраженія. Графъ Дибичъ, проходя мимо нихъ, увидалъ кн. Тр., подозвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что онъ его посылаетъ курьеромъ къ Государю, причемъ добавилъ, что онъ желаетъ, чтобы князь заѣхалъ къ кн. Витгенштейну, дабы передать ему, что фельдмаршалъ обязанъ ему этою побѣдою, отъ блистательнаго состоянія арміи, которую онъ отъ него получилъ. Кн. Тр. поскакалъ и остановился на нѣсколько минутъ у своего тестя въ деревнѣ Каменкѣ (Каменецъ-Подольской губерніи) для передачи приказанія графа Дибича, немедленно полетѣлъ далѣе и уже на другой день обѣдалъ въ Тульчинѣ у Николая Ивановича Депрерадовича, который командовалъ гвардейскимъ корпусомъ, за отъѣздомъ въ Варшаву Великаго Князя Михаила Павловича. Во время обѣда, начальникъ штаба генералъ Нейдгартъ, желая извѣстить Вел. Князя Михаила Павловича объ привезенной кн. Тр. побѣдѣ, снарядилъ отъ себя эстафету, и только поспѣшность князя Тр. спасла его отъ непріятнаго положенія видѣть, что это дорогое извѣстіе передано другимъ раньше его. Князь Тр. поѣхалъ по другой дорогѣ, 75-ю верстами короче, на перекресткѣ нагналъ фельдъегеря, который везъ эстафету, именемъ главнокомандующаго остановилъ его и приказалъ ѣхать за собою. Онъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, явился къ гр. Владиміру Ѳедоровичу Адлербергу, который объявилъ ему, что онъ тѣмъ болѣе радостный вѣстникъ, что Государь очень опечаленъ бездѣйствіемъ арміи, неудачею нашего флота и волненіемъ умовъ въ Польшѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ повелъ его къ Государю. Когда кн. Тр. вошелъ, Государь сидѣлъ за столомъ и писалъ. При первыхъ словахъ гр. Адлерберга, онъ вскочилъ и бросился на колѣни передъ образомъ; помолившись недолго, всталъ, кинулся на шею кн. Тр. и прерывающимся, взволнованнымъ голосомъ сказалъ ему: „Поздравляю флигель-адъютантомъ“, и потомъ прибавилъ: „и полковникомъ“. Онъ сталъ его разспрашивать объ побѣдѣ, и когда князь сдѣлалъ движеніе, чтобы вынуть депеши изъ сумки, Государь перебилъ его и сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, не здѣсь, ты сейчасъ поѣдешь со мною къ Цесаревичу.“ Подали дрожки, и Императоръ, посадивши съ собою кн. Тр., повезъ въ Бельведерскій дворецъ. Жители Варшавы съ изумленіемъ смотрѣли на громадную фигуру Императора, черезъ весь городъ ѣхавшую съ молодымъ, малорослымъ княземъ Тр-мъ. Волненіе въ умахъ въ Польшѣ было въ то время сильное. Поляки ждали только какого-нибудь пораженія или невзгоды для нашего оружія, чтобы подняться, и потому поѣздка Государя съ курьеромъ немедленно разнеслась по городу. Великій Князь Константинъ въ то время только что вернулся съ ученья и въ холстинномъ халатѣ отдыхалъ; при извѣстіи объ пріѣздѣ Государя, онъ поспѣшно одѣлся и встрѣтилъ его. Императоръ вытянулся передъ братомъ, и торжественнымъ, подначальнымъ голосомъ произнесъ: “Имѣю счастіе донести Вашему Императорскому Высочеству о радостномъ извѣстіи“, поздравилъ его съ побѣдою и тутъ же представилъ ему своего новаго флигель-адъютанта. Они взошли въ кабинетъ и потребовали отъ князя Тр. депеши. Въ тотъ же день былъ посланъ въ Берлинъ, гдѣ находилась Императрица Александра Ѳедоровна, флигель-адъютантъ гр. Кушелевъ съ этимъ извѣстіемъ (такъ какъ Государь думалъ, что кн. Тр. утомился отъ дороги), а къ вечеру кн. Тр. снова потребованъ къ Государю. Онъ засталъ Императора за чаемъ. Онъ, милостиво предложивши ему чаш-

ку, сталъ разспрашивать его объ разныхъ подробностяхъ, объявилъ, почему не посылаетъ его дальше въ Берлинъ и наконецъ спросилъ его: „Скажи мнѣ откровенно, въ какихъ отношеніяхъ находятся фельдмаршалъ съ гр. Толемъ“. По счастію въ то время они жили довольно согласно, и кн. Тр. могъ этимъ обрадовать Государя. Послѣ довольно долгаго разговора, Императоръ приказалъ кн. Тр. возвратиться въ армію. За побѣду подъ Кулевчею графу Дибичу данъ орденъ С. Георгія I-й степени.

По разсказамъ князя Тр. объ командованіи арміею кн. Витгенштейномъ, видно, что присутствіе Императора весьма стѣсняло главнокомандующаго, не смотря на желаніе Государя быть не распорядителемъ, а только зрителемъ кампаніи. Весь дипломатическій корпусъ, со всѣми послами, сопровождалъ главную квартиру. Былъ составленъ военный совѣтъ изъ генераловъ Жомини, Довре, Васильчикова, кн. Щербатова и начальника главнаго штаба П. Д. Киселева. Оттуда шли приказанія, часто сбивчивые и противорѣчивые; тамъ сочинялись этими стратегиками планы кампаній, исполнителемъ которыхъ долженъ былъ быть кн. Витгенштейнъ, большею частію не соглашавшійся съ ними и не бывшій въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ начальникомъ своего штаба генераломъ Киселевымъ. Все это производило безпорядки, лишало армію единства дѣйствія и дѣйствовало пагубно на ходъ кампаніи. Во время осады Варны, гдѣ находится самъ Императоръ на кораблѣ Парижъ, кн. Витгенштейнъ былъ оставленъ подъ Шумлою. Узнавши, что Государь возвращается въ Россію, фельдмаршалъ послалъ князя Тр. предупредить графа Дибича, что онъ ѣдетъ проводить Императора и получить дальнѣйшіе приказанія. Графъ Дибичъ, увидѣвши кн. Тр., сказалъ, чтобъ онъ поспѣшилъ возвратиться и остановить пріѣздъ кн. Витгейнштейна по той причинѣ, что Государь, спѣша къ имянинамъ Императрицы Маріи Θеодоровны, не можетъ дожидаться фельдмаршала, при чемъ передалъ ему рескритъ, въ которомъ было объявлено, что Государь вручаетъ кн. Витгенштейну продолженіе зимней кампаніи. Рескриптъ хотя былъ написанъ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, но главнокомандующій ясно увидалъ немилость къ нему Государя. Онъ въ первую минуту, по пріѣздѣ въ Варну, былъ глубоко опечаленъ отъѣздомъ Государя, чувствуя, что онъ вполнѣ оплетенъ интригами и погубленъ въ его мнѣніи. Одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія противъ фельдмаршала была та, что князь не рѣшался перейти Балканы, безъ прибытія резервовъ изъ Россіи, на что въ послѣдствіи рѣшился графъ Дибичъ. Одно обстоятельство еще болѣе огорчало кн. Витгенштейна. Это то, что сынъ его, флигель-адъютантъ князь Людвигъ, почти на канунѣ отъѣзда Государева, былъ уволенъ въ отставку безъ его просьбы, во время войны, по навѣтамъ его враговъ, представившихъ превратно Государю желаніе молодаго князя временно оставить армію для свиданія съ женою, урожденною кн. Радзивилъ. Всѣ эти огорченія сдѣлали то, что князь Витгенштейнъ тутъ же хотѣлъ сложить съ себя командованіе арміею, но мольбы князя Тр. съ трудомъ успокоили раздраженнаго старика, и только весною 1829 г. онъ сдалъ армію графу Дибичу.

Князь Витгенштейнъ умеръ на дорогѣ въ Львовъ на первой станціи, проѣздомъ заграницу, въ 1835 году 15 Іюля.

Поправка къ стр. 451-й, строки 12 и 13 снизу: «31 Іюля 1812 получилъ Георгія 3-й степени въ чинѣ подполковника»; и ниже «16 Октября 1812»; а упомянутый на той же стр. генералъ не Граббе, а Гарпе.

ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева.*

Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Θеодоровны* къ Θ. И. Вадковскому.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Θеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное император. Екатеринѣ съ предис. *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (151) Императора *Петра I-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).

1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.

2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Θ. де-Пуле,* написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. И. Ламанскимъ.*

Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й,* или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла I-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу I-му, *Степана Руссова,* съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго.*

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертковской библіотекѣ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой — 2 руб. 50 коп., второй, третьей и четвертой — по 3 р. Пересылка каждой — за три фунта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго составятъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу*.

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Осмнадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**